

ISSN 1857– 4580

СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

**СЛАВЯНСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

НАУЧНО–ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 14-15 (20-21)

Кишинёв
2020

CZU 082:378.4(478)=135.1=161.1=161.2

C 47

Решением Национального Совета по аттестации Республики Молдова (CNAА) № **151 от 21 июля 2014 г.** журнал «Славянские чтения» зарегистрирован в качестве научно–теоретического издания по проблемам филологии, культурологии, философии, педагогики, искусствоведения (категория «С»).

Координатор издательских проектов Славянского университета - доктор философии, профессор **Бабенко О.А.**

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ СУ:

- Млечко Т.П., доктор хабилитат филологии, профессор, ректор СУ – председатель РИС СУ;
- Репида В.Б., доктор истории, профессор – зам. председателя РИС СУ;
- Балина И.В., доктор экономики, конференциар, директор Центра информационных технологий и дистанционного обучения СУ;
- Жаравина Л.В., доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет;
- Кротенко Ю.И., доктор хабилитат экономики, профессор, руководитель школы докторантуры, Институт международных отношений Молдовы (IRIM);
- Шаклеин В.М., доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, ответственный секретарь РОПРЯЛ, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов (РУДН).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сирота Е.В., доктор филологии, конференциар, Бельцкий государственный университет, РМ - ответственный редактор.

Балина И.В., доктор экономики, конференциар, директор Центра информационных технологий и дистанционного обучения СУ - технический редактор.

Рецензенты:

Волковская М.А., доктор педагогики, конференциар, Институт педагогических наук; Кишинев, РМ.

Зайковская Т.В., доктор филологии, ведущий научный сотрудник; сектор «Этнология русских» Института культурного наследия Академии наук Молдовы; Кишинев, РМ.

Члены редколлегии:

Квилинкова Е.Н., доктор хабилитат истории, конференциар, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы;

Жигэу Е.И., доктор психологии, конференциар, Славянский университет, РМ;

Горбачева Н.А., доктор педагогики, конференциар, Славянский университет, РМ;

Цвик И.О., доктор педагогики, конференциар, Кишиневский государственный педагогический университет им. Иона Крянгэ, РМ;

Жаравина Л.В., доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет, РФ;

Бжеанару Л.Е., доктор филологии, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации; Ясский государственный университет им. Ал. И. Кузэ, Румыния.

Статьи, публикуемые в журнале «Славянские чтения», отражают результаты исследований молдавских и зарубежных ученых в области литературоведения, языкознания, культурологии и дидактики. Тематически приоритетными для журнала являются исследования, связанные с функционированием в Молдове славянских языков, славянскими духовными и материальными составляющими культуры страны. В специальных разделах помещена информация о международных научных связях Славянского университета и других вузов Молдовы. В частности, журнал отражает деятельность Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ). Читатели могут познакомиться с новыми книгами по проблематике журнала, изданными в Молдове и за ее пределами.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Славянские чтения: научно-теоретический журнал / Славян. ун-т; ред.-изд. совет:

Бабенко О.А., Млечко Т.П. [et al.]; отв. ред. Сирота Е.В.; пер. на англ. яз.:

Чаус С.В.; пер. на рум. яз.: Дубровский А.Д. – К.: Славян. ун-т, 2020. (Tipogr.

"Valinex") – 20 cm. - ISBN 978-9975-68-037-0 - ISSN 1857– 4580.

(Вып. 14-15/20-21) .– 2020.–364 p.– Texte: lb. rusă, bel., ucr.– Bibliogr. la sfârșitul art.– 200 ex.–

ISBN 978-9975-117-03-6.

082:378.4(478)=135.1=161.1=161.2

ISBN 978-9975-68-037-0

ISBN 978-9975-117-03-6

© Славянский университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ	7
<i>Акопян А.В.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ ТЕКСТЕМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ	7
Бабюк А. П. О ФУНКЦИЯХ КОНСТРУКЦИЙ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР») ...	22
<i>Глазунова О.И.</i> ТЕОРИЯ СЛОГА С ПОЗИЦИЙ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ.....	32
<i>Долгов В.Г.</i> МИФОПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРВЫХ ДВУХ ЧАСТЕЙ ГЛАВЫ «ЖЕНА»)	59
<i>Метлушко И.В.</i> ПРЕДМЕТНО-СОБЫТИЙНЫЙ ФОН КАК НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ЭМОТИВ РОМАНТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА .	69
<i>Зяц М.С.</i> ТРАДИЦИИ АНТИЧНОГО ЭЛЛИНИЗМА В ПОЭЗИИ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО	81
<i>Игнатенко Д.А., Чолану Л.В.</i> «ПОЕТИ ДЛЯ ЭПОХ»: МАКСИМ РИЛЬСЬКИЙ І ЛІНА КОСТЕНКО	91
<i>Парахонько Л.В.</i> ПОЛИСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ТАВТОЛОГИИ И ПЛЕОНАЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. ТОКАРЕВОЙ «КОШКА НА ДОРОГЕ»).....	106
<i>Патрочева Н.В.</i> РАССУДОК И РАЗУМ В ЛИРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Е.А. БАРАТЫНСКОГО)	123
<i>Пристайко Т.С.</i> ДЕАНТРОПОНИМНЫЕ НЕОГЛАГОЛЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	142
<i>Радь Э.А., Ставская А.В.</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ В ПОЭЗИИ А.А. БЛОКА ...	161
<i>Сирота Е.В.</i> ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИСКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ).....	168

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ..... 192

Горбачёва Н.А. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 192

Дамьян Н. А. ОТ ПОЗНАНИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОБРЯДОВ И ОБЫЧАЕВ – К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФОЛЬКЛОРУ 203

Мельников Р.И. ДЕРЖАВА БУРЕБИСТЫ КАК ПАССИОНАРНЫЙ ФЕНОМЕН..... 211

Рыбак С. КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII СТОЛЕТИЯ («ПОЛЬСКИЕ РАЗДЕЛЫ»)..... 225

Грабовская В.Н. ПАМЯТИ Г.Ф. БОГАЧА..... 233

Тулбу А.А. ДВУНАЦИОНАЛЬНАЯ РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 244

Талмазан О.Н. ПОСЛАНИЕ ФЕДОРА КУРИЦЫНА К ЕФРОСИНУ БЕЛОЗЕРСКОМУ 253

ПЕДАГОГИКА 263

Колесник Л.А. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ... 263

Сайко О.А. ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ ИНТЕГРАЦИИ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ 267

Урсу Е.А. ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ТРЕБОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУРРИКУЛУМА 2019 ГОДА (НА МАТЕРИАЛЕ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В IX КЛАССЕ)..... 273

Шевчук Т.И. ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ (РАЗРАБОТКА УРОКА-КВЕСТА ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)..... 288

Еркибаева Г.Г. МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СХЕМ И ТАБЛИЦ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОМОНИМОВ 301

Николаева А.П. ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ-СПОРТСМЕНОВ..... 319

РЕЦЕНЗИИ	331
<i>Степанов В.П.</i> ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ МИРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ ЗАЙКОВСКОЙ	331
<i>Цвик И.И.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ Н.Ф. ДОНЦУ..	338
ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ	340
<i>Млечко Т.П.</i> ЗАСЕДАНИЕ РУСИСТОВ В ОНЕГИНСКОМ ЗАЛЕ ДОМА – МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА.....	340
<i>Млечко Т.П.</i> ПРОЩАНИЕ С В.Г. КОСТОМАРОВЫМ.....	346
<i>Млечко Т.П.</i> РЕКОМЕНДАЦИЯ Н.С. ЛУНГУ НА ПРИСВОЕНИЕ МЕДАЛИ А.С. ПУШКИНА.....	349
ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»	354
НАШИ АВТОРЫ	359

ФИЛОЛОГИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ ТЕКСТЕМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ

*Акопян Ануш Вагановна,
доктор филологических наук, доцент
(г. Ереван, Республика Армения)*

Аннотация. Нами разработана новая универсальная иерархическая система языковых объектов разных уровней: выделены тагматический, синтагматический, протасематический, симпротасематический и текстематический уровни. В статье представлены функциональные конъюнктивные, дизъюнктивные и имплицативные кластеры текстематического уровня с соответствующими основными ядерными и приядерными единицами. Результаты исследования проиллюстрированы на материале русского языка.

Ключевые слова: *кластер, функция, конъюнкция, дизъюнкция, импликация, текстема, уровень.*

FUNCTIONAL CLUSTERS OF TEXTEMATIC LEVEL

Abstract. The new universal hierarchical system of linguistic objects of different stages have been investigated: tagmatic, syntagmatic, protasematic, simprotasematic and textematic levels are revealed. The article presents functional conjunctive, disjunctive and implicative clusters, of textematic level with relevant nuclear and co-nuclear units. The research results are illustrated on the material of the Russian language.

Key words: *cluster, function, conjunction, disjunction, implication, textema, level*

Важным этапом в процессе изучения формально-содержательных свойств различных конструкций и единиц языка является выявление внутрисистемных отношений в естественном языке. Лингвистика как самостоятельная целостная наука извлекает из достаточно широкого круга гуманитарных и естественных наук необходимые элементы и прагматические модели. Новые определения и

понятия, заимствованные из других наук, в рамках лингвистики с ее четкостью рассуждений и системной организацией мысли приобретают свои специфические черты. *«Лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у нее ее данные, то предоставляют ей свои»* [15, 14]. При всестороннем изучении структуры естественного языка, когда требуется необходимость системного изучения большого объема исходной языковой информации, мы используем научный метод кластеризации как один из фундаментальных прикладных методов исследования [18].

Разработке языковой иерархической уровневой кластеризации – уровней и уровневых единиц – посвящено большое количество структурно-семантических исследований, результаты которых показывают, что создание общего единого системного понятия уровня является чрезвычайно трудной задачей [8; 12; 13; 17 и др.]. При построении структуры универсальной теории языка Г.Б. Джаукяном была предложена четырехуровневая классификация: лексический, таксематический, предикативный и текстовый уровни [12, 83]. *«Данные естественных языков и их лингвистическая интерпретация раскрыли логикам многие, оставшиеся ранее незамеченными аспекты референции, и – в свою очередь – логики, обратившись к повседневной речи, ввели в обиход лингвистические способы ее логического анализа»* [7, 6]. Языкознание и логика четко разграничены по своим объектам и возможностям, однако они сближаются и становятся сопредельными, поскольку исследование высказываний естественного языка является следствием логического мышления.

Детальные и глубокие исследования прямой или косвенной взаимосвязи логических функций конъюнкции, дизъюнкции и импликации [5] и соответствующих

языковых конструкций стали основой для создания нами новой универсальной функциональной пятиуровневой кластеризации, в результате чего были выделены тагматический, синтагматический, протасематический, симпротасематический и текстематический языковые иерархические уровни [4]. На каждом из этих уровней определены **функциональные кластеры** с их ядерными и приядерными единицами относительно рассматриваемых логических функций.

Объектом данного исследования является определение и выделение функциональных конъюнктивных, дизъюнктивных и имплицативных кластеров текстематического уровня. Вопросы определения и выделения единиц текстематического уровня, в отличие от единиц остальных уровней, до настоящего времени являются недостаточно четко обозначенными. Для представления уровнеобразующих единиц между предложением и текстом широко применяются термины абзац, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, диктема, текстема и др. [6; 9; 10; 11; 12]. Многогранная структура единиц текста и большое внимание лингвистов к различным их граням объясняет наличие такого терминологического разнообразия. Этими терминами называются в определенной степени схожие единицы текста, однако в каждом из этих терминов акцентируется тот или иной языковой аспект, что приводит к различной трактовке этих единиц. В нашей трактовке текстемы – это промежуточные между предложением и текстом единицы текстового уровня, являющиеся определенными отрезками письменного художественного текста, которые состоят из одного или нескольких семантически и синтаксически тесно взаимосвязанных линейно расположенных предложений, объединенных

общим смысловым содержанием. Основным отличием текстемы от общепринятых понятий является то, что, кроме основы реверсивного закона, когда одно или несколько предложений формируют одну и только одну единицу последующего уровня, добавляется возможность вхождения одного и того же предложения в состав двух или более текстом. Нами были проведены исследования по выделению и взаимосвязи текстом и даны новые определения: *выделение текстом, пересечения текстом, обрамляющие фразы, абзацные, простые, сложные, диалогические, поглощаемые текстемы* и др. [2; 3].

Текстематический уровень. Единицами текстематического уровня могут быть все текстемы заданного определенного текста. На этом уровне нами будут выделены те текстемы, которые в той или иной степени в явном или неявном виде содержат конъюнктивные, дизъюнктивные или имплицативные отношения, передаваемые как простыми, так и сложными предложениями рассматриваемой текстемы. Текстему, в состав которой входит хотя бы одна из конъюнктивных, дизъюнктивных или имплицативных сентенций, мы будем называть соответственно конъюнктивной, дизъюнктивной или имплицативной текстемой.

Конъюнктивный кластер текстематического уровня. На этом уровне основными конъюнктивными единицами являются те текстемы заданного текста, части которых в той или иной степени связаны соединительными отношениями. Таковыми, в частности, являются текстемы, в которых присутствуют единицы конъюнктивных кластеров двух непосредственно низших симпротасематического и протасематического уровней.

Ядерными конъюнктивными единицами текстематического уровня могут быть конъюнктивные

текстемы, в которых содержатся ядерные единицы конъюнктивных кластеров предыдущих двух уровней.

Ярким примером ядерных конъюнктивных текстем являются следующие три одноабзачные текстемы.

«Лугин пошел сам смотреть надписи; что-то ему говорило, что он с первого взгляда узнает дом, хотя никогда его не видал. Так он добрался почти до конца переулка, и ни одна надпись ничем не поразила его воображения, как вдруг он кинул случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидел над одними воротами жестяную доску вовсе без надписи» (М. Лермонтов, «Штосс») [14: 4, 486]. Эта текстома состоит из двух сложных предложений, каждое из которых является ядерной единицей конъюнктивного кластера предыдущего симпротасематического уровня. В первом предложении наблюдается бессоюзная сочинительная связь, представленная точкой с запятой¹. Второе предложение, являясь сложносочиненным предложением с соединительным союзом *и* содержит также конъюнктивный однородный словесный ряд *кинул и увидел*.

«Он скоро возвратился и повел Лугина во второй этаж по широкой, но довольно грязной лестнице. Ключ заскрипел в заржавленном замке, и дверь отворилась; им в лицо пахнуло сыростью. Они вошли. Квартира состояла из четырех комнат и кухни. Старая пыльная мебель, некогда позолоченная, была правильно расставлена кругом стен, обтянутых обоями, на которых изображены были на зеленом грунте красные попугаи и золотые лиры; ирразцовые печи кое-где порастрескались; сосновый пол,

¹ Знак точка с запятой введен итальянским печатником Альдо Мануцием (1450—1515), который использовал его для разделения независимых частей сложносочиненных предложений. В памятниках русской литературы точка с запятой появилась уже в конце XV в.

выкрашенный под паркет, в иных местах скрипел довольно подозрительно; в простенках висели овальные зеркала с рамками рококо; вообще комнаты имели какую-то странную несовременную наружность» (М. Лермонтов, «Штосс») [14: 4, 489]. Эта текстома, состоящая из пяти предложений, является ядерной конъюнктивной текстемой, поскольку в ней содержатся ядерные единицы конъюнктивного кластера и протасематического, и симпротасематического уровней: первое и четвертое – простые предложения с соединительным союзом, второе и пятое – сложные предложения с соединительной сочинительной связью. Заметим, что пять составных частей пятого смешанного сложного предложения, первое из которых является сложноподчиненным определительным, соединены между собой бессоюзной сочинительной связью (точка с запятой). Следует отметить, что в этой текстеме имеются также конъюнктивные словесные ряды *возвратился и повел; широкой, но грязной; комнат и кухни; попугаи и лиры*.

«Когда наступила полночь, он встал с своих кресел, вышел в соседнюю комнату, запер на ключ дверь, ведущую в переднюю, и возвратился на свое место; он недолго дождался; опять раздался шорох, хлопанье туфлей, кашель старика, и в дверях показалась его мертвая фигура. За ним подвигалась другая, но до того туманная, что Лугин не мог рассмотреть ее формы» (М. Лермонтов, «Штосс») [14: 4, 497]. Подробный анализ этой текстемы также показывает ее принадлежность к классу ядерных конъюнктивных текстем.

Приядерными конъюнктивными единицами текстематического уровня могут быть те конъюнктивные текстемы, в которых содержатся приядерные единицы конъюнктивного кластера предыдущего симпротасематического уровня или компоненты ядерных

или приядерных единиц конъюнктивного кластера протасематического уровня.

«Лугин уже два месяца как вернулся в Петербург. Он имел независимое состояние, мало родных и несколько старинных знакомств в высшем кругу столицы, где и хотел провести зиму. Он бывал часто у Минской: ее красота, редкий ум, оригинальный взгляд на вещи должны были произвести впечатление на человека с умом и воображением. Но любви между ними не было и в помине» (М. Лермонтов, «Штосс») [14: 4, 483]. Как замечаем, в этой одноабзачной конъюнктивной текстеме, состоящей из четырех предложений, второе и третье принадлежат к приядерному конъюнктивному кластеру симпротасематического уровня, а четвертое принадлежит к приядерному конъюнктивному кластеру протасематического уровня.

Приядерной конъюнктивной текстемой является также следующая одноабзачная текстема, состоящая из трех предложений. *«В каждом человеке живет тот дух, выше чего нет ничего на свете, и потому, чем бы ни был человек в мире: царем или каторжником, архиереем или нищим, – все равны, потому что в каждом живет то, что выше всего в мире. Ценить и уважать царя или архиерея больше, чем нищего или каторжника, все равно, что ценить и уважать одну золотую монету больше другой, потому что одна завернута в белую, другая, в черную бумажку»* (Л. Толстой, «Путь жизни») [16: 45, 49].

Дизъюнктивный кластер текстематического уровня. На этом уровне основными дизъюнктивными единицами являются те текстемы заданного текста, части которых в той или иной степени связаны разделительными отношениями. Таковыми, в частности, являются, в которых присутствуют единицы дизъюнктивных кластеров

двух непосредственно низших симпротасематического и протасематического уровней.

Ядерными дизъюнктивными единицами текстематического уровня могут быть дизъюнктивные тексты, в которых содержатся ядерные единицы дизъюнктивных кластеров предыдущих двух уровней.

Примерами ядерных дизъюнктивных текстов являются следующие две одноабзачные тексты.

«Говорят, Бог есть любовь, или любовь это Бог. Говорят тоже, что Бог это разум, или разум это Бог. Все это не совсем верно. Любовь и разум это те свойства Бога, которые мы сознаем в себе, но то, что Он сам в себе, этого мы не можем знать» (Л. Толстой, «Путь жизни») [16: 45, 62]. Эта текстыма состоит из четырех предложений, первые два из которых являются ядерными единицами дизъюнктивного кластера предыдущего симпротасематического уровня, т.е. сложносочиненными предложениями с разделительным значением.

«Все открывается, пока живешь, как будто все выше и выше равномерно подвигаешься по равным ступеням. Но наступает смерть, и вдруг или перестает открываться то, что открывалось, или тот, кому открывалось, перестает видеть то, что открывалось прежде, потому что он видит что-то новое, совершенно другое» (Л. Толстой, «Путь жизни») [16: 45, 479]. Второе предложение этой текстымы содержит ядерную единицу дизъюнктивного кластера симпротасематического уровня. В текстыме встречаются также ядерные единицы конъюнктивного кластера протасематического уровня – однородные словесные ряды *выше и выше* и *новое, другое*, и соединительный союз *и*.

Следующее предложение, взятое из многоабзачной текстымы в жанре письма, является ядерной единицей дизъюнктивного кластера симпротасематического уровня.

Отсюда по определению следует, что вся текстама является ядерной дизъюнктивной. *«Но помню, что чем более я вникал тогда в смысл теории права, тем все более и более убеждался, что или есть что-то неладное в этой науке, или я не в силах понять ее; проще говоря, я понемногу убеждался, что кто-то из нас двух должен быть очень глуп: или Неволин, автор энциклопедии права, которую я изучал, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки (Л. Толстой, «Письмо студенту о праве»)* [16: 38, 60]. В этом же предложении можем заметить как конъюнктивный однородный словесный ряд *более и более, так* и многоместный строго дизъюнктивный союз *или ... или*, который в сопровождении слов *кто-то из двух* несет значение альтернативной мотивации.

Приядерными дизъюнктивными единицами текстематического уровня могут быть те дизъюнктивные текстемы, в которых содержатся приядерные единицы дизъюнктивного кластера предыдущего симпротасематического уровня или компоненты ядерных или приядерных единиц дизъюнктивного кластера протасематического уровня. Такими являются, например, следующие две одноабзачные дизъюнктивные текстемы.

«Любить можно только совершенство. И потому для того, чтобы любить, надо одно из двух: или считать совершенным то, что несовершенно, или любить совершенство, то есть Бога. Если считать совершенным то, что несовершенно, то ошибка рано или поздно окажется, и любовь кончится. Любовь же к Богу, то есть к совершенству, не может кончиться» (Л. Толстой, «Путь жизни») [16: 45, 74].

«Кому из двух людей лучше: тому ли, кто сам своим трудом себя кормит так, чтобы только не быть голодным, одевать себя так, чтобы не быть голым, обстраивать себя так, чтобы не быть мокрым и

холодным, или тому, кто или попрошайничеством, или прислуживанием, или, что самое обыкновенное, мошенничеством, или насилием добывает себе и сладкую пищу, и богатую одежду, и богатое помещение?» (Л. Толстой, «Путь жизни») [16: 45, 113].

Импликативный кластер тематического уровня. На этом уровне основными импликативными единицами являются те тематемы заданного текста, части которых в той или иной степени связаны условными отношениями. Таковыми, в частности, являются тематемы, в которых присутствуют единицы импликативных кластеров двух непосредственно низших симпротасематического или протасематического уровней.

Ядерными импликативными единицами тематического уровня могут быть импликативные тематемы, в которых содержатся ядерные единицы импликативных кластеров предыдущих двух уровней.

Примером импликативной тематемы, представляющей собой сочетание пяти сложных предложений, четыре из которых – сложноподчиненные с условным значением, является следующая двухабзачная тематема: *«Если религия полагает смысл жизни в <...>, то чувства, вытекающие из любви к этому Богу и Его закону, передаваемые искусством <...> – хорошее, высокое искусство. Все же, что противно этому <...> будет считаться дурным искусством. Если же религия полагает смысл жизни в земном счастье, в красоте и силе, то передаваемые искусством радость и бодрость жизни будут считаться хорошим искусством <...> Если смысл жизни в благе своего народа или в продолжении той жизни, которую вели предки, и в уважении к ним, то искусство <...> будет считаться хорошим искусством <...>; искусство же, выражающее чувства, противные этому, – дурным, как это было признано у римлян, у*

китайцев. Если смысл жизни в освобождении себя от уз животности, то искусство, передающее чувства, возвышающие душу и унижающие плоть, будет добрым искусством <...>» (Л. Толстой, «Что такое искусство?») [16: 30, 68].

Сложноподчиненное предложение с условным значением само по себе может представлять имплицативную текстему. Примером этого является следующая текстема: *«Но если искусство есть человеческая деятельность, имеющая целью передавать людям те высшие и лучшие чувства, до которых дожили люди, то как же могло случиться, чтобы человечество известный, довольно длинный период своей жизни – с тех пор как люди перестали верить в церковное учение и до нашего времени – прожило без этой важной деятельности, а на место ее довольствовало ничтожной деятельностью искусства, доставляющего только наслаждение?»* (Л. Толстой. «Что такое искусство?») [16: 30, 80]. Заметим, что в данном случае в явном виде наблюдается отношение включения между единицами имплицативных кластеров разных уровней – имплицативных предложений и имплицативных тектем.

Интересным примером имплицативной текстемы, состоящей из двух сложных предложений является следующая: *«Что, если бы палач, проводящий жизнь в пытках и отсечении голов, или мертвый пьяница, или сумасшедший, засевиший на всю жизнь в темную комнату, огадивший эту свою комнату и воображающий, что он погибнет, если выйдет из нее, – что, если б они спросили себя: что такое жизнь? Очевидно, они не могли бы получить на вопрос: что такое жизнь, – другого ответа, как тот, что жизнь есть величайшее зло; и ответ сумасшедшего был бы правилен, но для него только»* (Л. Толстой, «Исповедь») [16: 23, 41]. В этой сложной

текстеме автор разбивает сложное имплицативное высказывание с несколькими условными и следственными частями на два автономных предложения – только условное и только следственное. Здесь полное развитие мысли образуется семантической связью этих предложений, которое достигается вопросительной формой предопределяющих частей и ответной формой предопределенных. Отметим, что в данной текстеме в явном виде наблюдается отношение подчинения: первая составная имплицативная единица передает информацию о предопределяющей ситуации, вторая единица – о предопределенной.

Другим заслуживающим внимания примером является следующая имплицативная текстема, состоящая из двух сложноподчиненных предложений с условным значением: *«Если же мы теперь умеем привить предохранительный дифтерит, найти X-лучами иголку в теле, выправить горб, вылечить сифилис, делать удивительные операции и т.п., то и этими приобретениями, будь они даже неоспоримы, мы не стали бы гордиться, если бы мы вполне понимали действительное назначение настоящей науки. Если бы хоть 1/10 тех сил, которые тратятся теперь на предметы простого любопытства и практического применения тратились на истинную науку, учреждающую жизнь людей, то у большей половины теперь больных людей не было бы тех болезней, от которых вылечивается крошечная часть в клиниках и больницах; не было бы воспитанных на фабриках худосочных, горбатых детей, не было бы, как теперь, смертности 50 процентов детей, не было бы вырождения целых поколений, не было бы проституции, не было бы сифилиса, не было бы убийства сотен тысяч на войнах, не было бы тех ужасов безумия и страдания, которых теперешняя наука считает*

необходимым условием человеческой жизни» (Л. Толстой. «Что такое искусство?») [16: 30, 188]. Первое предложение этой текстемы состоит из трех условных и одной следственной части, которая находится в интерпозиции. А второе, в отличие от первого, состоит из одной условной и восьми следственных частей, которые, в свою очередь, связаны между собой семантикой следствия.

Следующим примером ядерной имплицативной текстемы является имплицативная текстема, состоящая из шести предложений, три из которых являются простыми имплицативными.

Читая статью поинтересней, он не оторвался бы от газеты и не отвлекся бы. Но веселые колокольчики приманили его взгляд к двери. И он увидел ее. При солнечной погоде она не забежала бы в кафетерий за горячим шоколадом. Вчера она была бы в повседневной одежде. Но приподнятое настроение заставило ее надеть желтое платье, а оно так подходило к ее золотистым волосам (автор. пример). Имплицативное отношение в первом предложении оформлено деепричастием (*читая*), в четвертом – предложно-падежной формой с именем существительным (*при погоде*), а в пятом – обстоятельством времени (*вчера*). Остальные три предложения не являются имплицативными, последнее из которых – сложносочиненное.

Приядерными имплицативными единицами могут быть те имплицативные текстемы, в состав которых могут входить приядерные единицы имплицативного кластера предыдущего сипротасематического уровня. В некоторых случаях приядерная текстема может являться имплицативной, если она в целом имеет условную или следственную семантику, но не содержит простых или сложных предложений с имплицативным значением. Поскольку смысл приядерной имплицативной текстемы

зачастую зависит также и от семантики соседних текстов, поэтому выделение такой текстемы носит достаточно сложный характер.

Следует отметить, что во многих случаях одна и та же текстема может быть и ядерно конъюнктивной, и ядерно дизъюнктивной, и ядерно имплекативной. Например, такой является следующая функционально смешанная текстема: *«Кого ты любил, кого, трепещи, ждал на свидание, кто разлюбил тебя, и как страдал ты и как хотел, непонятый, умереть, и чтобы песню твою предсмертную услышала бы она, и как ласкала мать тебя в детстве, и где голову отец сложил, как други бились в бою кровавом, каким богам ты душу открывал в порыве чистом и бескорыстном; и думал ли, что такое рождение человека, и думал ли, что смерть всегда с тобой, пока ты дышишь, а после смерти смерти нет, но жизнь выше смерти, нет меры в мире выше жизни – и потому избеги смертоубийства, но коли враг пришел на землю, землю свою защити; и честь любимой береги, как землю родную; изведал ли, что есть разлука и что разлука тяжка, как тяжело на себя взвалить гору, что без любимой ничто не отрадно: ни цвет, ни свет, ни день грядущий, – да и мало ли о чем поется в песнях – всего не перескажешь ...»* (Ч. Айтматов. «Плаха») [1, 39]. Отметим, что в этой текстеме, состоящей из одного сложного предложения, в явном и неявном виде наблюдаются все ядерные функциональные отношения. Фактически, чем больше текстема, тем больше вероятность наличия всех ядерных и приядерных функциональных единиц.

Таким образом, построенная нами на строгой логической основе уровневая функциональная кластеризация языковых конструкций может действовать как универсальная формальная система. Специфические и зафиксированные в каждом языке

правила, нормы и категории находятся в теснейшей связи с общечеловеческим логическим мышлением, и один и тот же применяемый логико-синтаксический подход анализа и синтеза языковых конструкций позволяет выходить за пределы конкретного естественного языка.

Литература

1. Айтматов Ч.Т. Плаха // Библиотека всемирной литературы. М., 1986.
2. Акопян А.В. О выделении и взаимосвязи некоторых текстом // Русский язык в Армении, 2014, 6, с. 28-36.
3. Акопян А.В. О структуре текстом и макротекстом и их моделировании // Филологические науки. М., 2015, № 6, с. 103-108.
4. Акопян А.В. Функциональные кластеры протасематического и симпротасематического уровней // Вестник Ереванского Университета. Русская филология. Ереван, 2019, № 1 (13), с. 64 – 73.
5. Андерсон Дж.А. Дискретная математика и комбинаторика. М., 2003.
6. Апресян Ю.Д. Идеи и методы структурной лингвистики. М., 1966.
7. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. М., 1982. С. 5 – 40.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Серия: Лингвистическое наследие XX века. М., 2002.
9. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка, ВЯ, 2000, 4, с. 56-67.
10. Валгина Н.С. Теория текста. М., 2003.
11. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М., 2007.
12. Джаукян Г.Б. Универсальная теория языка. Прологомены к субстанциональной лингвистике. М., 1999.
13. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М., 2006.
14. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. М.-Л., 1962.
15. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.

16. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 91. М., 1935 – 1964.

17. Lamb S.M. Outline of Stratificational Grammar. Georgetown, GUP, 1966.

Xu R., Wunsch D. Clustering. A John Wiley & Sons, Inc., Publication, 2009.

**О ФУНКЦИЯХ КОНСТРУКЦИЙ
ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»)**

*Александра Петровна Бабюк,
аспирант, учитель 2 дидактической степени
(г. Бельцы, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье анализируется специфика конструкций экспрессивного синтаксиса, определяется понятие «экспрессивность», сопоставляются понятия «экспрессивность» и «эмоциональность» в лингвистике, описывается сущность явления экспрессии; анализируются функции вставных, сегментированных и парцелированных конструкций в современных художественных текстах на материале романа Е. Водолазкина «Лавр».

Ключевые слова: *экспрессивный синтаксис, вставные конструкции, парцелляция, художественный текст, расчлененность текста, кинематографичность.*

**THE FUNCTIONS OF EXPRESSIVE CONSTRUCTIONS IN THE
ARTISTIC DISCOURSES (BASED ON E.G. VODOLAZKIN'S NOVEL
"LAURUS")**

Annotation. The article analyzes the specificity of constructions of expressive syntax; it defines the concept of "expressiveness" and compares the concepts of "expressiveness" and "emotionality" in linguistics; the essence of the phenomenon of expression is described; the functions of inserted, segmented and parceled structures in modern literary texts based on E. Vodolazkin's novel "Laurus" are analyzed.

Key words: *expressive syntax, inserted constructions, parceling, literary text, dismemberment of the text, cinematographicity.*

**FUNȚIILE CONSTRUCȚIILOR EXPRESIVE ÎN DISCURSUL ARTISTIC
(ÎN BAZA ROMANULUI „LAUR” DE E.G. VODOLAZKIN)**

Adnotare. În articolul de față este supus analizei specificul construcțiilor sintactice expresive, este definit conceptul de „expresivitate”, se compară conceptele de „expresivitate” și „emotivitate” în lingvistică, este descrisă esența fenomenului de expresie; se analizează funcțiile structurilor inserate, segmentate și parcelate în textele literare moderne în baza romanului „Laur” de E. Vodolazkin.

Cuvinte-cheie: *sintaxă expresivă, construcții plug-in, colet, text literar, parcelarea textului, cinematografie.*

В последние десятилетия многими учеными отмечается, что в русском языке активно проявляются конструкции экспрессивного синтаксиса, благодаря которым отражается тенденция к расчлененности речи, дискурса. Синтаксическим конструкциям экспрессивного типа на материале языка художественных произведений посвящены труды таких ученых, как: Г.Н. Акимова, А.Н. Аникина, В.В. Виноградов, Н.А. Кобрин, Ю.М. Скребнев и др. В большей степени изучены лексика и художественно-изобразительные средства, при этом синтаксис, особенно вопросы использования конструкций экспрессивного синтаксиса отдельными мастерами слова, исследован в малой степени.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной степенью изученности функций конструкций экспрессивного синтаксиса в современных художественных дискурсах. Материалом исследования выступает роман современного писателя Е.Г. Водолазкина «Лавр», в котором анализируемые конструкции выступают важным средством реализации глобальных категорий текста.

Обращение к художественному стилю речи можно объяснить тем, что употребление экспрессивных конструкций обуславливает нарушение синтетичности

русского письменного синтаксиса путем использования более редких аналитических конструкций. Для синтаксиса устной речи типичны расчлененные построения, в связи с чем понятие экспрессивного синтаксиса связывается именно с письменной авторской речью.

Прежде всего, определим, что в языкознании понимается под «экспрессивностью». В Лингвистическом энциклопедическом словаре дано следующее определение экспрессивности: *«Совокупность семанто-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи»* [1, 591]. Так, вслед за О.С. Ахмановой, под экспрессией понимаем *«выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность»* [2, 524].

Особенностями художественного текста являются эстетическая информация, изобразительно-выразительная функция, метафоричность, семантическая емкость за счет коннотативных значений, в итоге - экспрессивно-образная организация художественного текста как выражение категории образности. Приемы и правила употребления и сочетания конкретных языковых средств, в том числе средств образности, зависят от стиля произведения в целом, основой которого является «образ автора». Любые стилистические средства экспрессивны, так как имеют эмоциональное или оценочное влияние. Нередко даже нейтральные в стилистическом отношении языковые средства могут приобретать экспрессивное значение.

История изучения конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языкознании берет начало в конце XIX века, когда расчлененный тип прозы стали называть

«рубленным». Помимо парцелляции, присоединения, одним из ярких экспрессивных построений расчлененного синтаксиса считается процесс сегментации: информация подается частями. Однако отличительной особенностью сегментации является то, что здесь высказывание делится на две части: первая - «тема», которая подготавливает слушателя (читателя) к восприятию информации, и вторая часть высказывания - «рема», сообщающая нечто о «теме». В более широком значении синтаксическая расчлененность представляет собой «некоторое отступление от принципов синтагматической прозы», связанное с разрывом синтаксических связей как в словосочетании, так и в предложении [3, 87].

Термин «экспрессивный синтаксис» появился в 60 годах (в работах Е.М. Галкиной-Федорук, Е.А. Иванчиковой 1969 и др.). Дискуссионным является вопрос о соотношении понятий экспрессивный и эмоциональный. Е.М. Галкина - Федорук, проведя разграничение эмоционального и экспрессивного в языке, замечала, что *«выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна»* [4, 121]. Таким образом, приходим к выводу, что понятие экспрессивного шире понятия эмоционального.

Исследователь З.Я. Омаева также предлагает различать данные понятия в языке, приводя следующий аргумент: *«существенным различительным признаком эмоционального и экспрессивного является то, что при экспрессии говорящим осознается преднамеренность использования определенных языковых средств, в то время как эмоция непреднамеренна, произвольна, поскольку связана с чувствами, настроением. В результате экспрессивность рассматривается как определенное*

свойство языковых единиц, независимо от того, в какой сфере они употреблены» [5, 22].

По вопросу экспрессивности синтаксической конструкции имеется несколько точек зрения. Представляется убедительным мнение Р.Р. Чайковского, который определял ее как *«свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказываний сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы» [6, 196].* При этом синтаксический уровень экспрессивности ограничен от лексического.

Е.А. Иванчикова, разделяя формы синтаксиса на «разговорные» и «экспрессивные» даже на уровне речи персонажей, считает, что *«если разговорные синтаксические формы служат средством имитации непосредственности процесса самовыражения героя, то приемами экспрессивного синтаксиса передается высокая степень интенсивности чувств героя, сопровождающих его исповедальное повествование» [7, 87].*

Современной художественной прозе свойственны такие синтаксические конструкции, при помощи которых усиливается прагматическая информация и производится максимальное эмоциональное воздействие на читателя. Среди таких конструкций можно выделить: вставные, парцелированные, присоединительные конструкции, различные типы повторов, синтаксическая компрессия и редукция, вопросно-ответные комплексы и другие. Благодаря экспрессивным синтаксическим конструкциям в художественный текст широко проникает разговорная речь. Г.Н. Акимова подчеркивает, что сущность появления экспрессии заключается в том, что устные разговорные конструкции становятся синтаксическим элементом художественной речи, который имеет целью воздействовать на читателя [3, 100].

Современные художественные тексты отличаются экспрессивностью, стремлением шокировать читателя, произвести яркое впечатление. Во многом этой цели подчинено использование конструкций экспрессивного синтаксиса. Основной причиной широкого употребления расчлененных и сегментированных синтаксических конструкций в художественных произведениях можно считать влияние разговорного синтаксиса на письменную речь [5, 102]. Именно под влиянием живой разговорной речи происходит возрастание тенденции к расчлененности синтаксиса художественных произведений, так как разговорная речь изначально пользовалась такими средствами связи, как пауза и интонация, при передаче сложностей синтаксических взаимоотношений компонентов высказывания. Расчлененность письменной речи создается за счет увеличения длительности пауз между компонентами синтаксического построения, по причине прерывания синтагматической цепочки, что фиксируется точками. В результате фразы одного высказывания становятся более динамичными, актуализированными и экспрессивными.

Сегментация представляет собой один из ведущих процессов экспрессии, при котором информация, которая могла бы быть подана в единой синтетически организованной конструкции, подается частями, «порциями». Отношение между «темой» и «поводом» предполагает обязательное выделение сегмента темы в синтаксически независимую позицию. Таким образом, сегментированным конструкциям свойственна двучленность.

Сегментация так же, как и парцелляция, стимулируется разговорной речью. Их объединяет тот факт, что для них характерны прерывистость синтаксических связей, разрыв с основным, базовым

высказыванием, а также логическая и интонационная выделенность. Контекстуальная зависимость наблюдается в том, что, несмотря на свою самостоятельность (стоят вне предложения), части высказывания полностью зависимы от базового предложения (вне связи с ним не обнаруживают своего функционального качества).

Экспрессивные синтаксические конструкции способны выполнять следующие функции: экспрессивно-выделительную, оценочную, композиционную, текстообразующую. Более того, описываемые явления способствуют реализации таких глобальных категорий текста, как модальность, перспекция, ретроспекция. В современной русской прозе экспрессивные синтаксические конструкции выступают средством выражения авторского замысла, раскрытия содержательно-подтекстовой информации.

Роман современного писателя Е.Г. Водолазкина «Лавр» [8] во многом своеобразен. Роман-исповедь, роман-житие, отсылающий к античным романам, завоевывает читателя отточенным языком, тщательно продуманными синтаксическими построениями. Увидевший свет в 2012 году, роман уже стал предметом исследования многих ученых-лингвистов и литературоведов. Так, изучаются жанровое своеобразие, особенности категории времени в романе, библейские мотивы, особенности графического оформления, интертекстуальные связи, антропонимы, медицинская лексика и др. Однако до сих пор остаются мало исследованными языковые особенности данного романа. Автор отходит от традиционного оформления диалогов, прямой речи, нарушает правила абзачного членения, что способствует созданию и переплетению в романе трех временных пластов: настоящего, средневекового, библейского. Н.В. Калинина отмечает, что графическое оформление романа – первое,

что обращает на себя внимание. *«У читателя складывается ощущение, что перед ним лежит древний манускрипт, на первый взгляд, непонятный, но раскрывающийся по мере углубления в миропонимание древнерусского человека»* [9, 64].

Конструкции экспрессивного синтаксиса в романе вносят вклад в создание расчлененности повествования, кинематографичности, детализации. Так, вставные конструкции в романе «Лавр» выполняют роль авторских ремарок, в которые помещается информация о жестах, движениях тел, эмоциях персонажей и образов: *«Здесь Христофор проявлял осторожность, потому что встреча с ней грозит смятением ума. Но (он сидел перед ребенком на корточках) если эту траву положить на след вора, ворованное вернется»*. *«Иногда же солнечные лучи похожи на волосы (Христофор гладит Арсения по волосам), а облака будто горят, и это – к ветру и холоду»*. *«Спасибо (кивнула) за комплимент. Большое спасибо»* (Е. Водолазкин, «Лавр») Вставные конструкции в художественном тексте разрывают синтаксическую целостность предложений, создают новый план повествования, конкретизируют наиболее важные для автора фрагменты произведения: *«В малом человеческом теле (говорил Христофор), подобно солнцу в капле воды, отражается безграничная премудрость Божия»*. *«Когда же слава об удивительных руках Арсения дошла до земель, где о Рукиной слободке никогда не слышали (а таких было большинство), прозвище опять потеряло свой смысл»*. *«Свеча (не сразу) разгорелась и осветила комнату»*.

Образ автора не покидает страниц романа, он незримо присутствует и проявляет себя через уточняющие вставные конструкции: *«Во-первых, Арсений лечил теми же средствами, какими прежде лечил Христофор, и откровенных неудач у него было не больше. Во-вторых (и*

это, вероятно, было главным), особого выбора у слободских попросту не было». «Поднося деревянную (вырезал Христофор) ложку ко рту, Устина забавно вытягивала губы» (Е. Водолазкин, «Лавр»)

Кинематографичность современной прозы нередко находит отражение и в приеме парцелляции. Парцеллированные конструкции, которые с коммуникативной точки зрения представляют единый речевой акт, расчленяют информацию на два смысловых отрезка, в которых один является базовым сообщением, а другой – парцеллятом с добавочным значением. О факторе возникновения парцелляции пишет исследователь З.Я. Омаева: *«Парцеллированная конструкция как один из типов расчлененных синтаксических конструкций – реально существующее явление в современном русском литературном языке, стимулируемое разговорной речью»* [5, 118].

Парцеллированные конструкции являются активным синтаксическим явлением, которое в художественных дискурсах может выполнять разнообразные функции. Рассмотрим некоторые из них. Парцелляция может также служить аффективным средством выделения некоторых деталей, частей высказывания, *«превращая каждую парцеллированную часть в актуальный элемент сообщения»* [10, 13]. С целью актуализации фрагмента информации, объясняющего эмоциональное состояние главного героя, используется прием парцелляции в следующем случае: *«Живот Устины был огромен. Гораздо больше, чем в дни беременности»* (Е. Водолазкин, «Лавр»). Так, смерть возлюбленной потрясла героя даже больше, чем ее беременность и роды, распухший живот женщины. Для этого автор членит информацию на два отрезка, в первый помещает информацию о настоящем, а во втором – о прошедшем, что также свидетельствует о своеобразном

выражении категории времени в романе. Для героя вся его жизнь – прошлое, настоящее и будущее – пересекаются, меняются местами, позволяя глубже анализировать и размышлять о человеческой жизни.

Медленное, неспешное течение времени, сопровождавшее счастье героя с Устиной, выражается парцелированными конструкциями: *«Он дрожал мелкой дрожью, хотя был весь в поту. И его пот смешался с ее потом»*. *«Бросал взгляд на лавки в поисках вещей, способных выдать Устину. Но таких вещей не было»* (Е. Водолазкин, «Лавр»). Е.Г. Водолазкин как будто хочет «растянуть» кратковременное счастье своего героя, расчленяя предложения, создавая паузы на границах базовых предложений и парцеллятов.

Таким образом, конструкции экспрессивного синтаксиса в романе Е. Водолазкина «Лавр» используются для повышения аффективности, коммуникативного динамизма высказывания, стремления придать сообщению полноту, обстоятельность посредством привлечения внимания к отдельным его смысловым компонентам, тем самым реализуя такие категории текста, как ретроспекция, модальность, кроме того, выступая средством придания кинематографичности современному прозаическому дискурсу.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.
4. Галкина - Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М., 1950.
5. Омаева З.Я. Синтаксические конструкции экспрессивного типа как средство выражения авторских интенций (на материале

художественных произведений В.В. Набокова). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

6. Чайковский Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивный синтаксис // Ученые записки / МГПИЯ им. М.Тореза. Вопросы романо-германской филологии. М., 1971.

7. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979.

8. Водолазкин Е. Г. Лавр: роман. - М., 2017. 440 с.

9. Калинина Н.В. Графические маркеры интертекстуальности в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» // Русская словесность и современная школа: научно-методический журнал кафедры русского языка и литературы. Материалы II Всероссийских научных чтений. Набережные Челны, 2020. с. 62-67.

10. Лисиченко Р.Н. Парцелляция как явление устной речи и ее интонационные характеристики иноязычной разговорной речи. - Учен.зап. / Горьковский госуд. педаг. ин-т иностранных языков. Горький, 1972, вып.49.

ТЕОРИЯ СЛОГА С ПОЗИЦИЙ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

*Глазунова Ольга Игоревна,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация. Материальная форма и артикуляционно-акустическая обусловленность звуков, составляющих слоговые комплексы, полярность характеристик образующих их единиц (преобладание шума в согласных и тона в гласных), а также способность объединяться в составе лексем — единиц более высокого уровня — даёт возможность рассматривать слог с позиций естествознания как мельчайшую «частицу», которая определяет строение естественных языков разного типа.

Ключевые слова: *теория слога, гласные и согласные звуки, список Сводеша.*

THE THEORY OF A SYLLABLE FROM THE POSITION OF A
NATURAL SCIENTIFIC CONCEPT OF THE SPEECH AND LANGUAGE
DEVELOPMENT

Annotation: The material form and articulation-acoustic conditionality of sounds that make up syllable complexes, the polarity of the characteristics of the units forming them (the predominance of noise in consonants and tone in vowels), as well as the ability to be combined in lexemes (units of a higher level) makes it possible to consider the syllable from the standpoint of natural science as the smallest “particle” that determines the structure of all natural languages of diverse types.

Key words: *theory of the syllable, vowels and consonants, Swadesh list.*

Система есть комплекс элементов,
находящихся во взаимодействии.

Людвиг фон Берталанфи

1. Введение

Процесс развития физической формы материи подчиняется законам диалектики во всех аспектах проявления. И язык, обладающий материальной (звуковой и буквенной) формой, в этой связи вряд ли может быть исключением².

Принципиальное единство фундаментальных законов материального мира на всех уровнях его организации позволяет говорить об общих принципах строения природы и общих закономерностях, лежащих в основе её развития. *«Возможных последовательных основных уровней естественной самоорганизации материи можно указать четыре (и только четыре!), а именно: физический, химический, биологический и человеческий (антропный, сознательный, разумный). Или, вернее: собственно физический, физико-химический, химико-биологический (или биохимический) и биосоциальный*

² Подробнее об этом см. [2].

(психологический или даже собственно психологический)» [5].

Естественно, что при сопоставлении языковых структур с объектами внешнего мира в качестве аналога тех процессов, которые определяют развитие языка, целесообразно выбрать базовые уровни организации материи: физический и физико-химический.

В ходе эволюции материальные объекты природной среды развивались от низких к более высоким формам организации упорядоченной и иерархически структурированной материи. Любая материя состоит из элементарных частиц, которые на уровне физической организации объединяются в атомы — начальную, известную современной науке структуру, включающую в себя положительно заряженное ядро и окружающую его электронную оболочку — место вероятного местонахождения отрицательно заряженных электронов. Кроме внутренних структурообразующих процессов взаимодействия между положительно и отрицательно заряженными элементарными частицами, каждый атом способен проявлять активность на внешнем уровне. Свойство атомов вступать между собой во взаимодействие переводит их в разряд системных объектов, имеющих отношение уже к новому уровню организации материи — физико-химическому.

Тот факт, что атом можно разделить на ещё более мелкие субатомные частицы, для нас не принципиален. Любая форма структурной и системной организации объектов материального мира опирается на одни и те же общие алгоритмы построения и развития, а потому именно атом как наиболее изученную единицу физической

реальности мы будем рассматривать в качестве базовой модели описания процессов, которые происходят в языке.

2. Естественно-научный подход к структуре слога

На базовом уровне организации язык состоит из букв и соотносящихся с ними звуков. Рассматривать звук в качестве «атомной» материальной структуры невозможно, т.к. атом состоит из противоположно заряженных элементарных частиц, взаимодействие между которыми обеспечивает стабильность его существования. Известно, что не отдельные звуки формирует речь, а слоги, которые выступают в качестве минимальных произносительных единиц, не членимых с артикуляционной точки зрения. Исходя из этого, обратимся к слогу, который состоит из звуков разной природы, а потому может служить прообразом структурной организации атома.

Взаимодействие образующих слог согласных и гласных звуков и букв в полной мере отображает принципы, заложенные на уровне атома. Неслучайно характерные для звуков признаки (тон/шум, глухость/звонкость, твёрдость/мягкость) выступают как противоположные значения единых категориальных сущностей, обуславливающих их существование в рамках более сложных по структуре фонетических единиц, которые, в свою очередь, в результате взаимодействия разнополярных значений, способны обретать устойчивость. Вместе с тем неравновесный характер связи между звуками в составе слога (один из противоположных признаков никогда полностью не уравновешивается другим) обеспечивает возможность для их дальнейшего взаимодействия в составе более сложных языковых составляющих до тех пор, пока система не придёт в состояние относительного равновесия в составе морфемы, слова, словосочетания или предложения.

Л.В. Щерба был одним из первых, кто отметил целостность слогов и взаимообусловленный характер связи не только между образующими их компонентами, но и между разными слогами в составе слова. В работе 1912 года «Русские гласные в качественном и количественном отношении» он исследовал характер изменений отдельных звуков в слоге в зависимости от того, в каком окружении они находятся.

По мнению Щербы, качество неударных гласных находится в прямой зависимости от их количественной редукции. Причина этого, по мнению Щербы, состоит в том, что при кратком звучании гласного *«органы речи, не успевая занять положения, необходимого для произнесения данного определённого качества, остаются, так сказать, на полпути»* [20, 103]. В процессе завершения произношения предшествующего согласного звука речевой аппарат не успевает перестроиться, поэтому артикуляция следующего за ним гласного оказывается смазано-краткой.

Сочетание звуков в составе слова сопровождается комплексным их воздействием друг на друга и взаимной обусловленностью. Характеристики согласных оказывают влияние на долготу следующих за ними гласных звуков. Например, *«гласные а, о, и заметно длиннее после мягких, чем после твёрдых. Объяснение этому явлению, — пишет Щерба, — очевидно: <...> гласные после мягких согласных начинаются среднеязычными “переходными звуками” типа і – е, которые являются, по-видимому, существенным моментом для акустического восприятия согласного перед гласным»* [20, 135].

Не только предшествующий, но и последующий согласный оказывает влияние на качество гласного, потому что *«при прочих равных условиях, — отмечает Щерба, — длительность гласных является наименьшей*

перед смычными; она несколько больше перед носовыми, ещё больше перед щелинными (считая в этом числе l' и r) и наконец является наибольшей в абсолютном исходе»; кроме того, «перед звонкими длительность гласных несколько больше, чем перед глухими» [20, 129; 138].

В характере взаимодействия согласных и гласных звуков были выявлены определённые закономерности: воздействие на гласный следующего за ним согласного выражено значительно слабее, чем воздействие, которое на него оказывает предшествующий согласный звук. *«Артикуляционно это может быть объяснено следующим образом: в сочетании “согласный + гласный” изменения гласного вызваны инертностью артикуляционных органов, запаздывающих с перестроением своего положения; в сочетании “гласный + согласный” влияние согласного на гласный может быть вызвано тем, что артикуляция согласного начинается раньше, чем кончается артикуляция гласного» [1, 93].*

Таким образом, артикуляционно-акустическая обусловленность звуков, составляющих слоговые комплексы, полярность характеристик образующих их единиц (преобладание шума в согласных и тона в гласных), а также способность объединяться в составе лексем — единиц более высокого уровня — даёт возможность рассматривать слог с позиций естествознания как мельчайшую «частицу», которая определяет строение естественных языков разного типа.

Обратимся к принципиальным для нас характеристикам другой мельчайшей частицы вещества — атома, который, согласно определению, является наименьшей частью химического элемента и носителем его свойств. *«Стабильность атомов обеспечивается стабильностью ядер, поскольку притяжение ядра каждого атома образует структурную упорядоченность*

оболочек» [11, 304]. Итак, основополагающей частью атома является ядро, в котором сосредоточены самые мощные в природе силы — ядерные (так называемое сильное взаимодействие). «Они действуют между тяжелыми элементарными частицами — барионами (протоны, нейтроны)» [12, 44]. Кроме того, ядро — это не только центральная часть атома, но и та структура, которая определяет его свойства. Неслучайно «совокупность атомов с одинаковым зарядом ядра называется химическим элементом» [9, 7].

Из нейтронов и протонов, которые входят в состав ядра, положительно заряженные протоны формируют его заряд, который равен порядковому номеру химического элемента в таблице Менделеева. Именно этот заряд определяет химические свойства элемента.

Не только на уровне атома, но и в составе молекул ядра играют весьма заметную роль, оказывая влияние на перераспределение электронной плотности и обеспечивая *«тот в высшей степени важный эффект энергетической неравноценности связей, который был зафиксирован еще бутлеровской теорией химического строения» [12, 92].* Таким образом, ядро отвечает за устойчивость строения атома, а силы ядерного притяжения формируют структурную упорядоченность окружающих его оболочек, создавая условия для функционирования частицы вещества на разных уровнях.

Если использовать строение атома в качестве прототипа строения слога, возникает вопрос: что является ядерным компонентом, отвечающим за стабильность функционирования слоговой единицы в составе лексемы?

В западной лингвистике считают, что ядром в составе слога является гласный звук, *«хотя и сонорные согласные могут функционировать как ядерный компонент» [21,*

126]³. В качестве доказательства обычно приводится следующее рассуждение: *«Поскольку один звук может составлять слог, а один слог может составлять слово, слово может состоять из одной гласной — но вы уже знаете это, т.к. знаете английский артикль a и местоимение I»* [21, 126 – 127]⁴. *«Ядерный элемент является обязательным для любого слога»* [22]⁵, даже того, который состоит из одной гласной. Соответственно этому слог определяют как *«комплексную единицу, состоящую из ядерных и маргинальных элементов»* [24, 114]⁶.

Исходя из данной точки зрения, в английском языке, где преобладают закрытые слоги, в их структуре выявляют три части: начало (Onset), которое включает любую согласную, предшествующую ядерному — самому звучному — элементу слога; вершину (Peak), известную как ядро — гласный звук; и конечную кодовую согласную (Coda). Ядро и coda образуют рифму (Rhyme): *«Например, в слоге [pin], [in] является рифмой, а в 'wished' в качестве рифмы выступает [ɪfɪ]»* [21, 552]⁷.

³ *«The nucleus is typically a vowel although the class of consonants called sonorants may function as the nucleus of the syllable»* (пер. с англ. мой — О.Г.) [21, 126].

⁴ *«Because a single sound can constitute a syllable and a single syllable can constitute a word, a word can consist of a single vowel — but you already knew that from knowing the words a and I»* (пер. с англ. мой — О.Г.)

⁵ *«Marginal elements correspond to what are generally called consonants, and nuclear elements are generally described as vowels. For any given language, we can formulate rules about permitted combinations of marginal and nuclear elements, but the nuclear element is a basic requirement of any syllable»* (пер. с англ. мой — О.Г.)

⁶ *«A complex unit, made up of nuclear and marginal elements»* (пер. с англ. мой — О.Г.)

⁷ *«Example: In the syllable [pin], [in] is the rhyme; in [wi:fɪ] 'wished' [ɪfɪ] is the rhyme»* (пер. с англ. мой — О.Г.)

Ориентация на «рифму» в трактовке структурной организации слога позволяет отнести предложенную на Западе иерархическую модель с гласным в качестве ядерного компонента к поэтической сфере. В русском языкознании данная точка зрения присутствует в работах харьковского лингвиста А.Л.Погодина, признающего единственным источником познания опыт. В монографии 1913 года «Язык как творчество: психологические и социальные основы творчества речи; происхождение языка» Погодин пишет: *«Вслед за языком жестов идёт в общем ходе человеческой эволюции язык звуков, die Lautsprache, который первоначально состоял из гласных звуков. Это был “нёбный язык” (Gaumensprache), который более лёгок и составляет основу для развития согласных»* [15, 502].

В российской лингвистике гипотеза Погодина успеха не имела, но, судя по приведённым выше публикациям, она стала активно развиваться на Западе, хотя и без убедительных доказательств, и при отсутствии системных подтверждений её правомерности. Попробуем разобраться, какая часть на самом деле является узловой, базовой, в структуре слога.

Прежде всего рассмотрим, насколько гласный звук в составе слога может выполнять «ядерные», структурообразующие, функции. В западной лингвистике «ядерные» свойства гласного обосновываются наличием в английском языке одиночных гласных — неопределённого артикля *a*, а также местоимения *I* (1-го лица ед. числа), выполняющим в составе предложения определённые функции.

Однако, с нашей точки зрения, такого рода доказательство не выглядит убедительно. Артикль не является словом, он выступает лишь как часть следующего за ним существительного в составе единого фонетического

комплекса; а местоимение 1-го лица ед. числа *Я* состоит из двух звуков — согласного [j] и гласного [а].

Обратим внимание на то, что ядро в составе атома отвечает за его стабильность: сила ядерного притяжения оказывает влияние на структурную упорядоченность окружающих его электронных оболочек, обеспечивая возможность существования и функционирование атома как единой системы. С одной стороны, если сравнить силу звучания согласных и гласного звуков в составе слога, то гласный, несомненно, будет лидировать, выступая в качестве «вершины звучности», или «слоговой вершины». Немаловажным является и тот факт, что, в отличие от согласных, которых в слоге может быть несколько, гласный всегда один (даже в составе дифтонга только один из гласных звуков является слоговым). С другой стороны, неизбежно возникает вопрос: может ли гласный звук в полной мере нести ответственность за стабильность слога, определяя его функциональные характеристики?

Известно, что сила воздействия речи не зависит от громкости; наоборот, слова, произнесённые шёпотом, зачастую могут оказать большее воздействие на слушателя. Значит, не сила звучания и даже не артикуляционно-акустические характеристики звуков лежат в основе разделения потока речи на единицы, соотносящиеся со смыслом, а синтезирующие навыки носителей языка, позволяющие им вычленять из речи функционально значимые единицы. *«Звуковое многообразие, существующее в речи, приводит к тому, что носители русского языка не могут узнавать или различать звуки только на основе их артикуляционно-акустических характеристик»*. Если люди пользуются языком как средством общения, то в процессе восприятия речи они *«должны производить сложные фонемные операции, позволяющие перейти от звукового*

многообразия к функциональным единицам, образующим и различающим слова» [1, 172].

Таким образом, функция речи заключается не в силе акустического воздействия на слушателя, а в информационном сообщении, которое её отправитель формирует и оформляет в соответствии с принятыми в языке правилами. «Фонемные операции», которые в процессе восприятия речи должны производить носители языка, соотнося звуки со смыслом, базируются на определённых принципах, в которых разграничение согласных и гласных звуков имеет определяющее значение.

3. «Ядерный» потенциал согласных и гласных звуков в составе слога

В потоке речи согласные звуки обладают функционально-смысловыми особенностями, гласные — функционально-произносительными.

Смыслоразличительные возможности согласных связаны с тем, что именно их присутствие в определённой последовательности в звуковой оболочке слова оказывает непосредственное влияние на его узнавание и функционирование. Расшифровать слова, составленные только из согласных, может даже ребёнок: ПМДР (помидор), ТРЛК (тарелка), МТРШК (матрёшка), ТЛВЗР (телевизор). Если же в качестве опоры будет предложена последовательность гласных букв, восстановить заданные лексемы будет крайне затруднительно.

Однако произношение цепочки согласных звуков невозможно без соединительных гласных, облегчающих переход от одной согласной к другой в потоке речи. Известно, что *«звуки, входящие в один слог, характеризуются максимальной слитностью, взаимосвязанностью при произнесении. Эта слитность находит свое отражение и в акустических*

характеристиках» [1, 122] слоговых единиц в составе речи.

В составе слога согласные, ограничивающие звучание склонных к редукции тоновых гласных, выступают как смысловые зарубки, позволяющие носителям языка членить речь, извлекая из неё то, что ассоциируется со смыслом. В этом случае *«фонетические характеристики как бы “уступают” более сильному фактору языка — смысловому, и восприятие подчиняется тому, что диктует общий смысл»* [1, 120]. Не только органы слуха, но и органы зрения при восприятии ориентируются на согласные. Например, в семитских языках, в угаритской и финикийской письменности буквы передают только согласные звуки с произвольным или нулевым гласным.

«Древнееврейский язык передавал имена богов при помощи одних согласных букв. Имя бога (как и текст в целом) служило формулой, выражающей Единый принцип, — в данном случае речь идёт о способе организации информации (согласные буквы) и его статусе (бог, создатель). Таким образом, говоря современным языком, древние евреи передавали в соответствующей их мышлению форме своё представление об устройстве мира» [16, 19].

Когда во время раскопок древнего финикийского города Библа были обнаружены таблички с неизвестной клинописью, известный французский востоковед Эдуар Поль Дорм *«не приступил сразу же к поискам звуковых сочетаний слогов. Если в основе данного письма лежал, как он считал, финикийский язык, то, обнажив простой, состоящий из одних согласных, “скелет” текста, он мгновенно получил бы возможность читать надписи»* [3, 174]. В семитских языках гласные не были представлены; но уже на следующем этапе развития письменности, в

слоговом письме, они получили эксплицитную форму выражения, т.к. были «зашиты» в знаках, обозначающих отдельные слоги.

Ядерно-маргинальная теория западных лингвистов, которые основополагающим компонентом слога считают гласный, во многом опирается на сонорную теорию слога, которая в отечественном языкознании пользуется наибольшим признанием в вопросах слогоделения. Применительно к русскому языку она была разработана Р.И. Аванесовым.

Критерии, которые лежат в основе теории Аванесова, являются наиболее объективными и с точки зрения физики. В плане акустики слог представляет собой волну сонорности (звучности); через колебательные движения воздушной среды, вызванные артикуляцией, он воздействует на слуховой аппарат человека так же, как на него воздействует любое другое материальное тело.

Степень сонорности звуков определяется их природой: наиболее сонорными в любом языке являются гласные звуки, затем идут сонорные согласные, а замыкают ряд шумные звонкие и шумные глухие согласные. Если слог является сочетанием звуков с разной степенью сонорности, то наиболее звучным в этом ряду представляет собой гласный. Однако стоит ещё раз отметить, что в функциональном отношении силовой критерий (т.е. степень сонорности) выступает как техническая характеристика, не оказывающая влияния на смысловое различие.

Только под ударение гласный звук сохраняет свои акустические свойства в полном объёме. В других позициях (в предупредных и заударных) звучание гласных звуков столь сильно поддается редукции, что часто приводит к выпадению или трансформации их в другие звуки, препятствуя однозначной их идентификации.

Исходя из этого, нам представляется, что гласные в составе лексемы не могут обладать «ядерным» статусом. Несмотря на то что в силу своих акустических характеристик (вокальности и неконсонантности) гласные выделяются большей силой звучания, в потоке речи они ненадёжны, т.к. чаще, чем согласные, меняют свою конфигурацию.

Известно, что гласные звуки различаются по положению языка, задействованного в их произношении (гласные переднего, среднего и заднего ряда, а также верхнего, среднего и нижнего подъёма) и по положению губ (гласные неогубленные и огубленные). В Таблице 1 классификация гласных звуков в русском языке даётся в зависимости от их артикуляции.

Таблица 1.

По работе губ По работе языка		Неогубленные		Огубленные
		<i>Передний</i>	<i>Средний</i>	<i>Задний</i>
Ряды Подъёмы				
<i>Верхний</i>		и	ы	у
<i>Средний</i>		э		о
<i>Нижний</i>			а	

Обратимся к стандартизированному перечню лексем, известному как список Сводеша, в основе которого лежат универсальные для любого языка базовые, нейтральные и немаркированные понятия. «*Определённая часть словаря всех языков относительно стабильна и образует основное лексическое ядро. В это основное лексическое ядро входят местоимения, числительные, наименования частей тела, географических явлений и пр.*» [4, 12].

В силу своих исконных, конститутивных понятийных значений, а также востребованности в составе любого языка такого рода лексемы относятся к наиболее

стабильным: *«Степень сохраняемости элементов основного лексического ядра постоянна на протяжении всего времени. Так, установив некоторое количество слов основного ядра, мы можем быть уверены, что определённый процент этих слов будет оставаться неизменным в равные периоды времени (например, в первое, во второе и в третье тысячелетия)»* [4, 12].

Данный перечень может быть задействован в сравнительно-историческом языкознании при сопоставлении языков и выявлении степени родства между ними. Оценка в этом случае производится на основе сходств и различий корневых морфем, описывающих одни и те же понятия. Однако этот список также даёт возможность выявить частотность употребления звуков речи в лексическом составе языка.

4. Частотность употребления в русском языке согласных и гласных звуков (по спискам Сводеша)

Из распространённых в настоящее время 200-словных и 100-словных списков Сводеша более востребованным является последний — с минимальным количеством наиболее употребительных лексем. Однако *«и этот уточненный и уменьшенный “опытный список”, — по словам В.А.Звягинцева, — представляется спорным во многих отношениях»*, так как *в различных языках он выстраивается на основе английского языка, что «накладывает определённый отпечаток и на отбор иноязычных эквивалентов: они неминуемо будут приближаться по своей понятийной сфере к английским словам, составляющим “опытный список”»* [4, 13; 15]. Именно поэтому при составлении списков в разных языках лингвисты вносят в них свои коррективы.

Рассмотрим три варианта списка Сводеша для русского языка: 1) материалы, представленные в

Википедии, построенные на англоязычной модели⁸; 2) материалы Алексея Касьяна, Георгия Старостина, Анны Дыбо и Василия Чернова из Центра сравнительной лингвистики Института восточных культур и античности РГГУ [23]; 3) список, составленный С.А.Старостиным, который в 1980-е годы внёс существенные дополнения в традиционную методiku Сводеша [18, 439 – 444].

Для наглядности в Таблице 2 расположим слова из упомянутых выше списков не по алфавиту, а исходя из того, гласные какого ряда, верхнего ([и], [ы], [у]), среднего ([э], [о]) или нижнего ([а]), были задействованы в образовании корневых морфем.

Таблица 2.
Списки Сводеша для русского языка

№	Википедия	Данные Алексея Касьяна, Георгия Старостина, Анны Дыбо и Василия Чернова		Список С.А.Старостина	
1	видеть	1	видеть	1	вид-
2	длинный	2	близко	2	имя
3	живот	3	длинный	3	дым
4	жир	4	живот	4	жи-/р/, жи-/вот/
5	имя	5	жир	5	лист-
6	лист	6	идти	6	пи-
7	один	7	имя	7	/при/-ид
8	пить	8	лист	8	пт-/иц/-
9	птица	9	пить	9	сид-
10	сидеть	10	птица	10	/у/-би-
11	убивать	11	сидеть	11	плы-
12	умирать	12	убивать	12	рыб-
13	дым	13	умирать	13	слы-/ш-/

⁸ См.: Википедия:

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%88%D0%B0

№	Википедия	Данные Алексея Касьяна, Георгия Старостина, Анны Дыбо и Василия Чернова		Список С.А.Старостина	
14	мы	14	дым	14	мы-
15	рыба	15	мы	15	ты
16	слышать	16	рыба	16	зуб-
17	ты, вы	17	плыть, плавать	17	груд-
18	язык (орган)	18	слышать	18	круг-
19	грудь	19	ты	19	кус-
20	гулять	20	грудь	20	лун-
21	зуб	21	зуб	21	рук-
22	круглый	22	круглый	22	муж-
23	кусать	23	кусать	23	сух-
24	луна	24	луна	24	ух-
25	мужчина	25	мужчина		
26	путь	26	рука		
27	рука (кисть)	27	сухой		
28	сухой	28	ухо		
29	ухо				
---	-----	---	-----	---	-----
30	белый	29	белый	25	бел-
31	большой	30	большой	26	бол-
32	вода	31	ветер	27	вес-
33	волос(ы)	32	вода	28	вод-
34	вошь	33	волосы	29	волос-
35	всё, все	34	все	30	вошь
36	говорить	35	год	31	голов-
37	голова	36	голова	32	гор-
38	гора	37	гора	33	дерев-
39	гореть	38	дерево	34	дождь
40	горло	39	дождь	35	дорог-
41	горячий	40	дорога	36	ед-
42	дерево	41	есть	37	желт-
43	дождь	42	жёлтый	38	жен-
44	есть (кушать)	43	женщина	39	ж/е/г-
45	жёлтый	44	жечь, сжечь	40	звезд-
46	женщина	45	звезда	41	зелен-
47	звезда	46	зелёный	42	зем-
48	зелёный	47	земля	43	зола-
49	земля	48	змея	44	кож-/коз-/

№	Википедия	Данные Алексея Касьяна, Георгия Старостина, Анны Дыбо и Василия Чернова		Список С.А. Старостина	
50	кожа	49	зола	45	колен-
51	колено	50	кожа	46	кор-
52	кора, кожура	51	колено	47	корен-
53	корень	52	кора	48	кост-
54	кость	53	корень	49	кровь
55	кровь	54	короткий	50	к-/то/, ч-/то/
56	кто	55	кость	51	лег-
57	лежать	56	кровь	52	лет-
58	летать	57	кто	53	мног-
59	много	58	лежать	54	не
60	не	59	лететь, летать	55	нов-
61	новый	60	меня	56	ног-
62	нога (стопа)	61	много	57	нос
63	ноготь	62	не	58	ночь
64	нос	63	новый	59	ог/о/н-
65	ночь	64	нога	60	/од/-ин
66	облако	65	ноготь	61	пер-
67	огонь	66	нос	62	пес-/ок/
68	пепел	67	ночь	63	печ/ен/
69	перо	68	облако	64	полн-
70	песок	69	огонь	65	рог-
71	печень	70	один	66	р/о/т
72	полный	71	перо	67	се/-мя/
73	приходить	72	песок	68	серд-ц/-
74	рог	73	печень	69	солн-ц/-
75	рот	74	полный	70	сто/й/
76	семя	75	приходить	71	теп-/л/
77	сердце	76	рог	72	т-/от/, /э/-т/от/
78	солнце	77	рот	73	/у/-мер-
79	стоять	78	семя	74	хвост-
80	то	79	сердце	75	ход-
81	хвост	80	собака	76	холод-
82	холодный	81	солнце	77	хорош-
83	хороший	82	соль	78	чело-/век/
84	человек	83	стоять	79	/чело-/век
85	чёрный	84	тебя	80	черн-
86	что	85	тёплый	81	шей-

№	Википедия	Данные Алексея Касьяна, Георгия Старостина, Анны Дыбо и Василия Чернова		Список С.А.Старостина	
87	это	86	тонкий		
		87	тот		
		88	хвост		
		89	холодный		
		90	хороший		
		91	человек		
		92	червь		
		93	чёрный		
		94	что		
		95	шея		
		96	этот		
		97	вошь		
----	-----	-----	-----	---	-----
88	глаз	98	глаз	82	глаз
89	дать	99	давать	83	да-
90	два	100	далеко	84	два-
91	знать	101	два	85	зна-
92	камень	102	знать	86	камень
93	красный	103	камень	87	крас-
94	маленький	104	красный	88	мал-
95	мясо	105	маленький	89	мясо
96	плавать	106	мясо	90	каз-
97	собака	107	сказать	91	я
98	спать	108	спать	92	язык
99	яйцо	109	тяжелый	93	яй/-ц-/
100	я	110	я		
		111	язык		
		112	яйцо		
				94	дл-
				95	сп-

Сопоставление по всем трём спискам того, какого рода гласные в большей степени используются чаще в корневых морфемах (в Таблице 2 они выделены жирным шрифтом), даёт приблизительно одинаковые результаты: гласные среднего подъема [э], [о] встречаются от 58 до 69 раз; гласные верхнего подъёма [и], [ы], [у] — от 30 до

28 раз; гласный нижнего подъёма [a] — от 12 до 15 раз. Разброс данных по гласным каждого ряда связан в первую очередь с тем, что количество представленных в списках лексем колеблется от 95 до 112.

На основе приведённых подсчётов можно сделать следующие выводы: наименьшее число корней в представленных базовых списках строится на основе гласного нижнего подъёма [a], который отличается точностью произношения, а наибольшее количество лексем в составе корня имеют склонные к редукции гласные среднего подъёма. Таким образом, в консолидированном списке Сводеша для русского языка преобладают корни с гласными среднего подъёма, которые подвержены наиболее сильному качественному изменению в речи. *«Они самые “слабые” и в безударном положении вообще не реализуются»* [8, 7].

Подобное положение дел свойственно и другим языкам. Так, описывая систему развития прадравидийского вокализма, Г.С. Старостин пишет: *«Все гласные среднего подъёма в ПД⁹ были, как правило, относительно менее устойчивы, чем гласные нижнего и верхнего подъёма. Во многих языках и диалектах налицо тенденция к “подъёму” среднего ряда, т. е. к развитию *e > i и *o > u»* [17, 56].

В гидском диалекте аварского языка, в котором *«представлены те же гласные звуки, что и в северном наречии (a, u, o, y, э)»*, тоже *«преобладают гласные среднего подъёма э, o, употребляющиеся вместо гласных верхнего подъёма u, y, что позволяет отнести гидский диалект к “окающим”»* [14, 116 – 117].

Статистические данные Ю.В. Карташевской об употреблении стыковых гласных фонем в американском

⁹ ПД (прадравидийский) — гипотетически восстанавливаемый язык-предок дравидийских языков, распространённых главным образом в Южной и Центральной Индии (комментарий мой — О.Г.).

варианте английского языка также свидетельствуют о том, что «гласные среднего подъема преобладают и в начальной, и в конечной позиции». Частотность гласных на стыке слов в этом случае распределяется следующим образом: 9730 гласных среднего подъёма против 4328 гласных верхнего подъёма и 2886 гласных нижнего подъёма в начальной позиции; 8278 гласных среднего подъёма против 6896 гласных верхнего подъёма и 1427 гласных нижнего подъёма [10, 84].

В Международном фонетическом алфавите зафиксирован только один гласный звук среднего подъёма — [ə]¹⁰. Все остальные звуки, расположенные сверху и снизу от него (см. рис. 1), относятся или к гласным средне-верхнего подъёма (close mid), или к гласным средне-нижнего подъёма (open mid).

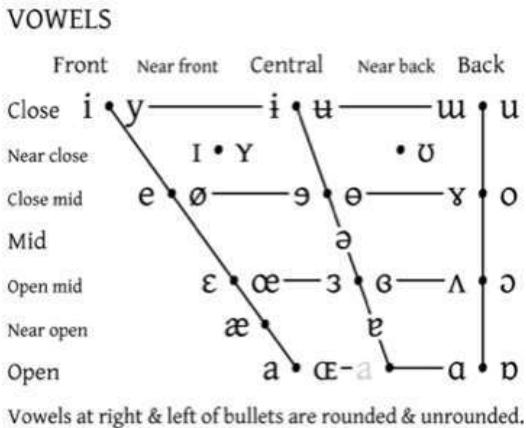

Рис. 1. Международный фонетический алфавит

¹⁰ В русском языке звук [ə] соответствует гласным а, о, е, я в заударных слогах: ко́ж[ə], глѳд[ə], сѳрдц[ə], ѳблак[ə]. Как писал Л.В. Щерба: «Акустические свойства этих “неопределѳнных” гласных играют очень малую роль в нашем восприятии, и они всецело являются следствием артикуляционных привычек данного языка» [20, 99].

Таким образом, гласный среднего подъёма [э] занимает в системе не столько центральное, сколько промежуточное, неустойчивое, положение в ряду остальных звуков.

Возникает вопрос, почему в базовых корнях из списка Сводеша именно гласные среднего подъёма, обладающие большим разбросом в произношении, лидируют по частотности употребления. Возможно, это связано с тем, что вокальная неопределённость гласных в составе корней была востребована. Не гласные определяли представления носителей языка о звуковой конфигурации слов, а согласные, поэтому точность произношения гласных не имела большого значения. Более того, гласные среднего подъёма как раз подразумевали возможность значительных колебаний, и это «тренировало» ухо носителей языка, обеспечивая восприятие слов даже при наличии субъективных речевых особенностей и возможных отклонений в произношении. Чем менее надёжными оказывались гласные звуки, тем больше внимание носители языка уделяли согласным.

В процессе речи склонные к количественной редукации гласные в большей степени, чем согласные, теряют свои качественные показатели. Отсюда следует, что их присутствие в составе корня не оказывает влияния на его восприятие и идентификацию, потому что эти функции закреплены за согласными звуками. Именно согласные обладают большей устойчивостью в составе речи, именно они и выступают в качестве её структурной основы — каркаса, отвечающего за формирование звуко-семантических комплексов, соотносящихся со значением.

Неслучайно слова, состоящие из последовательности одних и тех же согласных в составе корня, выражают одинаковые качества и свойства. Сравните, например:

свет, свят-ой, сват-ать, свит-ок (то, что обеспечивает человека способностью к зрительному восприятию, а также к восприятию знаний и обретению мудрости); *рук-а, рек-а, рек-ти, рык, рок-от* (значение протяженности в пространстве или во времени). Очевидно, что объекты и явления внешнего мира обретали в языке фонетическую форму в соответствии с заложенными в них природой и сознанием человека общими смысловыми составляющими.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе становления языка согласные выступали в качестве «ядерных» компонентов слов, именно они отвечали за общее звуковое представление и точность восприятия речевых комплексов, а гласные звуки служили лишь связующими элементами между ними.

В словаре О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова приводятся частотные списки употреблений букв русского алфавита, созданные на базе Национального корпуса русского языка. Согласно их подсчётам по частоте употребления в русском языке лидируют гласные *о* и *е*; за ними следуют — *а* и *и*; и лишь с пятой позиции в соревнование по частотности употребления включаются согласные: *н, т, с, р* и др. [13].

Согласно представленным в Интернете данным и в европейских языках, письменность которых была создана на основе латинской графики, на первое место выходит гласный среднего подъёма *e* [19, 36]¹¹. Безусловно, полученные и в том и в другом случае данные зависят от методов, выбранных исследователями для проведения подсчётов, однако тенденции просматривается довольно ясно. Из согласных в европейских языках лидирующее положение занимает *n*: «*N* можно назвать “наиболее

¹¹ См. также: <http://beobaxter.livejournal.com/892772.html> (Данные о частоте встречаемости букв алфавита в текстах основных европейских языков) и <http://tirantrain.livejournal.com/2409.html> (Данные о частоте встречаемости букв латинской графики в различных языках (%)).

постоянной буквой”, поскольку во всех пяти языках частота её встречаемости практически одинакова — от 6% до 7% всех букв латинского алфавита» [Там же]. Стоит отметить, что те же самые показатели (от 6% до 7%) характеризуют и русское *n* в списках О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова.

Частотность употребления букв в языках разного типа, безусловно, может отличаться. Например, в таджикском языке, как и в валлийском, первое место по частотности употребления занимает гласный *a*, однако на втором месте в таджикском языке находится гласный среднего подъёма *o*, а в валлийском — *o* занимает четвертую строчку в рейтинге. Можно надеяться на то, что в скором будущем мы получим больше информации относительно частотности употребления букв в языках разного типа, ведь эти сведения чрезвычайно важны, они используются для разметки компьютерных клавиатур и оптимизации функций быстрого ввода текста в мобильных телефонах.

Если в корневых морфемах в русском языке чаще всего используются гласные среднего подъёма, наиболее склонные к редукции, то во флексиях, указывающих на падеж, который отвечает за выражение субъектно-объектных отношений, преобладают устойчивые, не склонные к редукции гласные звуки — *a* и *ы* (например, они лидируют в формах наиболее востребованного родительного падежа).

Связано это с тем, что падежная система языка классифицирует объекты с точки зрения их существования во внешнем мире — по отношению друг к другу и к субъекту действия или восприятия; и здесь важна точность, чтобы характер субъектно-объектного взаимодействия был не только выражен, но и правильно идентифицирован.

5. Заключение

Итак, по своей физической природе согласные звуки противоположны гласным: гласные звуки являются тоновыми, глухие согласные — шумовыми; в сонорных согласных преобладает тон с примесью шума, в звонких согласных — шум с участием тона. Представляя собой части одного целого — звуков речи, согласные и гласные проявляют себя как противоположные сущности, взаимодействие между которыми, как известно, и определяет любое движение и развитие в природной среде.

В этой связи вполне естественно, что на уровне слога между согласными и гласными звуками возникает притяжение и создаётся поле, включающее различные варианты взаимодействия противоположных сущностей: от чисто тоновых гласных до шумовых глухих согласных с разными в процентном отношении их сочетаниями в сонорных и звонких согласных. Полевый характер взаимодействия на основе разного рода отклонений от равновесия не только обеспечивает силу, удерживающую звуки в составе слогов с последующим возможным их объединением в более крупные образования (по примеру молекул), но и, как любое поле, способно оказывать воздействие на того, кто попадает в сферу его влияния.

Природа этого поля неизвестна. От физических полей языковое поле отличает тот факт, что его влияние распространяется на мысли и чувства человека, которые имеют биоэнергетическую форму существования, не соотносящуюся ни с какими сугубо материальными сущностями. Таким образом, физическое взаимодействие согласных и гласных звуков речи, на основе которых создаётся письменность, позволяют осуществить переход от мира физического к миру духовному, обеспечивая в сознании носителей языка их взаимодействие в виде функциональной зависимости.

К сожалению, все попытки выявить эту зависимость на уровне законов и отношений до сих пор не увенчались успехом. В силу своей природы внутренний мир человека лишь отчасти соответствует тем критериям описания и оценки, которые используются в материальном мире. Однако обладающие материальной природой буквы и их сочетания как аналоги звуко-смысловых комплексов должны подчиняться заложенным во вселенной единым алгоритмам развития, потому что они, как и многие другие объекты действительности, имеют физическую (звуковую) форму, которая прошла испытание временем.

Рано или поздно учёные должны прийти к решению проблемы взаимодействия физического (объективного) и духовного (субъективного), и язык как система, созданная человеком по законам природы, может оказать существенную помощь в этом направлении.

Литература

1. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение. 1977.
2. Глазунова О.И. Лингвистика в контексте естественно-научной парадигмы познания: Фундаментальные физические теории в приложении к языку и мышлению. М.: ЛЕНАНД, 2018.
3. Добльхофер Э. Знаки и чудеса: рассказы о том, как были дешифрованы забытые письмена и языки. М.: Изд-во восточной литературы. 1963.
4. Звегинцев В.А. Лингвистическое датирование методом глоттохронологии (лексикостатистики) // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: 1960.
5. Идлис Г.М. Гармония мироздания // Дельфис, 1994, № 2. Электронная версия издания: <http://www.delphis.ru/journal/article/garmoniya-mirozdaniya>
6. Казарцев Е.В. Говорить по-русски легко — 1. Вводно-фонетический курс. СПб.: СПбГУ. 2012.
7. Старостин Г.С. Реконструкция фонологической системы прадравидийского языка. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. М. 2000.
8. Казарцев Е.В. Говорить по-русски легко – 1. Вводно-фонетический курс. СПб.: СПбГУ. 2012.

9. Карапетьянц М.Х., Дракин С.Я. Общая и неорганическая химия. 3-е изд., стер. М.: Химия. 1994.
10. Карташевская Ю.В. Результаты фонотактического анализа стыковых фонем в американском варианте английского языка // Вестник МГЛУ. Выпуск 1 (634). 2012.
11. Кривицкий Л. Эволюционизм. Том первый: История природы и общая теория эволюции. Книжный дом, 2009.
12. Кузнецов В.И. Общая химия: тенденции развития. М.: Высшая школа. 1989.
13. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник. 2009. Электронная версия издания
http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_letters&title=%D7%E0%F1%F2%EE%F2%ED%EE%F1%F2%FC%20%E1%F3%EA%E2%20%F0%F3%F1%F1%EA%EE%E3%EE%20%E0%EB%F4%E0%E2%E8%F2%E0
14. Магомедов М.М. Особенности вокализма гидского диалекта аварского языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2011. № 3.
15. Погодин А.Л. Язык как творчество: психологические и социальные основы творчества речи; происхождение языка. М.: Editorial URSS. 2001.
16. Пугачева Л.Г., Суриков К.А. Человек в космосе мышления. Введение в эпистемологию. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2008.
17. Старостин Г.С. Реконструкция фонологической системы прадравидийского языка. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. М. 2000.
18. Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур. 2007.
19. Чёрчаус Р. Коды и шифры (Юлий Цезарь, «Энигма» и Интернет). М.: Весь Мир. 2005.
20. Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб. 1912.
21. Finegan Ed., Language: Its Structure and Use, 7th ed. Wadsworth Publishing. 2014.
22. Hewlett N., Beck J. An Introduction to the Science of Phonetics London&New York: Routledge. 2010.

23. Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. Электронная версия издания: http://starling.rinet.ru/new100/Swadesh.htm#_ftn1

24. Laver J. Principles of Phonetics. Cambridge University Press. 1994.

**МИФОПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА РОМАНА
Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРВЫХ ДВУХ ЧАСТЕЙ ГЛАВЫ «ЖЕНА»)**

*Долгов Вячеслав Геннадьевич,
доктор филологических наук, конференциар,
(г. Бельцы, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье рассматривается мифоритуальный подтекст романа «Дети мои» Гузели Яхиной, в частности, образы дома // антидома, реки и пряжи, бинарные оппозиции «правое // левое» и связанные с ними «восток // запад», «свое // чужое», «жизнь // смерть», «счастье, удача // несчастье, неудача», «плодородие // бесплодие». Выявляется художественная роль мифологем и оппозиций, а также выдвигается и обосновывается предположение о взаимосвязи их смысловой инверсии с событийным планом сюжета. Материалом исследования выступают первые две части главы «Жена», первая из которых выполняет роль экспозиции, вторая – завязки сюжета романа.

Ключевые слова: мифопоэтика, мифологема, оппозиция, дом // антидом, аллюзия, эсхатология.

**MITOPOETICA SPAȚIULUI
ÎN ROMANUL „COPII MEI” DE G. YAKHINA
(ÎN BAZA PRIMELOR DOUĂ PĂRȚI ALE CAPITOLULUI „SOȚIA”)**

Adnotare. Prezentul articol abordează subtextul mitic al romanului „Copiii mei” de Guzel Yakhina, în special, imaginile artistice *casă // anti-casă, râu și torcătoare*, precum și opozițiile binare „*dreapta // stânga*”, „*est // vest*”, „*personal // străin*”, „*viață // moarte*”, „*fericire, noroc // ghinion, eșec*”, „*fertilitate // sterilitate*”. Se determină rolul artistic al arhetipurilor mitologice și al opozițiilor, prezentându-se și fundamentându-se ipoteza cu privire la relația dintre inversia lor semantică și evenimentele subiectului.

Obiectul cercetării reprezintă primele două părți ale capitolului „Soția”, prima dintre ele reprezentând expozițiunea, a doua – intriga romanului.

Cuvinte cheie: *mitopoetică, arhetip mitologic, opoziție, casă // anti-casă, aluzie, escatologie.*

MYTHOPOETIC SPACE
IN THE NOVEL «MY CHILDREN»
BY GUZELI YAKHINA (BASED ON THE MATERIAL OF THE FIRST
TWO PARTS OF THE CHAPTER "THE WIFE")

Annotation. The article examines the mythical subtext of the novel «My Children» by Guzeli Yakhina, in particular, the images of the *house // anti-house, river and spinner*, the binary oppositions «*right // left*» and the related «*east // west*», «*own // alien*», «*life // death*», «*happiness, luck // misfortune, failure*», «*fertility // sterility*». The artistic role of mythologemes and oppositions is revealed; the assumption about the relationship of their semantic inversion with the event plan of the plot is made and justified. The research is based on the material of the first two parts of the chapter "The Wife", the former serves as the exposition and the latter as the starting point of the plot of the novel.

Key words: *mythopoeitics, mythologeme, opposition, house // anti-house, allusion, eschatology.*

Предметом исследования выступает мифоритуальный подтекст романа «Дети мои» Гузели Яхиной, а объектом – бинарные оппозиции, образы дома / антидома, реки и пряжи. Мы полагаем, что в первой части первой главы, выполняющей роль экспозиции, заданы основные пространственные образы и оппозиции, вторая часть представляет собой завязку и характеризуется достаточно высокой плотностью художественных элементов, обращенных к мифологическому сознанию, в котором, по верному утверждению С.М. Телегина, «для писателя изначально заготовлен творческий образец, модель, схема или первичная идеяформа, которую он творчески разворачивает, отыгрывает в своем произведении» [3, 88]. Учитывая особое значение второй части первой главы в структуре романа в целом, а также роль эпизода первого урока с Кларой в судьбе главного

героя, к числу объектов исследования мы посчитали необходимым отнести и непространственный образ пряжи.

Первая фраза романа («*Волга разделяла мир надвое*» [1, 13]) задает основную пространственную модель мира, которая будет дополняться единицами символического языка культуры – бинарной оппозицией «правое // левое», и часто связываемыми с ней оппозициями «восток // запад», «свое // чужое», «жизнь // смерть», «счастье, удача // несчастье, неудача», «плодородие // бесплодие».

Так, левый берег – «свое» пространство не только для шульмейстера Баха, но и других жителей Гнаденталя. Неслучайно в его описании даны такие пространственные элементы, как «степь», «земля», «травы», «деревья», «поля», «бахчи», «деревни», а также этот берег связан с символами тепла и солнца («*Левый берег <...> переходил в степь, из-за которой каждое утро вставало солнце*»; «*Из степи веяло горячим и пряным <...>*» [1, 13]). Эта часть мира не только изведена, освоена, но, в целом, богата и благополучна, жизнь здесь течет своим чередом по однажды установленным правилам, как показано на примере Гнаденталя (в примечании автор уточняет, что «*Gnadental – в переводе с немецкого: благодатная долина*» [1, 14]) и главного героя. Здесь Якоб Бах ведет размеренный, можно сказать монотонный, образ жизни, поэтому неслучайно знакомство с ним и параллельно жизнью немецких переселенцев автор представляет в виде обобщенной модели одного дня Баха, которую можно представить так: пробуждение, удар колокола, завтрак, занятия в школе, удар колокола, обед, «час визитов», удар колокола, «час вечернего чтения», часто совпадающий с отходом ко сну (примечательно в этом отношении то, что хронику германских переселенцев читает уже третий год, но постоянно засыпает на одном и том же эпизоде). «*Так текла жизнь – спокойная, полная грошовых радостей и*

малых тревог, вполне удовлетворительная. Некоторым образом счастливая. Ее можно было бы назвать даже добродетельной <...>» [1, 24], – попытожит автор. Повторяемость, явленная в модели жизни, полагаем, мотивирована спецификой мифологического времени, которое, как широко известно, не линейно, а циклично, основано на извечном повторе одних и тех же элементов.

Другая часть мира – правый берег – полная противоположность. Во-первых, этот мир неизведан: *«Какова была земля другого берега, не знал никто»* [1, 13]. Во-вторых, явленный в пространственных деталях, больше тяготеет к дикой природе: «горы», «камни», «песок», «леса», «болота», «озера» и, наконец, «большие русские города» (первый и единственный элемент, связанный с идеей человеческого сообщества, однако эти города столь далеки, что больше кажутся чем-то нереальным). В-третьих, этот мир связан с образами-символами холода и темноты, которые ассоциативно отсылают к смерти: *«прохладные остролистые»; «озера ледяной воды»; «С правого берега вечно тянуло холодом <...>»; «За эти горы садилось солнце»* [1, 13].

Мы полагаем, что к числу базовых художественных приемов данного романа следует отнести инверсию как «переворачивание, перестановку» (в соответствии со значением этимона) смыслов, в результате которой устанавливаются сложные смысловые связи. Поясним данный тезис.

В экспозиции левый берег, на котором расположен в том числе Гнаденталь, связан с положительными коннотациями и идеями порядка, достатка, стабильности, роста и др., а правый – с отрицательными. В славянской традиции все наоборот. *«ПРАВЫЙ – ЛЕВЫЙ – универсальная семантическая оппозиция, в которой пространственные отношения получают аксиологическую*

интерпретацию: правый соотносится с положительным значением (счастье, удача, здоровье, плодородие и т. п.), а левый – с отрицательным (беда, неудача, болезнь, неурожай и т. п.). Эти оценки распространяются также на морально-этическую, юридическую и религиозную сферу <...>» [3: 4, 234], – уточняется в Этнолингвистическом словаре. Оппозиция «восток // запад», связанная с появлением и исчезновением солнца, сменой дня и ночи, также определяется смысловыми центрами «хороший — плохой». «Восток – святость, праведность, справедливость, благополучие и изобилие, жизненность, изначальность и запад – нечистота, неправедность, бедствие, смертность, завершенность» [3: 2, 445], – говорится в Этнолингвистическом словаре. Думается, что инверсия смыслов имеет событийное объяснение: основное содержание романа будет формировать не только линия жизни главного героя вдали от родного поселения, но и параллельная линия череды в основном трагических событий, происходящих в Гнадентале, – запустение, разруха, война, раскулачивание, коллективизация, кровавые бунты и проч. Эти изменения не только удивляют, но всерьез пугают Баха. Примечателен в этом отношении опыт первой вылазки героя в ночной Гнаденталь и вывод, который он сделал: «Дела в миру творились странные – выходить было опасно» [1, 99]. Катастрофические изменения прежнего мира отражают и названия исчисляемых величин собственного календаря Баха: «Год Разоренных Домов», «Год Безумия», «Год Голодных», «Год Мертвых Детей» и т.д.

Образу дома, который представлен как в частном варианте (дом шульмейстера), так и в варианте места жительства целого сообщества (поселения Гнаденталь), противопоставлен антидом – хутор Удо Гримма. Он

представляет наибольший интерес с точки зрения мифопоэтической традиции.

Во-первых, антидом расположен на правом берегу, о некоторых колониях которого Бах что-то слышал, но, как и другие, полагал, что вблизи Гнаденталя берег неприступен, да и вообще это неизведанная и даже запретная зона: *«Вблизи же Гнаденталя правый берег был столь крут и неприступен, что даже зимой, по твердому льду, туда не ходил никто. Как-то вдова Кох рассказывала (она доподлинно знала это от покойной бабки Фишер, а та – от жены свинокла Гауфа, а та – от свояченицы пастора Генделя), что земли эти не то были, не то до сих пор остаются собственностью какого-то монастыря, и доступ туда обычным людям – заказан»* [1, 32].

Во-вторых, антидом расположен таким образом, что случайные визитеры здесь практически невозможны. Такое уединенное расположение делает его жильцов недосыгаемыми для разрушительных явлений истории, событий большого мира. Этот признак не является абсолютной величиной, как мы узнаем по ходу развития сюжета, однако катастрофические последствия известных исторических событий коснутся героев лишь опосредованно. Такое «тайное» жилище обеспечит Баха и Клару, а затем и детей, всем необходимым для выживания.

В-третьих, этот дом обладает аномальными признаками, в определенной мере отражающими индивидуальность хозяина – великана. В описании пространства антидома постоянно возникают детали с признаком чрезмерности, гипертрофии: *«Хозяйский дом кораблем плыл по поляне: огромный, длинный, на фундаменте из тяжелых валунов, со стенами из таких толстых бревен, каких Бах в жизни не видывал. <...> Высоченная крыша лохматилась соломой, из которой торчали двуголечие каменные трубы»* [1, 34]. А вот каким

видит Удо Гримма главный герой в момент первого знакомства: «<...> Отодвинул завесу и оказался в обширной, как амбар, гостиной. Весь центр ее занимал тисовый стол, уставленный таким количеством яств, которых хватило бы, верно, и Ослингскому великану из древней саксонской легенды. За столом сидел могучий человек и пожирал еду <...>. Громкий хруст исходил от мощных челюстей, перемалывающих еду» [1, 36].

В-четвертых, дом (в соответствии со славянской традицией, понимаемый не только как жилище, но и как прилегающая территория, двор со всеми хозяйственными постройками), если можно так выразиться, подчинен воле и интересам хозяина. Вспомним, например, что в быличках пространство (как правило, природное) оказывает активное противодействие человеку, который стремится удалиться в безопасное место. Также отметим, что в волшебных сказках антидом подчинен воле персонажа-вредителя, например, Бабы-Яги. Он не только слышит и выполняет ее поручения, пространство вокруг антидома стремится помешать герою, который пытается несанкционированно покинуть его. Для иллюстрации данного тезиса приведем в пример фрагмент из одного варианта сказки «Баба-Яга» в обработке А. Н. Афанасьева: «Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели ее рвать – она бросила им хлеба, и они ее пропустили; ворота хотели захлопнуться – она подлила им под пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотела ей глаза выстегать – она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила» [2, 126]. Когда Якоб Бах решает, что не будет заниматься с Кларой, и пытается самовольно покинуть усадьбу, чтобы вернуться домой, ему это не удается. Будто все окружающее пространство противится этому. Противодействие не будет столь однозначным и явным, как, например, в сказке, потому что ситуацию

побега автор представляет сквозь призму эмоционально-психологического состояния героя, которое стремительно меняется – от недоумения до ужаса и паники. Отметим, что, борясь за свободу и, похоже, даже за жизнь, герой понимает, что его воля подавлена, а непонятное происходящее – результат реализации чужого плана, поэтому кричит: *«Отпусти! Прошу!»* [1, 49]. Он чувствует, что за ним наблюдают, но самое страшное в том, что кажущаяся очевидной простота исполнения принятого решения оборачивается полной противоположностью. *«Путь был знаком», «каждый поворот тропинки Бах знал, но тем не менее шел почему-то на удивление долго – может, полчаса, а может, и час»* [1, 47], – уточняется в романе. Герой все узнает – и деревья по краям тропы, и расколотившуюся липу, и пенёк, утонувший в муравейнике, – но ожидаемого выхода к реке не случается. Как нередко бывает в быличках, в эпизодах столкновения человека с представителем народной демонологии, он вдруг потерял чувство времени, а часы остановились (*«Впервые стоят, со дня покупки»* [1, 48]), по солнцу ничего не определить (*«И солнца в небе тоже нет: пелена облаков затянула небосклон, определить местонахождение светила – а значит, и время – невозможно»* [1, 47-48]). Он куда-то бежит, падает, погружается в топь, за что-то хватается, работает руками и ногами, ползет, пока не найдет возможность вернуться, пока не увидит хозяйский сад. В числе странных явлений леса, увиденных во время неудавшегося побега, – необычный пенёк: *«Один из уродливых пней похож на сидящую за прялкой старуху»* [1, 48]. Почему возникает образ пряжи и какую художественную роль играет, рассмотрим чуть ниже.

В теории В.Я. Проппа, как известно, постулируется обязательная граница между пространствами дома и

антидома. Ее роль в данном романе играет мифологема реки, характеризующаяся особой смысловой емкостью; ее содержание будет конкретизироваться и дополняться по ходу развития сюжета. Весь содержательный потенциал мифологеми мы рассматривать не будем, остановимся лишь на значимых (в контексте рассматриваемого фрагмента) смыслах. Так, например, в славянской традиции река *«осмысляется как граница, разделяющая природное пространство на «свое» и «чужое».* *Местность за рекой изображалась в фольклорных текстах как мифическая страна или потусторонний мир»* [3: 4, 417].

Данный аспект уже рассматривался выше. Здесь лишь снова подчеркнем, что усадьба на правом берегу в самые сложные времена обеспечивает всем необходимым для жизни. Также переправа через реку символизирует смену социального статуса, это *«мотив быличек, легенд, сновидений, поверий, связанный с символикой преодоления преграды, границы между миром живых и миром мертвых, пространством потусторонних вредоносных сил, мифических персонажей; мотив символизирует переход в иной социальный статус»* [3: 4, 10]. И здесь снова вспомним, что уроки Баха с Кларой обернутся в итоге их союзом (недопустимым?).

Как уже ранее отмечалось, вторая часть первой главы является завязкой сюжета. Примечательно, что во время изображаемого здесь первого занятия с Кларой наблюдать за происходящим приставлена старуха, занятая прядением: *«Вчерашняя старуха-кухарка сидела тут же, у окна, удобно устроившись на низенькой скамейке и поставив перед собой крашенную в земляничный цвет прялку – колесо ее вертелось и жужжало, разбрызгивая по бревенчатым стенам красные блики»* [1, 42]. Прядение в славянской традиции в символическом смысле

представляет собой универсальную *«модель создания жизни, в т. ч. человеческой»* [3: 4, 321]. Как уточняется в Этнолингвистическом словаре, *«с прядением связаны (преимущественно у юж. славян) девы судьбы»* [3: 4, 322]. Образ пряжи в данном контексте не является случайным: пряжа связывается с идеей судьбы, а первое занятие действительно является судьбоносным для Баха.

Как видим, мифопоэтические аллюзии играют существенную роль в поэтике исследуемого романа.

Существенно, что мифоэтнографические аллюзии возникают в тексте в момент завязки сюжета, что не знаменует конец смысловых приращений значимых мифологем и не отменяет роли заявленных мифологем, инверсия смыслов которых, как уже отмечалось, обусловлена событийно.

Полагаем, что на изучаемом отрезке текста также закладываются установки эсхатологического мифа (как универсальной модели и структуры), для которого характерно движение от центра к периферии (*«Однако те немногие, с кем он делился своими чудными мыслями, приходили в недоумение, потому как склонны были видеть родной Гнаденталь скорее центром их маленькой, окруженной заволжскими степями вселенной, чем приграничным пунктом»* [1, 14]), от космического порядка к хаосу и смерти и включение в художественную ткань повествования образов и мотивов пути и дома, а также круга.

Литература

1. Гузель Я. Ш. Дети мои. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной. 2019
2. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. Том 1. – М.: Наука. 1984

3. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: Под ред. Н.И. Толстого. В 5 тт. – М.: Издательство «Международные отношения». 1995-2012

4. Телегин С. М. О мифореализме «таинственных повестей» И.С. Тургенева. // Тургеневские чтения 4. – М.: Русский путь. 2009. С. 188-196.

ПРЕДМЕТНО-СОБЫТИЙНЫЙ ФОН КАК НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ЭМОТИВ РОМАНТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Метлушко Ирина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент (г. Минск, Беларусь)

Аннотация. Рассмотрены теоретические основания выделения предметно-событийного фона в качестве невербального коммуникативного эмотива. Выявлены лексические средства воплощения предметно-событийного фона в современном белорусскоязычном поэтическом романтическом дискурсе. Проанализированы качественные и количественные, общие и специфичные характеристики функционирования ядерных лексем наиболее многочисленных лексико-тематических групп *небесные тела и небо, погодные явления, дом*. Выделены инвазивная и неинвазивная разновидности предметно-событийного фона в проанализированном дискурсе. Делается вывод о закономерностях реализации предметно-событийного фона как невербального эмотива поэтического романтического дискурса на белорусском языке.

Ключевые слова: *эмотивность, невербальный эмотив, предметно-событийный фон, поэтический дискурс, романтический дискурс, инвазивный и неинвазивный предметно-событийный фон.*

THE SUBJECT-EVENT BACKGROUND AS A NON-VERBAL EMOTIVE OF THE ROMANTIC DISCOURSE

Abstract. The theoretical reasons to define subject and action background as a non-verbal communicative emotive are analysed. The lexical means of subject and action background verbalization in modern Belarusian poetic romantic discourse are revealed. The qualitative and quantitative, general and specific characteristics in the functioning of

nuclear lexemes of the most numerous lexical-thematic groups of *celestial bodies* and *the sky, weather phenomena, house* are distinguished. Invasive and non-invasive types of subject and action background in the analysed discourse are specified. The conclusion is made about the regularities in subject and action background implementation as a non-verbal emotive in poetic romantic discourse in the Belarusian language.

Key words. *Emotivity, non-verbal emotive, subject and action background, poetic discourse, romantic discourse, invasive and non-invasive subject and action background.*

Стремительное развитие научной мысли в изменяющемся историко-культурном, политическом и социально-экономическом контексте XX – XXI вв. позволило по-новому взглянуть на накопленные человечеством знания, включая знания о языке. Так, Д. Гоулман, В. Шаховский, Л. Бабенко, А. Ортони и др. полагают, что эмоциональный опыт индивида – первоначальный *«двигатель развития разума человека»* [1, 11], значимая первопричина его когнитивной и лингвистической деятельности. Более того, описанные А. Вержбицкой лингвокультурно обусловленные *«эмоциональные константы»* [2, 29] являются еще одним надежным способом выявления сходств и различий между лингвокультурными сообществами. Данные открытия послужили стимулом к современному активному развитию когнитивистики и прагматики.

Богатым источником материала для изучения эмотивности выступает поэтический дискурс, в целом, и романтический поэтический дискурс, в частности. Под романтическим понимается *«тип личностно-ориентированного дискурса, в основе которого лежит романтическая любовь между индивидами, вступающими в эмоциональное взаимодействие и осуществляющими обмен эмотивными вербальными и невербальными знаками»* [3, 4].

Автор, осведомленный о жанровом, каноническом потенциале и ограничениях поэтического дискурса, стремится к эмоциогенной концептуализации действительности. Создаваемая им модель художественного мира субъективна, т.к. транслирует некоторую личную когнитивную интерпретацию объективной действительности, многократно преломленную через «эмотивно-оценочные смыслы» [4, 14]. В свою очередь прагматический компонент стихотворного текста образует единое целое с его семантической составляющей, обеспечивая максимальную вовлеченность адресата в «предлагаемые автором результаты познаниям объективной реальности» [5, 107].

Эмоции «имеют отчетливо выраженный ситуационный характер, то есть выражают оценочное отношение к складывающимся или возможным ситуациям» [6, 266], что «позволяет говорить о непосредственной связи между языковым представлением эмоционального состояния, говорящего и коммуникативной ситуацией – стимулом эмоционального события» [7, 22].

Для реализации авторских коммуникативных целей и прагматического назначения поэтического текста используются не только вербальные (например, лексемы прямого, косвенного и контекстуального названия эмоций, чувств, состояний), но и невербальные эмотивы (например, фонационные и кинетические паралингвистические средства). «Эмотивами можно считать не только отдельные слова, знаки, но и всю коммуникативную ситуацию» [7, 29]. Так, коммуникативная ситуация, на фоне которой разворачиваются те или иные события, является «коммуникативным эмотивом» [7, 30]. Внесение изменений, хотя бы в один из компонентов

коммуникативной ситуации, влечет за собой изменение всей ситуации в целом. Данное утверждение справедливо и для предметно-событийного фона как элемента организации коммуникативной ситуации. Предметно-событийный фон включает в себя те условия, в которые автор помещает лирических героев (время, место, предметный мир и другие элементы окружающей действительности).

Предметно-событийный фон каждого поэтического произведения уникален, т.к. соотнобразуется с намеченными коммуникативными целями и прагматическими задачами и целенаправленно создается автором для воплощения некоторого эмоционально-когнитивного опыта. В поэтическом дискурсе в силу его жанровой и канонической специфики отсутствуют «случайные элементы», т.е. языковые единицы, не участвующие в формировании единого эмоционального пространства коммуникативной ситуации.

В статье приводятся результаты анализа предметно-событийного фона как одного из невербальных эмотивов белорусскоязычного романтического поэтического дискурса. Для анализа была отобрана любовная лирика, опубликованная в литературных изданиях «Полымя» и «Маладосць» за 2017 – 2019 гг. Белорусскоязычный поэтический романтический дискурс представлен сюжетно и тематически разнообразными текстами, охватывает такие аспекты межличностных отношений лирических персонажей, как взаимная, неразделенная, первая, несчастная любовь, ожидание встречи, мечтания о возлюбленных и др.

Стремление к достижению высокой эмоциональной вовлеченности адресата в стихотворный разговор о любви приводит автора к детализированной и разнообразной репрезентации элементов предметно-событийного фона.

Данный эффект успешно достигается через использование богатого языкового материала. В настоящем исследовании языковые единицы, участвующие в воплощении событийно-понятийного фона романтического поэтического дискурса, были объединены в 12 лексико-тематических групп на основании их тематической общности (установлено посредством анализа словарных дефиниций и контекста).

Наиболее многочисленными являются лексико-тематические группы, называющие *небесные тела и небо* (включают 24,3% от общего числа языковых единиц, участвующих в вербализации предметно-событийного фона, равного 100%); *погодные явления* (20,7%); *дом* (18%). От 10% до 3% употреблений приходится на лексические единицы, входящие в каждую из следующих лексико-тематических групп: *растительный мир, водные объекты, пора года, время суток, земля, животный мир, город*. Лексико-тематические группы *интернет* и *время* получили наименьшее количество языковых реализаций (до 2% каждая).

Несмотря на вариативность используемых авторами лексических средств для создания предметно-событийного фона в романтическом дискурсе, в каждой из лексико-тематических групп были выявлены ядерные (наиболее употребительные) и периферийные (наименее употребительные) лексические единицы.

Рассмотрим ядерные лексемы наиболее многочисленных лексико-тематических групп *небесные тела и небо, погодные явления, дом*, участвующие в создании предметно-событийного фона как невербального эмотива романтического дискурса на белорусском языке.

В лексико-тематической группе *небесные тела и небо* наиболее употребительными являются лексемы *зоркі, знічкі, неба*. Употребительность данных единиц

обусловлена стремлением автора возвысить, идеализировать как отношений между влюбленными, так сами образы персонажей. Репрезентированные романтические отношения намеренно вынесены в небесную плоскость, представлены недостижимыми, существующими вне временных и пространственных рамок земного мира. Например, лирический герой описывает возникшие любовные отношения, как «*Каханне над ліўнем і грамам*» (Г. Канстанцінавіч «Каханне над ліўнем і грамам») [8, 7]. Поэт не конкретизирует непосредственное место развития отношений, лишь указывает, что они развиваются *над* атмосферными явлениями (*лівень, гром*), что позволяет полагать, что речь идет о небе и небесной сфере.

Образный перенос романтических отношений в небесную плоскость вынуждает авторов искать достойных, вечных и недостижимых свидетелей романтических отношений. Таковыми выступают звезды и другие небесные тела. Так, любуясь возлюбленным, лирическая героиня видит отражение своего душевного и эмоционального подъема в расцветающих звездах (*расцвітаюць зоркі*):

«Светлячок гуляе // Па тваім брыве, // Ліпень спачывае // У густой травы. // **Расцвітаюць зоркі.**» (А. Беланожка «Ажына») [9].

Таким образом, высокая частотность вербализации лексем *зоркі, знічкі, неба* в лексико-тематической группе *небесные тела и небо* при создании предметно-событийного фона романтического дискурса позволяет возвысить, в некоторой степени сакрализовать чувства, эмоции и состояния влюбленных лирических героев, создавая эмоциогенный фон для адресата.

Ядро многочисленной лексико-тематической группы *погодные явления* (20,7%) представлено лексемами *лівень,*

дождж, вечер. Данные лексемы используются для создания максимально уединенного, интимного предметно-событийного фона, ограждая влюбленных лирических героев от любых посторонних вторжений со стороны реального мира. При этом общее настроение и эмоциональная напряженность стихотворений может значительно отличаться.

Так, лексемы *лівень, дождж, вечер* были использованы для создания будоражащего сознание, апокалиптического, интенсифицирующего эмоциональное напряжение в поэтическом тексте предметно-событийного фона. Например:

Ветрам дрэўцы пахілены ніц, // Свет не бачыў такіх навальніц! // <...> // Адпіваем з любоўных піял, // Бо іграем ужо серыял // Пра каханне над ліўнем і громам (Г. Канстанцінавіч «Каханне над ліўнем і громам») [8, 7].

Романтические отношения между лирическими героями (*адпіваем з любоўных піял*) разворачиваются на фоне сильной грозы (*Свет не бачыў такіх навальніц!*), склоненных ветром до земли деревьев (*Ветрам дрэўцы пахілены ніц*). Природные катаклизмы в данном контексте контрастируют с доверительными и уединенными отношениями лирических героев, создавая высокое эмоциональное напряжение в тексте посредством детальной репрезентации элементов предметно-событийного фона.

Лексемы *лівень, дождж, вечер* были вербализованы и для создания умиротворенного, спокойного образа окружающей лирических героев действительности (сюжетно-событийного фона), резонирующей нежностью отношения между персонажами поэтического текста. Например:

«Ветру ціхі подых // Травы калыхне... // На руках пнячотных // Ты нясеш мяне.» (А. Беланожка «Ажыны») [9].

Специфичным для ядерных лексем лексико-тематической группы *погодные явления* выступает их функционирование в романтических поэтических текстах диаметрально противоположной эмоциональной направленности. Универсальность употреблений лексем *лівень, дождж, вецер* в вербализации предметно-событийного фона романтического дискурса объясняется доступностью адресатам создаваемых образов в силу прагматического переживания данных погодных явлений разной степени интенсивности в повседневной жизни.

Специфичным для функционирования лексико-тематической группы *дом* стала ее многочисленность (18 % от общего числа лексем, участвующих в реализации предметно-событийного фона поэтического романтического дискурса, равного 100%) на фоне низкой употребительности лексем, входящих в ее состав. Эта особенность обусловлена, с одной стороны, субъективностью концептуализации объективной действительности авторами; с другой стороны, каузируется уникальностью ассоциативного ряда, который рождают те или иные предметы домашнего интерьера/экстерьера, связанные в авторской картине мира с романтическими взаимоотношениями и их эмотивно-оценочными смыслами. Так, в состав лексико-тематической группы *дом* вошли лексемы *падушка, дах, коўдра, парог, грэлка, плед, вінілавая кружэлка, чай, шыба, ложак* и др. Например:

*« <...> мне засталося хіба памерці // **накрыўшыся коўдрай** // пад якой мы разам // смяяліся // мушу назаўсёды сцярці // твае ўсмішкі // з **кватэрных шыбаў** // і **тэлефоннага дысплэя** // каб // не спяшаючыся // ў скрусе*

загінуць // ідучы па алеі памяці // з тваіх абдымкаў» (Я. Нікіфарава «Я чакаў») [10].

Лирический герой, переживая разрыв отношений с возлюбленной, видит в различных предметах домашнего интерьера напоминания о минувших отношениях. Так, одеяло неразрывно связано с воспоминанием о совместном веселье (*накрыўшыся коўдрай // пад якой мы разам смяляліся* [10]), окна и экран телефона помнят улыбки любимой, которые сейчас необходимо удалить (*мушу назаўсёды сцерці // твае ўсмешкі // з кватэрных шыбаў // і тэлефоннага дысплэя* [10]).

Приведем еще один пример, подтверждающий уникальность авторских ассоциативных и эмотивно-оценочных смыслов, которыми наделяются предметы домашней среды в предметно-событийном фоне романтического поэтического дискурса. В стихотворении «Малінавы чай» представлена влюбленная героиня, заболевшая после свидания под дождем. Она лечит простуду чаем с малиновым вареньем, которое из созданного автором элемента предметно-событийного фона, становятся символом зараждающейся любви, доверчивости и наивности. Автор противопоставляет малиновое варенье реальному лекарству, а влюбленность – настоящей любви. Добиться такого эффекта получается частотным добавлением прилагательного *малінавы* к описанию различных предметов домашнего интерьера, интенсифицируя общее настроение легкости, влюбленности и некоторой иллюзорности первых романтических отношений. Например:

«Раскрые абдымкі вялікі свет, // Яваю стануць мары! // ... Малінавы чай. // Малінавы плед. // Ружовыя акуляры» (А. Беланошка «Малінавы чай») [11].

В ходе исследования белорусскоязычного поэтического романтического дискурса было установлено

существование двух разновидностей предметно-событийного фона – инвазивного и неинвазивного. Рассмотрим на примере:

«*Знічки нам дарыла // Зорнае суквецце. // Я цябе згубіла // Там, у спелым леце*» (А. Беланошка «Ажына») [9]. Счастливая взаимная любовь представлена через взаимодействие элементов предметно-событийного фона, а именно: звезды в подарок (*знічки*) влюбленным от созвездий (*зорнае суквецце*). Примечательно, что созвездия дарят падающие звезды, приобретающие в данном контексте двойственный смысл. Так, традиционно при виде падающей звезды люди загадывают желания. Однако в следующей строке говорится о расставании лирических героев (*Я цябе згубіла*), что также можно соотнести с образным падением влюбленных с «небес любви». Подобное взаимодействие персонажей с объектами предметно-событийного фона конкретизирует, раскрывает тип развивающихся в момент речи взаимоотношений.

Данная разновидность предметно-событийного фона является инвазивной, т.е. выступает неотъемлемой смысло- и сюжетобразующей частью конкретной коммуникативной ситуации, проникает в репрезентированные отношения между персонажами и неразрывно связана с пониманием происходящего между лирическими героями. Опустив строки инвазивного предметно-событийного фона (*Знічки нам дарыла // Зорнае суквецце* [9]), адресат лишается значимой информации о взаимности в отношениях влюбленных.

Наряду с инвазивным предметно-событийным фоном можно выделить и неинвазивный, являющийся внешней декорацией, отражающей, усиливающей либо контрастирующей с эмоциональным состоянием лирических персонажей, участвующих в реализации авторского замысла. При этом условное удаление данной

информации из текста не лишает последнего значимого смыслового и сюжетного элемента, лишь снижая в некоторой степени эмоциональную напряженность и экспрессивность вербализованной коммуникативной ситуации. Так, созданный автором умиротворенный образ окружающей лирических героев действительности усиливает доверительные, наполненные нежностью отношения персонажей поэтического текста:

«Ветру ціхі подых // Травы калыхне... // На руках пшачотных // Ты нясеш мяне» (А. Беланожка «Ажыны») [9]. Условное удаление первых двух строк (*Ветру ціхі подых // Травы калыхне...* [9]) стихотворения не препятствует развитию коммуникативной ситуации и пониманию авторского замысла, но лишает текст доли экспрессивности. Данные характеристики указывают на неинвазивный характер созданного предметно-событийного фона.

В рамках одного романтического поэтического текста могут быть реализованы как инвазивная, так и неинвазивная разновидности предметно-событийных фонов для контрастного расставления эмоциональных и смысловых акцентов.

Проведенный анализ языковой реализации предметно-событийного фона, являющегося коммуникативным невербальным эмотивом, указывает на его особое значение в создании прагматического компонента поэтического дискурса. Авторы уделяют значительное внимание вербализации элементов предметно-событийного фона, которые, в свою очередь, обеспечивают эмоциогенность текста через интенсификацию, отражение, контраст развивающейся коммуникативной ситуации и сопутствующего предметно-событийного фона. В языковом воплощении элементов предметно-событийного фона задействованы

многочисленные лексико-тематические группы с ядерными и периферийными языковыми единицами. К ядерным относятся лексемы, репрезентирующие объекты окружающей действительности, доступные для непосредственного чувственного восприятия широким кругом адресатов (*зоркі, знічки, лівень, дощ, вецер* и др.).

Специфичным для реализации предметно-событийного фона в романтическом дискурсе выступает наличие лексем, указывающих на субъективность концептуализации авторского эмоционального романтического опыта, преломленного через личные эмотивно-оценочные смыслы. Так, многочисленная лексико-тематическая группа *дом*, участвующая в создании предметно-событийного фона, не обладает ярко выраженным ядром и периферией, т.к. авторы окружают лирических героев различными лично значимыми элементами объективной действительности.

Изучение качественных и количественных характеристик языкового воплощения предметно-событийного фона в романтическом поэтическом дискурсе позволило выделить две его разновидности – инвазивную и не инвазивную, указывающие на особое значение, которое приобретает предметно-событийный фон в создании единого эмоционального пространства в тексте, реализации намеченных коммуникативных целей и прагматических задач.

Литература

1. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М., 2010.
2. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. Cambridge, 1999.
3. Ренц Т.Г. Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте. Диссертация доктора филологических наук. Волгоград, 2011.

4. Кравец А.С. Категориальная оппозиция субъективного и объективного смыслов в герменевтическом дискурсе [Текст] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2014.

5. Заграевская Т.Б. Эмотивность и экспрессивность в структуре виртуальной реализации оценки [Текст] // Язык как система и деятельность – 5: материалы Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2015.

6. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции // Вилюнас В. Психология эмоций. СПб., 2004.

7. Коростова С.В. Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте. Диссертация доктора филологических наук. Ростов-на-Дону, 2014.

8. Гардзей В. Каханне над ліўнем і грамам [Текст] // Полымя. Минск, 2018.

9. Беланошка А. Ажына [электронный ресурс] // Белорусское интернет-издание zviazda.by. URL: <https://www.zviazda.by/be/news/20181016/1539683474-yagadny-kakteyl> (дата обращения: 30.07.2020).

10. Нікіфарава Я. Я чакаў [электронный ресурс] // Белорусское интернет-издание zviazda.by. URL: <http://www.zviazda.by/be/news/20170828/1503923624-roznakalyar> (дата обращения: 20.07.2020).

11. Беланошка А. Малінавы чай [электронный ресурс] // Белорусское интернет-издание zviazda.by. URL: <http://www.zviazda.by/be/news/20181016/1539683474-yagadny-kakteyl> (дата обращения: 30.07.2020).

ТРАДИЦИИ АНТИЧНОГО ЭЛЛИНИЗМА В ПОЭЗИИ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

*Заяц Михаил Сергеевич,
аспирант (РУДН),
(г. Москва, Россия)*

Аннотация. В работе прослеживается влияние античного эллинизма на творчество И.Ф. Анненского; исследуется взаимодействие поэта с эпохой серебряного века, творчески

преобразившей античный миф, созидая новую мифологическую реальность; выявляется стремление Анненского воплотить в своем творчестве преобразование человека и природы через формы античного катарсиса.

Ключевые слова: *античный эллинизм, серебряный век, порубежная эпоха, мифологическая реальность, «подлинная красота».*

**THE TRADITIONS OF ANCIENT HELLENISM
IN THE POETRY OF INNOKENTY ANNENSKY**

Summary. The given article examines the influence of ancient Hellenism on the work of I.F. Annensky; the interaction of the poet with the era of the «silver age», which creatively transformed the ancient myth, building a new mythological reality, is explored; the desire of I.F. Annensky to embody in his work the transformation of a man and nature through the forms of ancient catharsis is revealed.

Keywords: *ancient Hellenism, silver age, border era, mythological reality, «genuine beauty».*

Иннокентий Анненский вошел в русскую литературу как великолепный знаток античного искусства. Известно, что поэт является автором четырех пьес. При жизни Анненского вышли три его трагедии на сюжеты античных мифов: «Меланиппа-философ» (1901), «Царь Иксион» (1902), «Лаодамия» (1906), четвертая — «Фамиракифарэд» — посмертно (1913). Таким образом, отчетливо просматривается внимание поэта к искусству античной Греции. Что же привлекало художника, жившего в конце XIX – нач. XX в.в., в искусстве античной Эллады?

Видимо, ответ кроется в истории русской словесности, которая с древних времен берет за образец античное искусство. Через Византию русский читатель узнавал творения Платона и Аристотеля, через Святоотеческое предание опосредованно знакомилась с эллинской мифологией. Начиная с Петра Великого, античная мифопоэтика становится частью русского театрального искусства, частью философского знания и самопознания. На образцах античной поэтики строится

поэтика русских классиков. М. Ломоносов, Г. Державин, А. Пушкин, стоящие у основания русской современной литературы, отдали дань античной поэзии Греции и Рима (творения Анакреонта и Горация были настольными книгами русских классиков). Собственно, Анненский не просто следовал традициям русской классики, но был частью ландшафта русской литературы. Напомним, что большую часть своей жизни поэт провел в Царском Селе, которое является знаковым местом для русской культуры. В Царскосельском лицее учился и формировался как личность и великий поэт Пушкин, которого благословил на поэтический подвиг Державин. Анненский органично вписывался в державинско-пушкинскую традицию русской литературы.

Фактически свою творческую деятельность он начинает как педагог-исследователь классических текстов, преподавая древнегреческий язык. Характерно, что первую книгу стихотворений поэт опубликовал под псевдонимом-анаграммой Ник. Т-о, составленной из букв его имени, но легко допускавшей прочтение как «Никто», и здесь был скрыт важный для Анненского мифологический намек: так назвался мудрый Одиссей, чтобы спастись от ярости одноглазого чудовища циклопа Полифема, то есть прослеживается очевидная отсылка к гомеровской традиции, из которой родилась мировая литература.

Эллинская мифология для Анненского наполнена не только философским смыслом познания бытия, но учит филологической отточенности каждого штриха сознания. Форма должна соответствовать содержанию. Кроме того, предвосхищая А.Ф. Лосева, Анненский видит в мифе историческую правду древней Эллады, смотрит на миф глазами мифа, при этом становясь Одиссеем современной ему порубежной эпохи. Следуя трудам А.Ф. Лосева, отметим, что в мифологическом мышлении не

различаются: объект и субъект, вещь и ее свойства, имя и предмет, слово и действие, социум и космос, человек и вселенная, естественное и сверхъестественное, а универсальным принципом мифологического мышления является принцип «партиципации», то есть сопричастия. В мифе каждый объект, каждое действие неразрывно взаимосвязано с другими объектами и действиями. Изображение человека – это не просто изображение, это часть того человека, которого оно изображает, одна из его форм. По мысли А.Ф. Лосева, миф не выдумка, не фантазия, не фикция, а диалектическая необходимость сознания, вытекающая из подлинно существующей сверхъестественной, чудодейственной реальности: *«Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это подлинная и максимально конкретная реальность»* [3, 37].

Поэт одел себя в эллинскую тогу мифотворца, чтобы лучше рассмотреть русскую действительность. Конечно, он не одинок в своем стремлении к античному искусству. Возвращение к античному мифу свойственно эпохе Серебряного века, которая переживала своеобразный катарсис, переосмысление ценностей. К античному искусству обращается крупнейший мыслитель эпохи и теоретик символизма Вяч. Иванов. На уровне структуры и системы построения художественного образа, формы и содержания Иванов следует образцам античной философии и литературы. Даже образ Жизни, где царствует Эрос, приводится в соответствие с античным миром. Эротическое начало он пытается обнаружить в каждом штрихе бытия. «Башня» Вяч. Иванова стало местом не просто сбора поэтов-символистов, но ареалом философов, для которых жизнь есть текст, а текст – жизнь.

И это жизнь под сенью Эроса, который раскрепощает человека, делая его эротически свободным, где такая химера, как христианская совесть не имеет право на существование.

Мифу отдает должное Константин Бальмонт. Он – создатель солярного мифа, берущего свое начало в мифе о Фаэтоне. В этом огненном мифе все творчество поэта. Ищет себя в Звезде Маира Ф. Сологуб, вскрывает античную реальность в своих романах Дм. Мережковский. Фактически воссоздает реальность мифологическую Максимилиан Волошин. Его киммерийский миф становится реальностью сегодняшнего дня. Вместе с Вергилием, подобно Данте, он бродит в перелесках Темного леса в поисках утраченного Света. Это миф не просто о самом себе, в котором вымысел чередуется с правдой, это правда, ставшая мифом, и потому неразделимы легенда и реальность: они слились в единой картине.

Мифологические образы служат раскрытию реальной жизни, а не приданию ей таинственного и зачарованного поэтического намека недосказанного. Его образы зримы и понятны, как были понятны древнему греку трагические или комедийные события, изображаемые актерами на театральной сцене. Он создает символические образы не ради символа как такового, но ради показа действительности такой, какова она на самом деле.

В этой реальности большое место занимает Царское Село, замечательные парки, где античное перекликается с современностью. Одна из особенностей античного сознания – ее антиномичность. Такое состояние души встречаем в стихотворении «Расе. Статуя мира», которое завершается строками:

*«О, дайте вечность мне, — и вечность я отдам
За равнодушие к обидам и годам»*

Тема вечности - одна из основных тем античной литературы. Поэт жаждет вечности, боится ее, потому что в своей бесконечности она кажется бессмысленной. Но если все бессмысленно, то путешествие Одиссея по водам житейского моря теряет всякую перспективу бытия. Или — стихотворение «Я на дне» — о статуе Андромеды «с искаленной белой рукой» и ее обломке, упавшем в бассейн, где

*«Из тяжелых стеклянных потемок
Нет путей никому, никуда» [1, 7].*

Казалось бы, трагичность лирических признаний очевидна, но ощущение безысходности, безвыходности ситуации рождает катарсическое действие, в результате которого происходит обновление и преображение человека. Но это преображение возможно обрести чрез «спелое страданье»:

*Раззолоченные, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Не властный вылиться в душистые плоды.*

*И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...*

К страданию в стихотворении «Сентябрь» из книги «Тихие песни» (1904) готова природа, готов и человек, чтобы восстать вместе с природой к новому бытию. Страдания, переносимые человеком и природой, по мысли Анненского, суммарно уменьшают зло, обитающее в нашем мире. Через страдания к победе. Показательно, что

Осип Манделштам считал эпоху Серебряного века «героической эрой».

Можно смело утверждать, что Анненский, пропагандируя античное искусство, возрождал героическое начало в русской литературе.

Однако его герои не романтики, не буревестники и не соколы, они – творцы, перерождающие самих себя, преодолевающие тьму в своем существе. Поэтому так важно показать увядание и угасание, чтобы душа стремилась к Светлому и Преображенному. Потому человек «героической эры» пишет:

*Я жизни не боюсь. Своим бодрящим шумом
Она дает гореть, дает светиться думам...
(«Прелюдия»)*

Античная традиция много говорит о трагичном в человеке и обществе, но и она дает надежду. Для поэта гореть – значит созерцать этот мир, в котором, как сказал Неккер, «нравственность в природе вещей» и соответствует Благу и Красоте. Умопостигаемые, по Ямвлиху, эйдосы, которыми проникнуто все наше бытие. В этом отношении Анненский близок символистскому пониманию мироздания.

Основной особенностью мироощущения символистов был панэстетизм – представление о Красоте как глубинной сущности мира.

Важнейшей преобразующей силой искусства оказывается «жизнестроение». Значит, и гармония, и дисгармония – необходимые условия существования природы и человека, парадигма

жизнестроения, что и признает поэт в стихотворении «Гармония»:

*А где-то там мнутя средь огня
Такие ж я без счета и названья.
И чье-то молодое за меня
Кончается в тоске существованье.*

Круговорот жизни, знакомый с античных времен, исследуемый еще Сократом, Платоном и Аристотелем. Наверно, поэтому у Анненского чрезвычайный интерес к греческой трагедии. Античные образы и мотивы редко встречаются в лирике поэта, он воплотил свои идеи в произведениях, где современный зритель и читатель ощутил себя частью единого целого. И это целое – жизнь. Ее и изучает поэт. Язык Анненского полон жизни не только в стихотворениях, но именно в трагедиях. Перед нами парадигма, которую следует изучать как *«систему смыслопорождения вариантов, выступающих как оппозиции доминантного слова /образа, располагающихся на одной смысловой оси, структурирующихся в инвариантном значении художественного образа»* [4, 11].

Несколько слов необходимо сказать о термине парадигма, заимствованном литературоведением из языкознания. Парадигматический объект характеризуется тем, что он связан с другими объектами своего класса отношением сходства или несходства: две единицы одной парадигмы должны иметь некоторое сходство для того, чтобы могло стать совершенно очевидным различие между ними. Такое явление определяется как *оппозиция*. Термин заимствован из структурной лингвистики (в фонологию его ввел Н.С. Трубецкой). Глубокая диалектичность принципа оппозиций проявляется в том, что

антиномичность понимается здесь как особая форма общности.

Чтобы рассматривать антитезу как оппозицию, необходимо её включение в диалог художник – читатель. Оппозиции включаются в смыслопорождающий процесс, побуждают читателя к диалогическому сотворчеству, тем самым участвуют в порождении эстетического объекта, приобретая другое качество.

Как отмечает В.А. Зарецкий, *«художественная оппозиция всегда остается недозавершенной – всегда может быть пополнена деятельностью читателя. Характерная ее черта: чем резче противопоставление, тем интенсивнее выявляется общность, и каждое новое открытие общности влечет к обнаружению нового – внутри самой этой общности возникающего – противопоставления»* [2, 256]. Эта антиномичность восходит к античной традиции, близкой своим принципам творческому сознанию Иннокентия Анненского.

Анненский с молодости обращается к творчеству великих трагиков. Более всего ему импонирует Еврипид, которого он считал самым человеческим драматургом Древней Эллады, способным сострадать человеку в его бедах и лишениях. Трагедии Еврипида приглашают зрителя к сопричастности и знанию о самом себе и мироздании. Древний грек на театральной сцене узнавал истину, и эту истину несло мифологическое слово, которое воспринималось священным, обладающим божественной ипостасью. Божественный космос соединялся с космосом человеческим, рождалось бытие, в котором фундаментом жизнестроения являлась Красота.

Анненский принимает античную трагедию, но, по мысли А.В. Федорова, «трагедии Анненского — вовсе не стилизация «под Еврипида» или «под античность». Предуведомление («Вместо предисловия») к его первой

трагедии «Меланиппа-философ» (1901) содержит важное утверждение: *«Автор трактовал античный сюжет и в античных схемах, но, вероятно, в его пьесе отразилась душа современного человека. Эта душа столь же несоизмерима классической древности, сколь жадно ищет тусклых лучей, завещанных нам античной красотой»* [1, 18].

Обратим внимание, что поэт делает упор на словосочетание «античная красота». Он обращается к трагедии, в которой чутко улавливает сопричастность человека и мироздания. Вот эта сопричастность присуща античной трагедии, делает ее современной. В ней происходит диалог сознаний, диалог между прошлым и настоящим, настоящим и настоящим, в котором заложено будущее. В хоровом начале античной трагедии поэт рассказывал судьбу человека.

«Герои и героини трагедий Анненского (в том числе и тех двух, более ранних по времени написания, которые не вошли в эту книгу) — все молоды и всецело верны тому, что движет их жизнью. У Меланиппы — это любовь к ее детям и мысль о высшей мировой гармонии, у царя Иксиона — его гордое дерзание, у Лаодамии — любовь к убитому мужу, которой она готова всем пожертвовать, у Фамиры — одержимость музыкой. И все они сохраняют высокое человеческое достоинство под обрушивающимися на них ударами судьбы, перед неразумием старших, перед лицом неправедных богов» [1, 19].

Когда-то бытовало мнение, что Анненского следует отнести к поэтам-декадентам. Но разве мы не видим героического начала в его творчестве? И это героическое начало вошло в поэта вместе с античной традицией, которая призывала человека к «подлинной красоте» (выражение Анненского).

Безусловно, тяготение к Прекрасному следует отнести к глубокому знанию поэтом античного искусства, в котором рождались основные направления человеческой деятельности, и эти направления были как тождественны, так и противопоставлены друг другу. Но в оппозиции рождалось разумное Совершенство, и это совершенство было сильнее смерти и рока, в нем воплощалась Вечность, запечатленная в поэтическом слове художника.

Литература

1. Анненский И. Избранные произведения. Вст. статья Фёдорова А. В.: Творчество Иннокентия Анненского в свете наших дней. Л., «Художественная литература», 1988. С. 3-29.
2. Зарецкий, В.А. Народные исторические предания в творчестве Н.В. Гоголя. История и биографии [Текст]: монография / В.А. Зарецкий. – Sterlitaмак: Sterlitaмак. гос. пед. ин-т; Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1999. – 463 с.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа [Текст] / А.Ф. Лосев [Сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого]. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
4. Сергеева Ю.А. Парадигма обрыва в романистике И.А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв») [Текст]: автореферат дисс. канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю.А. Сергеева. – Самара, 2007. – 21 с.

«ПОЕТИ ДЛЯ ЕПОХ»: МАКСИМ РИЛЬСЬКИЙ І ЛІНА КОСТЕНКО

*Игнатенко Диана Анатольевна,
кандидат филологических наук,
Чолану Людмила Васильевна,
преподаватель
(г. Бельцы, Республика Молдова)*

Аннотация: В статье представлено литературно-критическое обозрение биографии и творчества великих украинских поэтов Максима Рыльского и Лины Костенко – личностей, жизнь и

творчество которых рассматривается в контексте исторических перемен эпохи XX-XXI ст.

Ключевые слова: *украинская литература, Максим Рыльский, Лина Костенко, биография, творчество, общество.*

«POETS FOR EPOCHS»: MAXIM RYLSKY AND LINA KOSTENKO

Abstract: The article presents a literary and critical review of the biography and work of the great Ukrainian poets Maxim Rylsky and Lina Kostenko – personalities whose life and work is considered in the context of the historical changes of the XX-XXI century.

Key words: *Ukrainian literature, Maxim Rylsky, Lina Kostenko, biography, creativity, society.*

«POEȚII PENTRU EPOCI»: MAXIM RYLSKY ȘI LINA KOSTENKO

Rezumat. Articolul prezintă o recenzie literară și critică a biografiei și operei marilor poeți ucraineni Maxim Rylsky și Lina Kostenko – personalități a căror viața și opera este reflectată în contextul schimbărilor istorice ale secolelor XX-XXI.

Cuvinte-cheie: *literatura ucraineană, Maxim Rylsky, Lina Kostenko, biografie, operă, societate.*

Сучасна літературна критика володіє широким діапазоном засобів і прийомів аналізу літературного тексту, вироблених у процесі розвитку літературознавства.

Основні підходи було вироблено академічними школами XIX ст. Культурно-історична школа запропонувала дослідження змісту літературного твору у зв'язку з дійсністю. Так, І. Тен ключ до творчості митця бачив у знанні загального інтелектуального і морального стану відображеної епохи. Представники порівняльно-історичної або компаративістської школи, зокрема в українській літературі М. Драгоманов та І. Франко, виробили прийоми вивчення твору і творчості митця у контексті літературного процесу, зосередившись на впливах, запозиченнях, наслідуванні тощо. Міфологічна школа започаткувала дослідження фольклорних витоків

художньої літератури (серед українців її представники О. Афанасьєв-Чужбинський, М. Костомаров, І. Левицький та ін.).

На основі здобутків академічних літературознавчих шкіл було вироблено різноманітні підходи, що часто теж називають школами. Ш.-О. Сент-Бев вважається основоположником біографічного методу (біографічної школи), суть якого полягає в ретельному вивченні біографії письменника як джерела тлумачення його творчості. О. Потебня – засновником психологічної школи, де мистецтво розглядається як трансформація внутрішніх переживань митця в образи. Ю. Лотман, М. Бахтін зробили великий внесок у розквіт структурального (структурного, семіотичного) підходу. Серед літературознавчих підходів ХХ ст. можна назвати феноменологічний, герменевтичний, дискурсний, мотивний та ін.

У системі сучасних наук, в тому числі і в літературознавстві, останнім часом переважає інтегрований підхід. Інтегрування прийомів відкриває широкі можливості для врахування і культурно-історичних особливостей епохи, і національної специфіки літератури, й індивідуальності митця та його творчості. Ще Сент-Бев твердив, що в кожному літературному творі віддзеркалюється авторська особистість. Ця особистість є своєрідним епіцентром, крізь який переломлюються основні проблеми часу і суспільства.

Мета статті: застосовуючи інтегрований підхід, розглянути життя Максима Рильського і Ліни Костенко у контексті історичних перемін ХХ ст., висвітлити вплив епохи на особистість митця.

Максим Рильський і Ліна Костенко – великі українські поети світового рівня. Паралелі в житті двох геніїв примушують замислитись. Вони навіть народились в один день – 19 березня. Тільки з різницею в 35 років.

Максим Тадейович у 1895 році, Ліна Василівна – у 1930. За віком, за даним Богом талантом, за світосприйманням вона могла б бути його донькою. Одного разу вони зустрілись, і Ліна Костенко в тій мимовільній зустрічі побачила знак долі: *Ледь-ледь торкаю слово аквареллю // Прив'ялий ранок, тиша, паранет. // З кленового туманного тунелю // Виходить Рильський, майже силует. // Різьба по небу – дерево черлене. // Я теж з туману обрисом з'явлюсь. // Він сумно-сумно дивиться на мене, // Хто я така, чого я так дивлюсь. // А я дивлюсь... Я хвилююсь трохи... // І розминулись. Тільки силует. // Оце і все. Зустрілись дві епохи. // Дурне дівчатко і старий поет. // Кружляє листя, і не чутно кроків. // Пейзаж, котрому років, років, років.* (Ліна Костенко «Пейзаж із пам'яті» [4]).

Кожна людина є представником свого часу. Тільки, як сказала Ліна Костенко, в одному житті відбивається головне, а в іншому – «збіговисько дрібниць». Максим Рильський і Ліна Костенко відбили суть своєї епохи, не розмінюючись на дрібниці. Як великі поети, вони осмислили і відобразили у поезії хід нашої історії.

Максим Рильський народився, коли в Україні активно формувалась національна інтелігенція. Її представники розмовляли «селянською» мовою, записували «мужицькі пісні», стверджували, що у прислів'ях та приказках, у народних казках є велика мудрість. Поети Іван Франко, Олена Пчілка й її донька Леся Українка, письменники І. Нечуй-Левицький, Панас Мирний, драматурги І. Карпенко-Карий, М. Старицький, М. Кропивницький та інші творили українську літературу. М. Лисенко започатковував українську класичну музику. Художники К. Трутовський, М. Ярошенко, О. Мурашко, С. Васильківський, М. Самокиш, О. Сластіон продовжили Шевченків напрям і створили український живопис.

У цьому колі був і батько Максима. Нащадок польських шляхтичів, російських аристократів і козацької старшини, український етнограф Тадей Рильський за великим коханням одружився з донькою селянина Меланкою. Його рідня цей шлюб не визнала, тому подружжя мусило переїхати з Києва у село Романівку. Коли Максимкові було 7 років, Тадей Рильський помер. Сироту взяли під опіку не родичі, а друзі Лисенки, хоч мали п'ятеро своїх дітей. Славетний композитор навчав хлопчика не тільки грати на піаніно і розуміти музику. Він розповідав про близьких йому людей: драматурга Михайла Старицького, історика Михайла Драгоманова, автора гімну України Павла Чубинського... Згадував, як улюблена учениця Леся Косач могла стати великою піаністкою, та тяжка хвороба прикувала її до ліжка. Тоді свій талант вона направила в єдине доступне їй мистецтво і стала – Лесею Українкою. Так сформувався головний принцип життя Максима Рильського: що б не трапилось – не опускати руки, бо горе минається, а життя триває, добро і краса вічні.

З 1917 року Київ охопив вихор революції. Йшли обшуки, мобілізації в різні армії, розстріли... Одні знайомі загинули, другі опинились у еміграції, треті переховувались, бо влада мінялась ледве не щомісяця... Студент Рильський перебрався у рідне село. Працював учителем у Романівці й сусідніх селах, у залізничній школі, на робітничому факультеті... Кожну вільну хвилину віддавав книгам, бо закінчити університет не було можливості. Зболене серце зцілював красою природи, музикою і поетичним словом. Поезій було створено на кілька нових збірок. Нових, бо перша збірка вийшла ще в 1910 р. Рильському було тоді 15 років.

Краса природи стала невичерпним джерелом його творчості, мірилом життя, найбільшою цінністю і

противагою негарздам недосконалого суспільства: *Кропивка на ставу цвіте і пахне, // Мигдалі й мед розточуючи звільна. // Забуте вчора і брудне і жахне, // За поплавцем слідкують очі пильно. // ...Ходи собі шумливими шляхами, // Гукай, кричи, роби акторські жести – // А я хотів у тиші над удками // Своє життя непроданим пронести.* (М. Рильський «Кропивка на ставу цвіте і пахне» [6, 71]).

Через кілька бурхливих і кривавих років все стихло. Україна стала однією з республік Радянського Союзу. Але з часів УНР лишилися українські літературні твори, наукові статті, підручники, українські школи, Академія наук... Збуджена національна свідомість дала могутній імпульс розвитку української культури. Почався «червоний ренесанс».

Тоді стало ясно, що Україна має поетів світового рівня. Максима Рильського було визнано одним з «нових класиків» – неокласиків. Неокласики не порушували ідеологічних питань, не висували політичні гасла. Вони зосередились на вічних людських цінностях: добро, краса, мудрість, людяність, духовність...: *Я натомився від екзотики, // Од хитро вигаданих слів, – // А на вербі срібляться котики, // І став холодний посинів. // Нехай я щастя не знайшов того, – // Його весна несе струнка, // І держить свічку воску жовтого // Її мережана рука. // Іще осніженою лапою // Зима на груди налягла, – // А свічка капає і капає // Над смутком білого села.* (М. Рильський «Я натомився від екзотики» [6, 82]).

А потім прийшло «чорне десятиліття». Почалися арешти інтелігенції. У перші хвили заарештованих потрапили поет Максим Рильський і вчитель Василь Костенко. Поет видався підозрілим своїми віршами, а вчитель – тим, що знав 12 мов.

Існує легенда, начебто за Рильського заступився шанувальник його творчості Микита Хрущов. Він поскаржився Сталіну, що заарештовано талановитого українського поета. «Таланти треба берегти», – начебто кинув вождь. І Рильського відпустили. За сімейними спогадами, слідчий спочатку оголосив, що поета засуджено на 10 років. І витримавши довгу паузу, повідомив: «Хотя, Рильский, вы и наш классовый враг, вы еще можете быть нам полезны. А потому принято решение вас освободить...» [7].

Максим Тадейович вийшов з тюрми хворим на серце. Арешти тривали. Знайомі перестали його впізнавати. На роботу не брали. А на руках дружина і діти... У ті страшні роки Максим Тадейович втратив і обох старших братів, і трьох з п'яти друзів-неокласиків, і багатьох знайомих. Ю. Лавріненко стверджує, що з 259 митців, що регулярно друкувалось до 1930 р., після 1938 лишилось 36 [6, 6]. Рильського забрав до себе Остап Вишня, допоміг влаштуватись. Їхня дружба зав'язалась на все життя. Коли Вишня теж пережив арешт і 10 років ув'язнення, Максим Рильський допоміг йому і з житлом, і з роботою, і з поверненням до творчості.

У Василя Костенка не було слави поета, він мусив захищатись сам. Вийшовши через рік з тюрми, умовив дружину отримати фах хіміка, бо хімія «далеко від ідеології». Він не сумнівався, що новий арешт не за горами. Маленьку доньку Ліну сховали у бабусі. Вона, як і малий Максим, теж рано зазнала горя, розлуки з батьками, навчилась долати лихо. Лише сиротою стала пізніше. Костенку «дуже повезло». В 1937 р. втратив роботу, але якось уцілів. Його засудили вже після війни.

М. Рильський, як інші «визнані» українські поети, мусив хитрувати. Він включав у нову збірку поезій 2-3 вірші про радянську дійсність, про буяння нового життя,

згадував робітників та колгоспників, партію... Поети про себе називали такі вірші «паровозами», бо вони «витягували» до друку усю збірку. Та все більше творів відкладав у шухляду, бо цензура їх не пропустила б. Цим компромісом урятував сім'ю, отримав можливість допомагати друзям. Він носив у тюрму передачі Євгену Плужнику – єдиний з усіх знайомих, дав гроші на житло звільненому перекладачу Григорію Кочуру...

Тодішні читачі швидко навчилися відрізняти справжню поезію від «паровозів». Ліна Костенко рано стала розпізнавала справжнього Рильського. Того, що бачить, як *«на вербі срібляться котики і став холодний посинів»*. Чує, як *«замовкло поле стоголосе в обіймах золотої мли»*. Знає, що серпень з вереснем – то лицарі у дружнім змаганні схрестили шпаги *«над медовою землею»*: *«перша шпага – жовтий промінь, друга шпага – сірий дощ»*... Вона, як і Рильський, полюбила природу «не для себе», вона відчуває її живу душу: *Мене ізмалку люблять всі дерева, // І розуміє бузиновий Пан, // Чому верба, від крапель кришталева, // Мені сказала: «Здрастуй!» крізь туман. // Чому ліси вітають мене знову, // На щит піднявши сонце і зорю. // Я їх люблю, я знаю їхню мову. // Я з ними теж мовчанням говорю.* (Ліна Костенко «Мене ізмалку люблять всі дерева» [5, 284]).

Вже визнано, що випробування і потрясіння Великої Вітчизняної війни породили небувале у світовій культурі явище. З давніх часів вважалось: «Коли гримлять гармати, музи мовчать». Але поети заговорили в повен голос. Відбулось небачене піднесення громадянської лірики. І серед перших поетів – Максим Рильський. «Слово про рідну матір» – поезія не про партію чи Сталіна. Це слово любові до України, яку «сходили босими ногами» Сковорода, Котляревський і Шевченко, культуру якої творили Лисенко і Заньковецька... Це образ України з

древньою історією і могутнім народом, що «не вмер, не вмере від жодної гармати», що піднявся від Дніпра до Карпат: *О земле рідна! Знаєш ти // Свій шлях у бурі, у негоді! // Встає народ, гудуть мости, // Рокочуть ріки ясноводі! // Лисиці брежуть на щити, // Та сонце устає – на Сході!* (М. Рильський «Слово про рідну матір» [8]).

У те воєнне лихоліття муза поезії прийшла втішити одинадцятилітню Ліну Костенко, розбудила її талант. Безсумнівно, тут був вплив громадянської лірики Рильського – його поезії знав кожен українець: *Мій перший вірш написаний в окопі, // На тій синкій од вибухів стіні, // Коли згубили зорі в гороскопі // Моє дитинство, вбите на війні.* (Ліна Костенко «Мій перший вірш написаний в окопі» [3]).

Їм обом – визнаному поету і дівчинці – довелось зазнати лиха евакуації, недоїдання і холод... Але й пізнати справжню людяність. *І ніч глуха. І нес надворі вис. // І світ кривавий, матінко свята! // Чужа бабуся ковдрою укрис, // своє розкаже, ваше розпита. // І ні копійки ж, бо не візьме зроду, // бо що ви, люди, на чужій біді?! // А може, то в душі свого народу // я прихилила голову тоді?* (Ліна Костенко «Колись давно, в сумних біженських мандрах» [4]).

Коли Друга світова війна закінчилась, сталінізм спробував укріпити свої позиції. Тюрми й табори поповнювались і солдатами, що вижили у німецькому полоні, і селянами, які «перебували на окупованій території», і різними «націоналістами»...

Тоді й Василя Костенка засудили на 10 років. Його донька подала документи на філософський факультет Київського університету. Вона вже проштудювала Аристотеля, Платона, Дідро, Гельвеція, у 16 років опублікувала свої перші вірші (ще одна паралель з улюбленим поетом Рильським). Золота медаль давала їй

право на вступ без екзаменів. Але прізвища Костенко серед першокурсників не було. Представник «особливого відділу» заявив: «Таких, как вы, мы не принимаем».

Партія знову брала літературу під контроль. Газети друкували статті на зразок «Про націоналістичні помилки Максима Рильського». Бібліотеки отримували списки художніх творів, які слід знищити. В тих списках – поема «Неопалима купина» М. Рильського. Заарештувати автора не дозволяла його світова слава. Але Рильського спробували відсунути на периферію культури – призначили директором невеличкого Інституту фольклору, мистецтвознавства та етнографії. Чиновники не розуміли, що митцю неможливо заборонити творити: *Коли усе в тумані життєвому // Загубиться і не лишить слідів, // Не хочеться ні з дому, ні додому, // Бо й там і там огонь давно згорів, – // В тобі, мистецтво, у тобі одному // Є захист: у красі незнаних слів, // У музиці, що вроду, всім знайому, // Втіляє у небесний перелив, // В тобі, мистецтво...* (М. Рильський «Коли усе в тумані життєвому» [7, 63]).

Інститут невдовзі став по-справжньому науковим центром дослідження народної культури, а дім Рильських поряд з Голосіївським парком – притулком для талантів знаних і ще не знаних. Тут відпочивали душею Довженко, Вишня, Сосюра, Малишко, Воронько, Стельмах... Сюди приїздили легендарні співаки Іван Козловський та Дмитро Гнатюк... Тут бувала юнаки, імена яких згодом стали гордістю української культури...

А Ліна після вигнання з Київського університету поїхала навчатись у Чернівці. Та коли на вулиці від голоду втратила свідомість, зрозуміла: треба повертатись до мами, удвох вижити легше. Щороку 19 березня за нею заходили друзі. Вони йшли на Хрещатик, відправляли з Головоштамту вітальну телеграму Рильському і починали

святкувати день народження Максима Тадейовича і Ліни. Одного разу дівчина прийшла до нього зі своїми віршами. І не наважилась натиснути кнопку дзвінка. Лише поклала біля дверей квіти із запискою «Від української молоді». Іншого разу він вийшов назустріч у парковій алеї. Ліна не посміла підійти. Саме про цю зустріч поезія «Пейзаж у пам'яті».

У 1953 р. Сталін помер. Почалась так звана «хрущовська відлига». Було визнано неправильність «культу особи Сталіна». Відбулась реабілітація частини невинно засуджених. Ослабла цензура, стали публікуватись раніше заборонені твори. Стрімко формувалось критичне ставлення до сталінської епохи, вільнодумство, що пізніше вилилось у рух дисидентів. Короткий період «відлиги» став утіхою останніх років життя Максима Рильського, новим розквітом його лірики і злетом Ліни Костенко. Поезії Рильського, що лежали багато років, діждали свого часу. Одна за одною виходили поетичні збірки. Одна з них мала символічну назву «Третє цвітіння». Він бачив, як у літературу приходять нове покоління – «діти війни», шістдесятники. Мабуть, читав збірку шістнадцятилітньої Ліни Костенко «Проміння землі» чи наступну, «Вітрила», – Максим Тадейович не пропускав нового і талановитого у мистецтві. А то було покоління дуже талановитої і сміливої молоді. Недарма ж збірка юного Дмитра Павличка називалась «Правда кличе», а Василя Симоненка «Тиша і грім». Шістдесятники оновили літературу і життя цілої країни, стали безкомпромісними провідниками нових ідей на кілька десятиліть.

Ліна Костенко надіслала свої поезії у Московський літературний інститут. Її прийняли навіть без обов'язкової на той час рекомендації Спілки письменників України.

Закінчивши Літінститут з відзнакою, могла лишитись у Москві, писати по-російськи і швидко прославитись. Та якось їй сказали про мову українців: «Вы же интеллигентный человек. Зачем Вам этот язык индейских племен?». А рідна мова для неї, як і для Рильського, стоїть в ряду найвищих духовних цінностей людства: мова, творчість, історія, природа, кохання, гідність...

Вона повернулась додому. В її поезіях не було жодного рядка ні про партію, ні про соціалізм, ні про «червоні дні календаря». Солідні добродії із Спілки письменників України пояснювали, що «так не можна», радили піти на компроміс, зняти деякі вірші, продемонструвати лояльність до радянської влади, попереджували про неминучі неприємності... А їй нудило і від цього добровільного плазування перед владою, і від перетворення української мови на російсько-український чиновницький суржик: *Поет, не дорожи любовію народной, // бо не народ дає тобі чини. // Кому потрібен дар твій благородний? // На всякий случай оду сочини. // Пиши про честь і совість, а при етом // Вмочи своє перо у каламуть. // Ну, словом, так. Поет, не будь поетом. // Тобі за ето ордена дадутъ.* (Ліна Костенко «Мимовільний парафраз» [2]).

Ліна Костенко не поступилась жодним рядком, жодним словом. Тоді було наказано розсипати вже набрану збірку. Її не друкували 15 років. *Настане день, обтяжений плодами. // Не страшно їм ні слави, ні хули. // Мої суцвіття, биті холодами, // ви добру зав'язь все-таки дали. // І то нічого, що чигали круки, // Що проминуло так багато літ. // З такого болю і з такої муки // душа не створить бутафорський плід.* (Ліна Костенко «Настане день, обтяжений плодами» [5, 386]).

Як сказав Євген Маланюк, Костенко опинилася з кляпом у роті. Геніального поета не соромились звинувачувати у «низькому художньому рівні», цькувати в пресі, криками й тупотом зганяти зі сцени... А вона відповідала з гідністю Поета: *Мені смакує ваш ажіотаж. // Я вас ділю на види і на ранги. // Ви – мій щоденний, звичний мій тренаж, // мої гантелі, турники і штанги. // Спортивна форма – гарне відчуття. // Марудна справа – жити без баталій. // Людина від спокійного життя // жиріє серцем і втрачає талію.* (Ліна Костенко «Коректна ода ворогам» [5, 199]).

Вона не скорилась. Протестувала проти арештів серед української інтелігенції, писала листи на захист Чорновола, допомагала постраждалим.... Як свого часу М. Рильський, Ліна Костенко писала «у шухляду». Її поезії доходили до читачів здебільшого через «самвидав», переписані від руки, передруковані на машинці, завчені напам'ять... Тоді було написано і «Берестечко», і «Маруся Чурай», і вірші збірки «Над берегами вічної ріки»...

У її присутності літературні чиновники почувалися неприємно, ущербно. Світлана Короненко згадує її появу у Спілці письменників України на літературному вечорі Івана Малковича. Коли Ліна Василівна увійшла в зал, всі оніміли й завмерли, а потім почали підводитися з місць... Гостя кинула тільки одну фразу; «Настільки я зрозуміла, це студія літературної майстерності, а за столом майстри?». Ті, що сиділи в президії, потупили очі: «За столом справді були не майстри, а досить посередні поети, які з висоти спілчанських посад повчали нас, молодих. Як же тоді вони принишкли...».

Може, саме за стійкість, за оте, як у Рильського: «*все збудеться і все мине*», «*неправді не служить*», «*життя непроданим пронести*» – подарувала їй доля друга,

коханого, опору в житті, її Василя. Тільки ненадовго, бо був він набагато старшим, покаліченим на фронті... *Усе було – і сум, і самота, // І горе втрат, і дружба нефальшива. // А ця любов – як нитка золота, // Що й чорні дні життя мого прошила. // Усе було, було й перебуло. // А ця любов – як холодно без неї! // Як поцілунок долі у чоло // Як вічний стогін пам'яті живої.* (Ліна Костенко «Усе було – і сум, і самота» [5, 71]).

У 1990, 2000, 2010, 2020 рр. Україна відзначала ювілеї великої письменниці. Анатолій Дімаров сказав: «Минули роки й роки. Топтуни й ревуни, які зганяли Вас із трибуни, де вони всі подівалися?.. Ваша ж зоря як сяяла, так і сяє, гордо і чисто, на поетичному небосхилі України, якій ви офіруєте своє серце і душу, свій великий талант».

Ліна Василівна Костенко в усі часи, на всіх перегонах історії лишається собою: *Я вибрала Долю собі сама. // І що зі мною не станеться – // У мене жодних претензій нема // До Долі – моєї обраниці.* (Ліна Костенко «Доля» [9, 201]). Вона відмовляється від нагород і премій, не дає інтерв'ю, не розказує про особисте життя... А кожен твір Ліни Костенко стає культурною подією – хоч нова збірка поезій, хоч стаття «Гуманітарна аура нації або дефект головного дзеркала», хоч роман «Записки українського самашедшого»...

Її поетичні цитати розлітаються по світу. Про поезію, творчість: «*Несказане лишилось несказаним...*»; «*Поезія – це завжди неповторність, якийсь безсмертний дотик до душі*»; «*Вечірне, сонце, дякую за день, за цю потребу слова, як молитви*». Про митця: «*Все залежить від людських зіниць – в широких відіб'ється вся епоха, у звужених – збіговисько дрібниць*»; «*Митцю не треба нагород, // Його судьба нагородила. // Коли в людини є народ, // Тоді вона уже людина*»; «*Ще не було епохи для*

поетів, але були поети для епох». Про кохання: «Я знаю, що Ви є. // Моя душа й від того вже світає». Про суспільство і час: «Таке століття – навіть зрячі йдуть наосліп»; «Народ не вибирають. // І сам ти тільки брунька у нього на гіллі. // Для нього і живуть, за нього і вмирають, // Ох, не тому, що він – найкращий на землі»; «Нації вмирають не від інфаркту. Спочатку їм відбирає мову». І, звичайно, про себе: «Страждаю, мучусь, гину, а живу!»; «Я не люблю нещасних. Я щаслива. Моя свобода завжди при мені»... [1, 5].

Отже, поєднання порівняльного підходу з культурно-історичним та біографічним, дозволяє висвітлити феномен мистецтва слова. Геній не тільки відтворює принципові особливості епохи, а й впливає на свій час і, всупереч несприятливим умовам, утверджує вічні морально-естетичні цінності людства, забезпечуючи його духовне зростання.

Література

1. Афористична скарбничка Ліни Костенко // Вивчаємо українську мову та літературу, 2010, № 9, с. 5.
2. Костенко Ліна. Вибране. К.: Дніпро, 1989.
3. Костенко Ліна. Над берегами вічної ріки: поезії. К.: Рад. письм., 1977.
4. Костенко Ліна. Неповторність: вірші, поеми. К.: Молодь, 1980.
5. Костенко Ліна. Триста поезій. Вибране. К., 2002.
6. Лавріненко Ю. Розстріляне відродження. Антологія 1917-1933. Київ: Просвіта, 2001.
7. Рильський Б. М. Мандрівка в молодість батька. К.: Київська правда, 2004.
8. Рильський М. Слово про рідну матір: поезії. Київ : Молодь, 1977.

9. Українське слово. Хрестоматія української літератури та літературної критики ХХ ст. (у трьох книгах). Книга третя. Київ: Рось, 1994.

ПОЛИСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ТАВТОЛОГИИ И ПЛЕОНАЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. ТОКАРЕВОЙ «КОШКА НА ДОРОГЕ»)

*Парахонько Людмила Вячеславовна,
ассистент кафедры славистики,
(г. Бельцы, Республика Молдова).*

Аннотация. В данной работе рассматривается тавтология и плеоназм в узком и широком толковании. Анализируются роль и функции семантической избыточности; производится полисистемный анализ компонентов тавтологической и плеонастической природы.

Ключевые слова: *тавтология, плеоназм, сжатое определение, широкое определение, полисистемный анализ, языковая система.*

A POLYSYSTEMIC ANALYSIS OF TAUTOLOGY AND PLEONASM IN MODERN ARTISTIC WORKS (BASED ON THE MATERIAL OF THE STORY «A CAT ON THE ROAD» BY V. TOKAREVA)

Summary. The given article examines tautology and pleonasm in a narrow and broad meaning. The role and functions of semantic redundancy are analyzed; a polysystemic analysis of the components of a tautological and pleonastic nature is conducted.

Keywords: *tautology, pleonasm, succinct definition, wide definition, polysystemic analysis, language system.*

ANALIZA POLISISTEMICĂ A TAUTOLOGIEI ȘI A PLEONASMULUI ÎN TEXTELE ARTISTICE CONTEMPORANE (PE MATERIUL POVESTIRII LUI V. TOKAREVA „PISICA PE DRUM”)

Adnotare. Această lucrare examinează tautologia și pleonasmul într-o interpretare îngustă și largă. Rolul și funcțiile redundanței semantice sunt analizate; se efectuează o analiză polisistemică a componentelor de natură tautologică și pleonastică.

Cuvinte cheie: tautologie, pleonasm, definiție concisă, definiție largă, analiză polisistemică, sistem lingvistic.

В настоящем исследовании мы разделяем «широкое» понимание тавтологии, которое включает не только однокоренные сцепления, но и синонимические пары слов (путь-дорога). Необходимо отметить, что данной точке зрения придерживается и А.П. Евгеньева в научной работе «Очерк по языку русской устной поэзии» [2, 105].

Что касается плеонастических оборотов, то при расширительном толковании плеоназм нередко понимают как многословие, граничащее с «пороком стиля». Избыточность выступает как постоянное свойство языковой единицы, поскольку мотивирована передачей уже выраженного смысла: лично я, своя автобиография, промышленная индустрия (индустрия и есть промышленность), наследие прошлого (наследие - явление, полученное от предыдущих эпох) и т.д.

Это значит, что в поле плеоназма можно ввести не только синонимы, но и словосочетания, в которых значение одного компонента целиком входит в значение другого [5, 344].

Следовательно, проводить полисистемный анализ тавтологии и плеоназма мы будем на всех уровнях языка, опираясь на классификацию Т.А. Ковалевой, правда, несколько ее изменяя и дополняя, что свидетельствует, в свою очередь, о постоянной динамике, развитии сложной знаковой системы [3, 100–106].

Однако, будучи связаны с антропоцентризмом, тавтология и плеоназм наполняют душу человека разными оттенками, и поэтому невозможно изучить, декодировать все зашифрованные ментальные ресурсы сознания. Данным положением обусловлена **актуальность** исследования. Это значит, что выбранная нами проблема нуждается в дальнейшем комплексном освещении.

Итак, рассмотрим проявление тавтологии, принимая в расчет стратификацию языка - его ярусы: фонологический (фонему), морфологический (морфему), лексический (лексема) и синтаксический (словосочетание, предложение и текст) (на материале рассказа В. Токаревой «Кошка на дороге»).

При описании дневного рациона Климова, главного действующего лица, используется тавтологический оборот **«на столе стоял»**: *«Климов оглядел тарелки и оценил ситуацию: перед ним на столе стоял его дневной рацион»* [8, 4].

Необходимо отметить, что на фонетическом уровне данное исследуемое языковое явление функционирует как гомеология – стилистический прием, заключающийся в повторе однотипных морфем, чаще в параллельных отрезках речи; так, происходит наращивание семантики за счет определённых оттенков в значении, или выражают грамматическое значение корня «сто» на диахронном уровне [12,101].

Важно отметить, что на историческом срезе (учитывая дальнюю онтологию исследуемой лексики) прослеживается связь с праславянской формой «*stati, *stojq» в значении стоять [10:3, 748, 769]. Это значит, что диахронно вычленили большое количество морфем: корень «сто» и суффикс «л» - стол. Однако в структуре слова произошла морфемная абсорбция – количество морфем сократилось из-за слияния корня и суффикса в одну морфему. Каузирующим импульсом данного процесса является затемнение внутренней формы слова. Причина опрощения (изменение в морфемной структуре слова, при котором производная основа, ранее распадавшаяся на морфемы, становится непродной, нечленимой; деэтимологизация) – интралингвистическая [1, 10].

Тавтологическая единица «**на столе стоял**» построена (на синхронном уровне) по одной из наиболее продуктивных словообразовательных моделей, а именно: по суффиксальному способу:

основа существительного + суффикс «-Я-».

С точки зрения семантики, тавтологическое сочетание относится к этимологическим бинамам, которые не воспринимаются носителями языка как семантически избыточные, т.к. происхождение лексем, входящих в их состав, им может быть неизвестно. Так, по данным этимологического словаря Фасмера, согласно дальней истории происхождения, как уже было упомянуто выше, лексема «стол» произошла от праславянской формы *stati, *stojq (стоять).

Обогатить информативный центр описываемого тавтологического образования помогает его структурная особенность – модель с подчинительной связью – управление:

Vf – N6 (спрягаемая форма глагола и существительное в форме предложного падежа).

Для «развоплощения» причины привычки, установившейся еще с детства, главный герой вводит в свой обиход фразеологизированное тавтологическое образование «**концы с концами**»: «*Привычка осталась от голодного послевоенного детства, от нужды в семье, когда едва сводились **концы с концами***»¹².

Данный устойчивый оборот, по характеру звучания, определяется как частичное повторение формы лексической единицы «концы»; выводится из устойчивой модели: N1 + ргг. + N5 (имя существительное в форме именительного падежа + предлог и существительное в форме творительного падежа); следовательно,

¹² Токарева В.С. Кошка на дороге. М., 2005, с. 4

воспринимается как конвенциональная тавтология (принадлежащая кодифицированному современному русскому языку; отвечающая требованиям нормы).

Необходимо упомянуть, что данные тавтологические обороты, по Т.Г. Крапотиной, являются фразеологизированными, т.к. им присущи устойчивость – неизменность (ни один из компонентов тавтологического сочетания не может быть опущен или заменен другим), идиоматичность (значение выражения не связано со значениями составляющих его компонентов) и, наконец, воспроизводимость (использование в речи в фиксированном виде, как готовая единица) [4, 5].

Исходя из словообразовательного разбора конструкции (действие, «работа» в речи как одного целого из отдельных частей), расценивается нами как непредикативное словосочетание, в котором реализуются обстоятельственные отношения меры и степени (в значении очень бедно), способ выражения – неморфологизированный: N1 + prep. + N5 (существительное в форме именительного падежа + предлог + существительное в форме творительного падежа) – примыкание.

Делясь своими воззрениями на диету, точнее, «контурируя» оппозитивные отношения путем «проведения водораздела» между похудением и невозможностью не съесть пончик из-за наличия нравственного регулятора – совести (моральное право не позволяет протагонисту пренебречь огромным количеством труда людей ради того, чтобы сбросить три килограмма), Климов использует следующие тавтологические пары:

- 1) **сеют – посевная**: «Сначала люди **сеют** хлеб. Это называется **посевная**»¹³;
- 2) **убирают – уборочная**: «Потом люди **убирают** хлеб. Это называется **уборочная**»¹⁴.

Представляется релевантным сказать, что две пары абсолютно тождественны на фонетическом уровне и принадлежат гомеологии, т.к. дублируются корни, содержащие психологический образ слов, их значение, например: корни «се и бир/бор».

Данные пары также построены по одной и той же деривационной модели - конфиксальной (от лат. *confixum* — совместно взятое; приставка и суффикс, одновременным присоединением образующие слово):

- а) основа глагола + префикс «ПО-» и суффиксы «-В -, - Н -»;
- б) основа глагола + префикс «У-» и суффикс «-ОЧН -».

На семантическом уровне они обозначают процесс, повторяющий действия: посев хлеба и его сбор.

Учитывая, что мы рассматриваем синтаксический строй тавтологий, находящихся в рамках двух предложений (из-за контактного расположения исследуемой лексемной близости), приводим следующую синтаксическую модель:

Vf – N1 (спрягаемая форма глагола и существительное в форме именительного падежа).

Продолжая погружать нас внутрь своего размышления на заданную тему, в речевом обиходе Климова встречается употребление частичной реитерации формы числительного «**один**» как единицы правильного, организованного семантического порядка: «*Стоит ли*

¹³ Там же, с. 4.

¹⁴ Там же, с. 5.

затрачивать такое огромное количество труда во имя **одной реплики одного полудурка!**»¹⁵.

Изучаемое тавтологическое сочетание действует по такой словообразовательной модели, как: повтор основы количественного имени числительного.

Необходимо отметить, что удвоение формы лексемы «один» формирует удвоение признака, т.е. значение исключительности со знаком минус.

Тавтологический оборот «**одной реплики одного полудурка**» связан согласованием (синтаксической связью, при которой зависимое слово дублирует инварианты господствующего слова, в нашем случае – это единственное число, женский род, форма родительного падежа (**одной реплики**) и единственное число, мужской род, форма родительного падежа (**одного полудурка**). Поэтому получается следующая синтаксическая конструкция: *Numeralia cardinalia 2 + N2*.

Во время того, как главное действующее лицо рефлексировало, «в **столовую** вошли его соседи по **столу**». В данном случае наибольший интерес составляет оборот, сдобренный, на первый взгляд, семантическим излишеством «в **столовую - соседи по столу**».

Итак, фонетически это выражение оформлено повтором корня «стол», содержащего основное лексическое значение: столовая, по данным Толкового словаря русского языка Ушакова, представляет собой комнату в квартире с обеденным **столом**, в которой едят и пьют [9:4, 265].

Его словообразовательная модель – суффиксация: основа существительного + суффикс «-ОВ-».

Учитывая семантический потенциал данного выражения, мы отнесем его к номинации (в основном, официальное именование организаций, должностей), в

¹⁵ Там же, с. 5.

которых один из предшествующих компонентов фрагментарно копирует основное название.

С точки зрения положения вышеуказанной тавтологической единицы; построения синтаксической единицы (конструкции, в которой ее компоненты объединены синтаксическими связями и отношениями), - образует отношение грамматической субординации – управление:

N1 + N4 (существительное в форме именительного падежа и существительное в форме винительного падежа).

Дескриптуя (описывая) своих «содей по столу», Климов произносит предложение, наполненное тавтологическим содержанием: *«Старушка о себе ничего не рассказывала, хотя, может быть, ей и хотелось бы рассказать»*¹⁶.

Для продуктивного выявления тавтологических компонентов, позволяющих вывести наружу «внутреннего человека», раскрыть лингвокреативный потенциал языковой личности, а также правильно и точно произвести полисистемный анализ данного новобразования, характеризующегося семантическими приращениями, разобьем коммуникему (по А.А. Шахматову, предложение, или это словесное, облеченное в грамматическое целое... выражение психологической коммуникации) [11, 29] на два тавтологических биннома:

- 1) **не рассказывала – рассказать;**
- 2) **хотя - хотелось бы.**

Важно эмфазировать, что данные пары разнятся из-за отсутствия идеи общности на фонетическом уровне: 1) соответствует фрагментарному повторению формы

¹⁶ Кошка на дороге, с. 5.

лексемы «рассказать», 2) характеризуется удвоением однотипной морфемы – корня «хот'».

С точки зрения дериватологического анализа структур, также наблюдается их дифференциация.

Так, первая пара образована при помощи суффиксации: основа глагола + суффикс «-ИВА-».

Вторая пара, в свою очередь, работает по следующему способу словообразования- суффиксально-постфиксальному способу, а именно: основа глагола + суффикс «-О-» и постфикс «- СЬ-».

Расподобление изучаемых языковых единиц происходит и на семантическом уровне: 1) обозначает удвоение, повтор желаемого действия, 2) составное именное сказуемое с именной частью – категорией состояния - «хотелось бы рассказать» выражает само желание, волеизъявление, которое продублировано в союзе «хотя» (несмотря на реализацию другого семантического аспекта – отношения уступки), что также формирует сослагательное наклонение.

Необходимо отметить, что, по нашему мнению, «раскрытая», «развернутая» выше структура (хотя – хотелось бы) действительно устанавливает тождество объекта самому себе и поэтому в речи является семантически избыточной, став логическим отклонением.

На синтаксическом уровне описываемые две пары с ядерным компонентом тавтологии принадлежат моделям с однородными компонентами: а) Vf + V inf (глагол в прошедшем времени + инфинитив), б) conjunctio + V inf (союз + возвратный глагол в форме инфинитива).

Повествуя об Олеге и Лене, чье отношение к друг другу выражало счастье, главный персонаж добавляет в свою речь полисиндетон (стилистическую фигуру, состоящую в намеренном увеличении количества союзов в

предложении): «Они были счастливы **и** поэтому всегда опаздывали **и** к завтраку, **и** к обеду, **и** к ужину»¹⁷.

Представляется существенным указать, что данную стилистическую фигуру можно «прикрепить» к образованиям тавтологической природы на основе ее сближения с элементами фоники (от греч. phone – голос, звук) – системой форм звуковой организации речи (прежде всего поэтической) [12, 340], а именно: в нашем случае – отнести к ассонансу. Кроме этого, это многосоюзие, устанавливая однородные связи между компонентами предложения, создает единство перечисления, тем самым образуя сукцессивность (последовательность протекания процесса), а также некую закономерность в поведении анализируемой пары (Олега и Лены).

Характеризуя внешность героини, Климов не пренебрегает апроприацией тавтологических дескрипторов: 1) **молодая – молодостью**, 2) **расцвести – расцвело**, 3) **чуть-чуть** повяло: «Лена была **молодая**, но не первой, а, пожалуй, второй **молодостью**, когда все, что должно было **расцвести**, – **расцвело**, а кое-что даже **чуть-чуть** повяло»¹⁸.

Итак, первая пара «окутана» фонетической оболочкой: дублетной морфемой – корнем «молод»; построена по суффиксальному способу образования: основа прилагательного + суффикс «-ОСТЬ-»; содержит значение проявления признака, т.к. есть его градация (первая и вторая молодость); коррелирует с подчинительной связью – управлением: Nomen adiectivum + N5 (имя прилагательное, входящее в структуру составного именного сказуемого + имя существительное в форме творительного падежа).

¹⁷ Там же, с. 5.

¹⁸ Кошка на дороге, с. 6.

Вторая пара так же, как и первая, относится к гомеологии, однако, в отличии от нее, выделяется не только дуплетным корнем «цве», но и дуплетным префиксом «рас»; функционирует по словообразовательной модели – суффиксации: основа глагола + суффикс «-С-»; выражает значение типичности, логичности, неслучайности действия; уравнивается с моделями с однородными компонентами: $V_{inf} + V_f$ (неопределенная форма глагола и глагол в прошедшем времени со значением однократности действия).

И, наконец, третье выражение с главным компонентом тавтологии относится к такому фонетическому явлению, как: редупликации (фономорфологическому явлению, состоящему в удвоении слога «чуть»); выражает меньшую интенсивность признака; принадлежит к отношениям грамматического подчинения – примыканию: представляет собой тавтологическое наречие.

Репрезентируя привлекательность определенной «нагроможденности» на открытой шее Лены, речевая цепь главного действующего лица допускает проникновение описательных адвербулов тавтологического происхождения «**некрасиво, но красиво**»: «*Вообще это было **некрасиво, но на ней красиво***»¹⁹.

Так, данная оппозиция находится «внутри акустического образа» - гомеологии, которая заключается в копировании корня «крас'»; принимая во внимание «дериватологический» компонент грамматики, рассматриваемая оппозиционная пара создана по приставочному способу словообразования: основа наречия + приставка «НЕ»; означает противопоставление; входит в

¹⁹ Там же, с. 6.

состав примыкания: Adv + Adv + conjunctio (однокорневые наречия и противительный союз «НО»).

Для того чтобы «очертить» задумчивость жены Олега, Климов прибегает к вербализации оборота, содержащего смысловую избыточность «**кусочек от куска**»: «*Потом отломил кусочек хлеба от куска Олега*»²⁰.

Необходимо отметить, что исследуемый языковой феномен обладает такой фонетической особенностью, как: частичное повторение формы одной лексической единицы; способ дериватологии – суффиксальный: основа существительного + суффиксы «- ОЧ-, - ЕК-»; является тавтологической синекдохой (тождественные, однокорневые слова) со значением отношения части и целого; выражаются объектные смысловые отношения; способ выражения – форма слова – управление, служебное слово: N4 + prep. + N2 (существительное в форме винительного падежа + предлог «от» + существительное в форме родительного падежа).

В настоящем исследовании чрезвычайно важным представляется коснуться следующего обстоятельства: мы, вслед за Ю.М. Скребневым [6, 160–161], также рассматриваем второй подтип изосемии, смыслового повтора, - скрытую, пропозициональную тавтологию. Так, мы выходим за рамки классификации, разработанной Т.А. Ковалевой; расширяем ее пределы.

Нужно сказать, что пропозициональная тавтология действует по определенной заданной функции: два выражения принадлежат к одной и той же семантической категории, если, во-первых, существует пропозициональная формула (предложение), содержащая

²⁰ Там же, с. 6.

одно из этих выражений, и, во-вторых, - если одно из этих выражений можно заменить другим [7, 5].

Следовательно, предложение *«И, глядя на ее лицо без косметики, Климов представлял себе, что она – его жена и они завтракают вместе у себя дома»* выступает репрезентантом скрытой тавтологии. Это значит, что местоимение 3 лица можно разложить на две пропозициональные переменные: а) Лена, жена Климова и б) сам Климов. Далее внедряем данные переменные в высказывание, осуществляем субституцию. Полученный результат подстановки записываем: *«И, глядя на ее лицо без косметики, Климов представлял себе, что она – его жена и он завтракают вместе у себя дома»*²¹. Таким образом, после замены одного выражения на другое «новая» пропозициональная формула причисляется к абсолютно тождественному смысловому распределению.

В произведении Виктории Самойловны встречаются и плеонастические фигуры, которые мы тоже подробно опишем.

Итак, при изображении полноты Климова во всей экстенсии автор «манипулирует» плеонастической избыточностью, а именно: понятийное содержание глагола *«располнел»* уже вмещает в себя сему лишнего веса: *«От возраста и достатка он располнел, и когда надевал модные вельветовые джинсы, то приходилось подтягивать живот и только после этого застегивать молнию. Живот получался плоский, но зато выпирал желудок, пуговицы на рубашке едва сходились, и получалось, что рубашка была плотно набита Климовым»*²².

²¹ Кошка на дороге, с. 6.

²² Там же, с. 4.

Употребленный плеоназм облачается в грамматическую форму: дублируется значение прошедшего времени, о чем свидетельствует формообразующий аффикс «л»; выражает семантику избыточного признака; реализуются субъектно-предикативные отношения, способ выражения: форма слова, порядок компонентов – координация, подлежащие оформлены по способу сепаратизации: N1 + V fin (существительные в форме именительного падежа и спрягаемые глагольные формы в прошедшем времени).

Для экспликации сущности клятвы, которую дал себе протагонист, В. Токарева украшает его речевые плетения плеонастическим оборотом **«худеть – мало есть и много двигаться»**: *«Отправляясь в санаторий, Климов поклялся себе, что будет худеть – мало есть и много двигаться»*²³.

Присвоение и усвоение вышеуказанной фигуры речи тканью рассказа реализуется на фонетическом уровне – посредством реитерации грамматической категории: инфинитива (репрезентантом является суффикс «ть»); ее словообразовательная модель - V inf + cop + Adv + V inf (инфинитив + связка + наречия с семой количества + инфинитив); составляет дополняющие и уточняющие значение друг друга, т.е. называет образ действия; находит выражение в комплетивных (восполняющих) отношениях, способ выражения: порядок слов – примыкание: V inf + V inf.

Необходимо отметить, что нами был проанализирован не весь фактический материал, для которого свойственны данные виды семантического излишества. Эта тема, где будет предпринята попытка

²³ Там же, с.4.

наиболее полно развернуть их «сложное интенциональное состояние», будет продолжена в других научных работах.

Однако, несмотря на вышеизложенное обстоятельство, предварительные сведения позволяют нам заключить следующее: тавтология и плеоназм реализуются на всех языковых ярусах: фонетическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях. Только так возможно декодировать весь их когнитивный потенциал и провести границу между несоблюдением норм кодифицированного русского языка и прагматическим аспектом.

В дискурсе В. Токаревой «Кошка на дороге» встречаются наиболее частотные формы и модели воплощения семантически избыточных единиц – это гомеология (дуpletный корень или приставка), частичное повторение лексической единицы, суффиксация, префиксация, однородность членов высказывания; кроме этого, доминируют подчинительные связи (согласование, управление и примыкание).

Важно подчеркнуть, что способы выражения исследуемых видов смысловой чрезмерности, избытка не отражают все возможности синтаксической системы русского языка, что и увеличивает интерес к данной проблеме.

Более того, невзирая на присутствие плеонастических компонентов; по масштабу, охвату они проигрывают тавтологическим фигурам, т.к. «Кошка на дороге» представляет собой паутину сцеплений изонимической реитерации (копирование одного и того же слова, лексемную близость). Поэтому возникает впечатление, что плеоназм вкраплен в «тавтологическое сердце» текста, например: *«Но у Климова с детства установилась*

привычка – раз плачено, надо есть. Привычка осталась от голодного послевоенного детства, от нужды в семье, когда едва сводились концы с концами. Но детство и нужда давно кончились»²⁴;

«Климов пребывал в среднем возрасте и полном достатке. От возраста и достатка он располнел, и когда надевал модные вельветовые джинсы, то приходилось подтягивать живот и только после этого застегивать молнию»²⁵;

«Ну что изменится, если Климов, скажем, похудеет за срок на три килограмма? Ничего не изменится. Никто даже не заметит. А если даже кто-то заметит и спросит: «Толя, ты что, похудел?» – а он ответит: «Да, я был на диете, не ел мучного и сладкого»²⁶ и др.

Такое построение рассказа создает волшебный, заговоренный круг (кольцевую композицию), каузирующий решение трудной философской задачи. Доказательством этого является то, что внутри одной большой тавтологии 4 раза повторяется установка «не додумывать ситуацию до конца...», не думать о том, что было бы, если бы Климов «ничего не упустил, связанного с достоинством», «смог полностью реализовать свою личность, свою любовь». И вот, в конце текста, на пятый раз, Климов решается ответить на вопрос жизни: «А собственно, почему не додумывать? Может быть, как раз взять и додумать до самого конца. И все исправить и выверить по законам его, климовской, совести...»²⁷

Анатолий Климов отпрашивается в лес за брошенной им

²⁴ Кошка на дороге, с. 4.

²⁵ Там же, с. 4.

²⁶ Там же, с. 5.

²⁷ Там же, с. 16.

кошкой, пытается первый раз за 22 года поступить достойно, по-человечески. Так, при помощи тавтологии разрешается личностная драма героя.

Таким образом, тавтологический дискурс творит семантические противоречия, чтобы превозмогать их. Рождается метафорическая культура, абстрактный знак, который не является чем-то всеприложимым, универсальным, поэтому и требуется раскрыть его тайну, произвести «раскопки внутри слов и за ними». А постепенная утрата лексической обремененности, в свою очередь, приводит к демонстрации высшего психического ресурса – умственных сил участников коммуникации: писателя и читателя. Другими словами, реализуется диалог сознаний автора и его читателя.

Литература

1. Анисимова Е.А. Морфемика. Словообразование: практикум по одноименным разделам дисциплины "Русский язык" для студ. пед. спец. / Е. А. Анисимова, И. Н. Кавинкина, Е. П. Пустошило. Гродно, 2012, 47 с.
2. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XX века. М.; Л., 1963, 348 с.
3. Ковалева Т.А. Тавтология и плеоназм в русском языке XXI века: полисистемный аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Владимир, 2017, 256 с.
4. Крапотина, Т.Г. Фразеологизация синтаксических связей в устойчивых сочетаниях тавтологического типа: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996, 220 с.
5. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. 2 – е изд., перераб. и доп. М., 1997, 703 с., 16 с. вкл.
6. Скребнев, Ю.М. Основы стилистики английского языка. М., 2003, 230 с.
7. Смирнова Е.Д. Семантические категории /Е.Д. Смирнова//Гуманитарный портал. М., 2020, 18 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/7030>, [дата обращения – 12.02.2020].
8. Токарева В.С. Кошка на дороге. М., 2005, 17 с.

9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1940. Т.4, 1502 стб.

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М., 1986–1987

11. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

12. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. М., 2011, 480 с.

РАССУДОК И РАЗУМ В ЛИРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Е.А. БАРАТЫНСКОГО)

*Патроева Наталья Викторовна,
доктор филологических наук, заведующий кафедрой
русского языка
(г. Петрозаводск, Россия)*

Аннотация. Поэтическая гносеология предполагает оппозицию рационального и чувственного как разных ступеней мировосприятия в процессе формирования индивидуально-авторской картины бытия. Русская романтическая «поэзия мысли» предоставляет богатейший материал для исследования сходства и отличия ментальных концептов, в том числе «рассудок» и «разум», в общелитературном языке, философском дискурсе и лирике.

Ключевые слова: *лексический уровень поэтического текста, рациональное, познание, мировосприятие, антиутопия, «поэзия мысли».*

REASON AND MIND/ INTELLECT IN THE LYRIC DISCOURSE (BASED ON E.A. BARATYNSKY'S POEMS)

Annotation. Poetic epistemology presupposes the opposition of the rational and the sensual as different stages of perception of the world in the process of forming an individual author's picture of being. Russian romantic «poetry of thought» provides a wealth of material for researching the similarities and differences between mental concepts, including «reason» and «intellect», in general literary language, philosophical discourse and lyrics.

Key words: *lexical level of a poetic text, rational, cognition, perception of the world, dystopia, “poetry of thought”.*

Категории «рассудок» и «разум» обычно рассматриваются в гносеологии, логике, философии, психологии как обозначение некоторых способов познавательной деятельности человека²⁸. Разграничение категорий «рассудок» и «разум» как способов познавательной деятельности человека, намеченное еще в эпоху античности, было поддержано мыслителями Возрождения и Нового времени - Н. Кузанским, И. Кантом, Ф. Шеллингом, Г. Гегелем и др. Так, *рассудок*, согласно классической интерпретации рационального, оперируя эмпирическими данными, познавая все «относительное». «земное» и «конечное», способен правильно классифицировать явления, приводить знания в формально-логическую систему. *Рассудку* приписываются строгость разграничений и утверждений, тенденция к упрощению и схематизации, негибкость и категоричность (не случайно Гегель отождествлял рассудок с «метафизическим», не диалектическим пониманием действительности)., между тем как *разум*, сущность которого состоит в целеполагании, рефлексии, открытии «абсолютных», даже «божественных», истин, выступает как высшая в сравнении с рассудком способность мышления (в том числе научного познания, нравственного и творческого сознания), приводящая к единству все противоположности (Гегель), вырабатывающая «регулятивные принципы» человеческого поведения (Кант).

Вместе с тем от философской и логико-психологической трактовки категорий рассудка и разума,

²⁸ О формах рациональности см., напр. [1], [14], [32], [6], [17], [19], [16], [15].

подчеркивающих момент различия и даже противоположности этих понятий друг другу, весьма отличается интерпретация соответствующих лексем в толковых словарях русского языка, что, впрочем, вполне закономерно: значение слова вбирает в себя не все существенные признаки явления, входящие в его сигнификат, основывается на наивных, традиционных представлениях носителей языка об этом предмете, включает, помимо денотативно-понятийного, иные составляющие – например, коннотативный, культурный, идеологический и др. семантические компоненты.

В академическом «Словаре современного русского литературного языка» предлагается следующее толкование: *«Разум... 1. Высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически мыслить...// Ум, интеллект... // Разумность, целесообразность... 2. Способность мыслить, понимать, умственные способности человека... // Нормальное состояние человеческого сознания... 3. Устар. Смысл, значение ч.-л. ...»* [31, 530-532]; *«Рассудок... 1. Способность логически мыслить, рассуждать; разум (в 1-м значении)... // Способность осмысленно воспринимать окружающее, сознание... 2. Здравый смысл, рассудочность...»* [31, 851].

Таким образом в первом значении лексемы *разум* и *рассудок* оказываются синонимичными, однако вторичные значения их дифференцируют.

В словарях синонимов лексемы *рассудок* и *разум* оказываются в одном синонимическом ряду, возглавляемом словом-доминантой *ум*. Так, по данным «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», *ум*, *разум*, *рассудок* как синонимы обозначают и способность человека думать, понимать, и соответствующий «невидимый» орган [24, 447-448]. Но

если при использовании слова ум акцент делается на процесс получения знания, то при употреблении синонимов разум и рассудок переносится на его результат (уже достигнутое понимание). При этом *разум* и *рассудок* ассоциируются с разными ценностями: разум – с высшими этическими понятиями; рассудок – всего лишь со здравым смыслом, расчетливостью.

Словари антонимов [21, 239] указывают на семантическую полярность членов пар *рассудок – сердце*, *разум – чувство*, *разум – безумие*, но не включают оппозицию *разум – рассудок*.

Фразеологический фонд русского языка свидетельствует об отсутствии у чуждых сфере народно-разговорной речи лексем разум и рассудок связанных значений, закрепленных за каким-либо устойчивым комплексом. В систему фразем включена только лексема ум (очень редко встречаются формульная дублетность или взаимозаменяемость вариантов: *набраться ума-разума*; *жить своим / чужим умом / разумом*).

В «Словаре эпитетов» К. Горбачевича и Е. Хабло описываемые понятия не представлены, так как атрибуты при этих абстрактных понятиях встречаются очень редко. Однако, как известно, в художественной речи общезыковая семантика слова трансформируется, расширяется, обогащается за счет появления «приращений», добавочных «обертон» смысла. При этом образную парадигму активнее формируют генитивные метафоры с лексемой *разум*, включающие конкретный по значению метафоризирующий и абстрактный по семантике метафоризируемый компоненты: *лоза разума*, *крылья разума*, *престол разума*, *факел разума*, *солнце разума*, *свеча разума*, *светоч разума*, *светильник разума*, *свет разума*, *луч разума*, *заря разума*. При этом отрицательная

коннотация встречается очень редко (например, *зной разума* у Блока) [11, 453-454].

С учетом указанных обстоятельств, а именно: 1) неоднозначной интерпретации категорий рационального в философской литературе, энциклопедических и лингвистических словарях, 2) способности слов к трансформации узуальной семантики в условиях поэтического контекста – кажется интересным проследить функционирование лексем *рассудок* и *разум* в условиях поэтического дискурса – на материале стихотворных произведений одного из ярких представителей романтической философской лирики XIX века – русской «поэзии мысли» – Е.А. Баратынского, автора психологических и медитативных элегий, который, по замечанию «любомудра» Н.А. Мельгунова, «*возвел личную грусть до общего, философского значения, сделался эгегическим поэтом современного человечества*» [3, 431].

Тайна жизни и смерти, добра и зла, диалектика чувства и разума, законы человеческой судьбы и мироздания, взаимоотношения природы и цивилизации, сущность познания и поэтического творчества, возможность обретения истины – вот что волновало Баратынского, воспитанного на блестящих образцах просветительской мысли, с юности проявлявшего «склонность к умственным занятиям» [3, 130-131] и «искреннюю религиозную любовь к истине» [3, 254]. «*Нам очень нужна философия*» [3. 164], – как-то заметил в одном из своих писем Баратынский, на рубеже 1820-х и 1830-х гг. испытавший влияние шеллингианских идей благодаря знакомству с участниками заседаний московского «Общества любомудрия» (И.В. и П.В. Киреевским, В.Ф. Одоевским, С.П. Шевыревым,

Н.А. Мельгуновым, А.С. Хомяковым и др.²⁹). И еще: «*Всякой писатель мыслит, следственно, всякой писатель, даже без собственного сознания, философ. Пусть же в его творениях отразится собственная его философия, а не чужая... старые образцы могут сбить с толку, и я указываю на современную философию для современных произведений, как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках*» [3, 207].

Мысль, дума, истина, ум, разум, рассудок – важнейшие для Баратынского-философа понятия, о чем свидетельствуют уже сами заглавия его стихотворений: «Мысль», «Мудрецу», «Истина», «Предрассудок» и т.п. При этом, как показывают наблюдения, «поэт мысли» стремится разграничить содержание лексем (и концептов) *разум* и *рассудок*, хотя их поэтическое употребление, конечно же, во многом далековато от строго терминологического, метафизического.

Так, слово *рассудок* чаще используется Баратынским как синоним здравого смысла, рассудительности, рассудочности (в противоположность чувству и сердечным влечениям). Например:

*Узнал ли друга ты? <...>
Уж многих слабостей, тебе знакомых, нет,
Уж многие мечты ему чужими стали!
Рассудок тверже и верней...³⁰
Печаль бесплодную рассудком усмири... (110)
Как миг один рассудок побеждает –
По пальцам все она расскажет вам. (213)*

²⁹ О русском шеллингианстве см.: [28], [29], [12], [13], [20], [23], [27], [33], [34], [37], [38], [39], [40]

³⁰ [2, 58]. Далее страница по этому изданию указывается в скобках за поэтической иллюстрацией.

*Приманкой ласковых речей
Вам не лишитъ меня **рассудка!** (85)
Опасны сердцу ваши взоры... <...>
От власти их, когда возможно,
Спасти **рассудок** я желал. (106)
Я полон сладкою тоской,
Но нет! **рассудка** не забуду... (120)*

Однако поэтический контекст создает условия не только для дифференциации смыслов (что обычно и для нехудожественного текста), но и, напротив, для совмещения, наложения, «мерцания» двух и более семантических оттенков. Так, аппликация, взаимопроникновение значений «здравый смысл» и «способность логически мыслить, рассуждать» обнаруживаются, например, в следующих строках:

*Даете цену вы всему:
Рассудку, шалости, уму... (106)
Бывал обманут сердцем я,
Бывал обманут я **рассудком**... (223)*

Эта достаточно высокая степень «неопределенности» поэтического контекста обуславливает богатые возможности для его множественной, неоднозначной интерпретации вдумчивым читателем. По верному замечанию С. Т. Золяна, «значение текста многозначно. Различные множества пропозиций, описывающие различные множества миров, могут претендовать на то, чтобы считаться значением текста... Случаи, когда тексту может быть приписано только одно «правильное» значение, следует рассматривать лишь как частный случай» [10, 75]. Неоднозначность и «темнота» поэтических текстов – их «структурное свойство»³¹.

³¹ [26, 424]; см. также: [25].

Лексема *разум* чаще употребляется Баратынским в первичном значении ‘высшая степень познавательной деятельности, способность логически мыслить’. При этом автор подчеркивает творческое начало и ценностный характер данного типа рациональности, а также его взаимосвязь со сферой чувств, причастность Божественному Логосу, что дарит мыслящему индивиду ощущение свободы, но неразрывное с моральным сознанием:

*Вотще ей разум дарованья,
И чувств, и мыслей прямота... (163)
Я мыслю, чувствую: для духа нет оков... <...>
И разуму отчет стараюсь в сердце дать! (103)*

Реже в стихотворных произведениях Баратынского встречаем иные лексико-семантические варианты: ‘ум’, ‘индивидуальные умственные способности’:

*Наполни вздохами истерзанную грудь,
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки... (57)
Обширный **разумом** и сильный, громкий
словом... (111)*

В одном из писем М.П. Погодину Баратынский, вполне в духе идей еще XVIII столетия, высказывается о необходимости постройки всего социального здания на рациональных началах: «Главная моя мысль: человечество состоит из человек, следственно, в нем развивается человек. Ход их развития один и тот же. закон его в законе разума человеческого... Изъясняю мысль мою сравнением, ибо более поэт, нежели философ» [3, 131]. В реальности же законы общественного устройства, которые должны быть основаны на принципах *ratio*, согласно идеалам Просвещения, далеки от подлинной гармонии, по мысли лирического героя Баратынского:

*Гляжу на свет и, видя в свете
Свободу глупости и зла,*

*Добра и разума прижимку,
Насильем сверженный закон,
Я слабым сердцем возмущен... (147)*

Баратынского волнуют «вечные» вопросы бытия: способен ли человеческий разум постигнуть суть вещей, законы природ и истории, безграничен ли его потенциал, возможно ли достижение гармонии общественного и индивидуального, макро- и микрокосма на рациональных началах? Так, согласно основной идее стихотворения «Истина», абсолютное знание дается человеку только ценой смерти:

*... некогда обдумывал с роптаньем
Я тяжкий жребий свой,
Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.
«Светильник мой укажет путь ко счастью! –
Вещала. – Захочу –
И страстного отрадному бесстрастью
Тебя я научу...
Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».
Я трепетал, словам ее внимая,
И горестно в ответ
Промолвил ей: о гостыя роковая!
Печален твой привет.
Светильник твой — светильник погребальный
Последних благ моих!
Твой мир, увы! могилы мир печальный,
И страшен для живых...
Прости! иль нет: когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть, и всё, что сердцу мило,*

*Забуть придется мне,
Явись тогда! Раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети:
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти». (105)*

Грандиозная по силе своего воздействия картина разворачивается перед читателем стихотворения «Последняя смерть», которое поражает глубиной и пронизательностью взгляда Баратынского-мыслителя, повествующего о «последней судьбе всего живого», и является своего рода антиутопией, мрачным пророчеством, предостережением романтика, утратившего веру в прогресс цивилизации и возможность установления всеобщей гармонии усилиями «просвещенного» разума.

Открывается стихотворение экспозицией, содержащей характеристику уникального душевного состояния, позволившего лирическому субъекту увидеть будущее. Для Баратынского важно проникнуть в самую суть «откровения» не только как средства, но и предмета познания, точно назвать, определить это «пограничное» состояние между уходом из жизни и возвратом к ней, сознанием и бессознательным, «разумением» и «безумием»:

*Есть бытие; но именов каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем как волны на него
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,*

Он видит свет, другим не откровенный.

*Созданье ли болезненной мечты,
Иль дерзкого ума соображенье,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуясь подобно облакам
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого. (137-138)*

«Аналитический метод, созданный романтиками, - подчеркивает В.И. Хрулев, - выявлял психику в ее контрастах, необычных сочетаниях и внутренних переходах... Романтическая диалектика открыла тончайшие стороны духовного мира человека, проникла в область подсознательного и интуитивного» [35, 35]. Поэт-избранник, пророк, погруженный в глубины своего «я», путем озарения постигает то, что неподвластно разуму, зрению, обычного человека. Творческое сознание, в концепции романтиков, свободно и может выполнять функцию опережающего отражения реальности. Однако поэт ограничен в возможности «перевода» своих прозрений на обыденный язык, отсюда – романтическая ирония, подчеркивающая «невыразимость» истины (вспомним «Невыразимое» В. А. Жуковского) и допускающая иные истолкования, номинации для сущего:

Есть бытие; но именем каким / Его назвать?..

В этом – скрытая диалогичность, «полифонизм» (в терминах М. М. Бахтина) монолога лирического «я» (или диалог «внутри одного сознания» [9, 5-6]), пришедшие на

смену декларативности возводившихся в ранг абсолютной истины суждений поэтов-классицистов.

Воспоминание о древнем Хаосе («отчизне давней»), из которого вышло все живое и неживое, рождающая прозрение стихия бессознательного в размышлениях Баратынского – мотивы, возникшие, несомненно, под влиянием шеллингианских идей. *«Родство стихии и человеческой жизни, - указывает И.М. Семенко, - источник натурфилософского оптимизма... Но Баратынскому в “Последней смерти” его “романтическая мечта”, “виденье”, приносит неутешительные откровения»* [30, 253].

За первыми двумя строфами, посвященными скрупулезному анализу «чудесного», неуловимого мгновения, «ускользающей точки соприкосновения двух миров» [18, 103], развертывается описание видения. Начальная картина его повествует о достижениях «просвещенного» разума, подчинившего себе природные стихии:

*Сначала мир явил мне дивный сад:
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,
Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Всё на земле движением дышало,
Всё на земле как будто ликовало.*

*Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали*

*Ветра, дожди, жары и холода;
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов и в высоте небес
И в бездне вод сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение! (138)*

Итак, победа человеческого разума над природой одержана, но какой ценой! Ценой разрушения естественных связей, законов. Следующий период в истории цивилизации уже не «прельщает», а «смущает» прорицателя, не оправдывая его первоначальных надежд, – достигнутое благо (победа над природными стихиями) вдруг оборачивается злом:

*Прошли века. Яснет очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольных благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всесильным увлекало.*

*Желания земные позабыв,
Чуждаяся их грубого влеченья,
Душевных снов, высоких снов призыв*

*Им заменил другие побужденья,
И в полное владение свое
Фантазия взяла их бытие,
И умственной природе уступила
Телесная природа между них:
Их в Эмпирей и в хаос уносила
Живая мысль на крыльях своих.
Но по земле с трудом они ступали
И браки их бесплодны пребывали. (139)*

Для Шеллинга природа самодостаточна, *«она есть ее собственный продукт – из себя самой организованное и само себя организующее целое»* [36, 130], и только кажется пассивной, но, если затронута ее суть, нарушены законы, она бурно реагирует и может отомстить за отношение к себе только как к объекту использования. Для Баратынского же результаты неумеренно «разумного» воздействия на природу куда более трагичны, причем трагедия эта носит двусторонний характер: человечество, отъединившееся от природы, постепенно деградирует в результате глубокого и неизбежного разрыва между чувством и разумом, вследствие дисгармонии «телесной» и подавляющей ее «умственной» природы. Гипертрофия разума, «фантазии», наслаждение завоеванной свободой от материальных нужд порождают пресыщение, равнодушие, «бездейственную лень», бессилие чувств и желаний.

Третья, заключительная картина, апокалиптическая по своему содержанию, подводит итоги «приводит» к уничтожению всего живого на земле:

*Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? скрывалися в гробах!*

*Как древние столпы на рубежах
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям загдохнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье:
Мне слышалось их гладкое бляенье.*

*И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
Попрежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло;
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло:
Один туман над ней синевя вился
И жертвою очистительной дымился. (139-140)*

Современникам Баратынского его антиутопия показалась «неясной». В.Г. Белинский, назвавший «Последнюю смерть» «апофеозом» всей поэзии Баратынского [5, 475], посчитал между тем это пророчество «великолепной фантазией, и не больше, чем фантазией!». Критикам и читателям XIX века не суждено было постичь всю силу художественной интуиции «поэта мысли». И только в XX столетии, прежде всего в рамках «философии жизни» (Шестов, Хайдеггер, несколько ранее – Кьеркегор, Ницше), была осознана опасность

гипертрофии рационального, в конечном счете способной обернуться «антропологической катастрофой»³².

Этот кризис традиционных рационалистических представлений привел к разрушению образа всегда адекватного самому себе и целесообразного ratio, к пониманию подверженности разума подсознательным импульсам, влечениям, ослеплениям, к осознанию, наконец, того, что человеческая жизнь, как и история, «не суть рациональный процесс, они включают в себя иррациональное как свою сущностную компоненту» [4, 50].

Как показали наши наблюдения, у лексем *рассудок* и *разум*, стилистически нейтральных в общелитературном языке, в поэтическом контексте появляются добавочные оценочные смыслы: разум как высшая способность мышления, связанная с творческим потенциалом личности, получает, как правило, положительный коннотативный ореол; рассудок, наряду с мелиоративной, может получать пейоративную или же шутливо-ироническую коннотацию. Эти дополнительные оценочные семы воспринимаются читателем на фоне достаточно широкого контекста (ср., например, интерпретацию строки «Вот разума великолепный пир!», взятой изолированно и по прочтении антиутопии «Последняя смерть»), иногда целого произведения или всего творчества автора, так как слова *разум* и *рассудок* употребляются Баратынским и другими поэтами, как правило, без зависимых компонентов [7, 148-151] (оценочных атрибутов-прилагательных, притяжательных местоимений, генитивных форм), за редким исключением: *мой разум* (105), *разум дарованья* (163). Лишь однажды у Баратынского слово рассудок сопровождается качественными адъективами,

³² Об антропологической катастрофе см.: [22].

выступающими в функции предиката: *Рассудок тверже и верней* (58).

Итак, хотя в стихотворениях Баратынского спектр значений лексем *разум* и *рассудок* не выходит за границы общезыкового, системного, декларация поэта «Философия...» все же не кажется преувеличенной, самонадеянной: не употребляя эти категории в соответствии с той или иной философской традицией, не противопоставляя их как две разные формы мышления, а подчас сливая их воедино, Баратынский обнаруживает воистину философскую прозорливость в противопоставлении рационального как такового, с одной стороны, и природного, жизненного, чувственного, исторического – с другой, предвосхищая тем самым откровения позднейшей иррационалистической философии.

Литература

1. Автономова, В.А. Рассудок, разум, рациональность / АН СССР, Институт философии; отв. ред. В.А. Лекторский. - Москва: Наука, 1988. – 286 с.
2. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1987. 480 с.
4. Барчугов А.П. Противоречие и рациональность: (Логико-методол. и социал.-антропол. анализ) : Очерки теории. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. 120 с.
5. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 6. Статьи и рецензии: 1842-1843 / ред. Б.И. Бурсов. - 1955. - 799 с.
6. Булычев И.И. РАЗУМ И РАССУДОК: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ПРОБЛЕМУ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1999. № 3 (15). С. 64-70;
7. Васильев Н.Л. Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского [Текст] / Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин. - 2-е издание, стереотипное. - Москва: ФЛИНТА, 2017. - 156 с.
8. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло. - Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1979. - 567 с.

9. Гурвич И.А. О развитии художественного мышления в русской литературе (конец XVIII – первая половина XIX в.) / А. Гурвич; М-во просвещения УзССР, Респ. пед. ин-т рус. яз. и лит. - Ташкент: Фан, 1987. – 118 с.

10. Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2014. 336 с.

11. Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии [Текст]: образный арсенал русской лирики конца XVIII - начала XX в. / [Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова]. - Москва: АСТ: Астрель: Русские словари: Транзиткнига, 2004. - 667 с.

12. Каменский З.А. Московский кружок Любомудров / З.А. Каменский; АН СССР, Институт философии. - Москва: Наука, 1980. - 327 с.

13. Каменский, З.А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг./ З.А. Каменский. М.: Наука, 1980. - 325 с.

14. Касавин, И.Т. Рациональность в познании и практике: критич. очерк / И.Д. Касавин, З.А. Сокулер; отв. ред. В.А. Лекторский; АН СССР, Институт философии. - Москва: Наука, 1989. - 191 с.

15. Колесов В.В. Концепты Рассудок, Разум, Ум и Мудрость в поле русского сознания // Гуманитарный вектор. Сер. Филология. Востоковедение. 2016. Т. 11. № 3. С. 75-86.

16. Кошлаков Д.М. РАССУДОК И РАЗУМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ // Философия и общество. 2013. № 1 (69). С. 146-158.

17. Кротикова Т.И. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ ИММАНУИЛА КАНТА: РАССУДОК И РАЗУМ // Омский научный вестник. 2008. № 2 (66). С. 66-68

18. Лебедев Е. Тризна: Книга о Е. Боратынском. М.: Современник, 1985. 301 с.

19. Леонов В. ПОНЯТИЯ "УМ", "РАЗУМ", "РАССУДОК" В СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2011. № 3. С. 31-40;

20. Липич Т.И. Русское романтическое шеллингианство первой половины XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 8. С. 134-137.

21. Львов М. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. - 4-е изд., стер. - М. : Рус. яз., 1988. - 380 с.

22. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 107-121.
23. Мюллер Э. И.В.Киреевский и немецкая философия // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 114-129.
24. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. - М. : Шк. "Языки рус. культуры" : Кошелев, 1997. - 511 с.
25. Перцов Н.В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 55–82.
26. Ревзина О.Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 418–433.
27. Резвых П.Ф. В.Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 141-195.
28. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. / П.Н. Сакулин, Т. 1. Ч. 1. - Москва: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. - VI, 616 с.;
29. Сахаров В.И. О бытовании шеллингианских идей в русской литературе // Контекст: 1977. М., 1978. С. 210-226 .
30. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М.: Худ. лит., 1970. 295 с.
31. Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. Т. 12. М., 1961.
32. Соколов А.С. Пути разума: социально-антропологические аспекты типологии рациональности. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. 47 с.
33. Филатова О.В. О русском шеллингианстве (проблема заимствования философской системы) // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 4. С. 33-38.
34. Философия Шеллинга в России / отв. ред. В.Ф. Пустарнаков. СПб.: РХГИ, 1998. 528 с.
35. Хрулев В.И. Романтизм как тип художественного мышления / В. И. Хрулев. - Уфа : Изд-во БГУ, 1985. - 80 с.
36. Шеллинг Ф. Первый набросок системы натурфилософии для лекций (1799) // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1973. № 1. С. 128-133.
37. Rezvykh P.V. Die Rezeption der Philosophie Schellings in Russland // Philosophisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. 2.Halbband. Freiburg: Karl Aber Verlag, 2003. P. 347-358.

38. Setschkareff V. Schellings Einfluss in der russischen Literatur der 20er und 30er Jahre des XIX. Jahrhunderts // Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin / Hrsg. v. Max Vasmer. Leipzig: Harrassowitz, 1939. VI, 106 S.

39. Schellings Anfang in Russland / Sigrun Bielfeldt. - München : Sagner, 2008. - 459 с.

40. Schelling und Russland: Philosophie in überregionalen Netzwerken. // Academia Aktuell. Zeitschrift der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 2007, № 1. S. 22-24.

ДЕАНТРОПОНИМНЫЕ НЕОГЛАГОЛЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ

Пристайко Тамара Степановна,
доктор филологических наук, профессор
(г. Днепр, Украина)

Аннотация. На материале интернет-коммуникации проведен комплексный анализ глаголов, мотивированных собственными именами общественно-политических деятелей. Выявлены источники и причины появления антропонимных глаголов, обозначены их функции и способы образования. Показано, что значение неоглаголов корректируется дискурсивно-прагматическими установками носителя языка, в связи с чем содержание глагольной номинации окончательно формируется конкретным речевым контекстом.

Ключевые слова: *деантропонимные глаголы-неологизмы, интернет-коммуникация, языковая рефлексия, словообразование, семантика.*

DEANTHROPONYMOUS NEO-VERBS IN THE RUSSIAN- LANGUAGE INTERNET COMMUNICATION

Summary. A comprehensive analysis of verbs motivated by the proper names of public and political figures, based on the material of Internet communication, was carried out. The sources and reasons for the appearance of items, which are based upon anthroponymic verbs, are revealed, their functions and methods of formation are indicated. It is shown that the meaning of neo-verbs is corrected by the discursive and pragmatic attitudes of a native speaker, that is why the content of the verb nomination is finally formed by a specific speech context.

Key words: *deanthroponymic verbs-neologisms, Internet communication, lingual reflection, word formation, semantics.*

Постановка проблемы. Глаголы-неологизмы, мотивированные антропонимами, занимают особое место среди деонимной неолексикой русского языка и неоднозначно оцениваются лингвистами. В частности, существует мнение, что славянским, в том числе и русскому, языкам такие образования не свойственны. Так, чешские лингвисты Я. Грегор и В. Томашкова, проанализировав новообразования *merkeln* и *Merkelism* в политическом дискурсе разных языков, пришли к выводу о том, что, в отличие от немецкого и французского языков, глаголы-деонимы для славянских языков не характерны [5, 1161]. Ученые пишут: *«Привлекает внимание тот факт, что для французского языка естественно появление таких новых слов, как berlusconiser, clintoniser, sarkozyser, и routiniser, а для немецкого – merkeln, obamieren, putinisieren, в то время как в русском деонимов-глаголов, образованных от имен политиков, практически нет. Единственным употребляемым деонимом в русском языке является глагол путинизировать: Барак пытается “путинизировать” свой имидж (Иносми.ру, 2009); В Европарламенте Польшу обвинили в попытках “путинизировать” политику ЕС (Вести.юа, 2016)»* [5, 1164].

Отсутствие глаголов в деонимном разряде лексики русского языка, по мнению ученых, «имеет лингвокультурную природу – русскому менталитету не свойственно воспринимать политика по характерным действиям, поведенческому стереотипу. Он воспринимает политика как явление», что приводит к появлению суффиксальных субстантивов на -щин(а), -изм и т. д. [5, 1165].

Не отрицая преобладания в кругу деонимной лексики имен, в первую очередь, существительных, мы на основании собранного нами фактического материала, а также анализа ряда научных публикаций ученых считаем вывод чешских лингвистов не вполне правомерным. Прежде всего отметим, что русские деонимные глаголы в качестве анализируемого материала, правда, чаще всего иллюстративного характера, неоднократно попадали в орбиту внимания лингвистов, занимающихся отантропонимным словообразованием и проблемами неологии. Так, в книге «Русский язык конца XX столетия» приводится контекст из СМИ конца прошлого века, включающий глаголы, мотивированные фамилиями российских политиков того времени: *бурбулить* (от Бурбулис), *гайдарить* (от Гайдар), *чубайсить* (от Чубайс) и *шахраить* (от Шахрай) [14, 423]. В этом же источнике анализируется глагол *рерихнуться* («свихнуться, помешаться на Рерихе»), образованный путем контаминации (наложения) фамилии художника Николая Рериха и глагола *рехнуться* [14, 136]. М. Кронгауз отмечает глагол *емелить* (от личного имени Емеля, созвучного с английским e-mail: посылать электронную почту) [9, 21], а Н. С. Валгина упоминает в качестве примера деонимного окказионализма глагол *обгайдарить* (от фамилии политического деятеля Е. Гайдара) [2, 152]. В статье В. Е. Замальдинова наряду с другими новообразованиями рассматриваются глаголы *трампить*, *меркелить*, *эрдоганить* [7]; в работе М. А. Чигашевой упоминаются глаголы *псакнуть* (от фамилии Джен Псаки – бывшей представительницы Госдепартамента США) и *депардировать* (от фамилии французского актера Жерара Депардьё, получившего российское гражданство) [15, 56]. В статьях А. В. Шевченко [16], И. Т. Вепревой [3] и В. И. Анисимкова [1], посвященных деонимным производным, мотивированным фамилией 45-го

президента США Дональда Трампа, приводятся глаголы *трампануть, трампировать, трамповать, утрамповать, трампить, потрампить, оттрампить*, к которым мы можем добавить неоглаголы из нашей выборки: *затрампить, перетрампить, трампнуться, трампиться, обтрампиться, вытрампиться, затрампиться*. Во многие электронные словари вошли лексемы *ванговать* ('предсказывать, предугадывать, предвещать', от имени слепой болгарской пророчицы Ванги; обычно употребляется в ироническом контексте) и *петросянить* ('тупо, неуместно шутить, идиотничать'. Слово произошло от фамилии российского пародиста Евгения Петросяна, известного своей оригинальной манерой поведения и выступления, а также тем, что его шутки по большей части не слишком смешны и удачны [12]).

Очевидно, что предложенный обзор может быть пополнен не попавшими в него данными из других научных и лексикографических источников, однако уже он позволяет говорить о довольно активном продуцировании деантропонимной глагольной неолексикки в русском языке. При этом нельзя отрицать, что на сегодня еще нет достаточно полного и системного исследования рассматриваемого лексического пласта. Именно это обстоятельство и послужило основанием для написания данной статьи, продолжающей наши исследования в этой области [13].

Объект и задачи исследования. Объектом исследования, таким образом, являются деантропонимные неоглаголы, функционирующие в русском языке последнего времени. Наша выборка, составленная в основном по материалам интернет-страниц разного рода (электронные СМИ, аналитико-новостные сайты, комментарии к новостным материалам, форумы, блоги и т. д.), а также упомянутых выше научных публикаций

лингвистов, включает около 170 глаголов, образованных от антропонимов – имен и фамилий известных политиков, общественных деятелей, артистов, спортсменов и др.

В задачи исследования входит анализ деантропонимных глаголов с точки зрения: а) источника и факторов появления; б) функции; в) способа образования; в) семантики.

Изложение основного материала. По источнику, точнее причине, своего появления деантропонимные глаголы можно разделить как минимум на три подгруппы:

1) созданные авторами информационно-аналитических и другого рода интернет-материалов или Интернет-СМИ для оценки или характеристики какого-либо аспекта деятельности политика;

2) созданные читателями в комментариях-реакциях на те или иные интернет-публикации;

3) спродуцированные в рамках языковой игры как отклик на предложение поучаствовать в языковом сотворчестве.

Предложенное нам деление отражает сложившийся в научной литературе взгляды на окказиональное словообразование, которое одними лингвистами рассматривается как проявление языковой креативности, фактор неогенеза (см., например: [8]), а другими как проявление «карнавализации языка», стремление представить всю социальную действительность через призму игры, несерьезности (см. об этом: [10]).

Очевидно, что фактор языковой игры имеет место во всех отмеченных выше случаях порождения глагольной неолексемы, по крайней мере, на исходной стадии ее функционирования, поскольку появление практически всех деантропонимных неоглаголов так или иначе связано с креативным словотворчеством, к которому прибегают в целях экспрессии, убеждения, воздействия на потенциального адресата. Продуцирование неологизмов,

по мнению Л. Ю. Касьяновой, *«изначально стимулируется когнитивно-речевой прагматикой. В составе каждого конструктивного узла возникновение нового слова воспринимается как антропоцентрически ориентированный механизм, имеющий свое особое предназначение: обслуживать и выразить коммуникативно-прагматические намерения коммуникантов – номинативные, экспрессивные и образно-оценочные»* [8]. Воплощая подобные намерения, отантропонимные глаголы-неологизмы, функционирующие в языке электронной коммуникации, могут выполнять несколько функций одновременно: номинативную (называть новые действия), кумулятивную (сохранять или увеличивать объем передаваемой информации при экономии материальной формы выражения), экспрессивную (оказывать эмоциональное воздействие на читателя) и перлокутивную (воздействовать на адресата) (см. об этом: [6, 58]).

В неоглаголах первой подгруппы, созданных авторами информационно-аналитических и другого рода интернет-материалов с оценочно-характеризующей целью, в большей степени реализуются номинативная, кумулятивная и перлокутивная функции, в меньшей – экспрессивная. Например: *«Фургал, фургалю и буду фургалить. Фамилия опального губернатора Хабаровского края превратилась в глагол. Слово “фургалить” – протестовать, митинговать, выходить на несанкционированные уличные акции – признали словом недели 76 % слушателей, голосовавших в программе “Говорим по-русски”. А в соцсетях даже появился “Словарь Хабаровского края”, согласно которому “зафургалить” – арестовать, <...> “отфургалить” – проскандировать позор кому-либо»* (<https://echo.msk.ru/blog/govorimporusski/2682515-echo/>).

В неологизмах второй и третьей подгрупп на первый план выходит экспрессивная функция. В этом случае языковая игра может приобретать и гиперболизированную форму – форму карнавализации языка, идею которой впервые высказал М. М. Бахтин (см. об этом: [10, 28]). В аспекте анализируемого материала можно говорить о двух формах или типах проявления такой карнавализации.

В первом случае словообразовательная игра служит не столько достижению коммуникативной цели – отреагировать на актуальные политические события и процессы, емко и выразительно продемонстрировать свое отношение к этим событиям, тем или иным поступкам политиков и общественных деятелей, сколько предстает как средство суггестии и скрытого манипулирования. Основным аргументом в таком случае становятся «не рациональные доводы, а сам способ номинации» [1, 39]. Показательным примером такого типа новообразований могут послужить упомянутые выше неоглаголы, производные от фамилии Дональда Трампа, в которых реализуется семантика «поступать как Трамп», «вести себя как Трамп», «быть похожим на Трампа». Интернет-пользователи отреагировали на подобные производные показательными замечаниями: *«Возможно, и вместо “троллить” мы скоро будем говорить “трампить”.* *Иными словами, мир ожидает трампоморфоза: нужно как-то подстраиваться под Трампа, приспособливаться к Трампу»* (<https://www.apn.ru/index.php?newsid=35904>); *«Учитесь бахвалиться (может ввести термин - “трампиться по фейсбуку” ТПФ)»* (<http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=37& PubID=44742>).

Многочисленность отыменных производных (в известных нам статьях ученых упоминается более 120 неологизмов с корнем *трамп* [1; 3; 13; 16]), обусловленная, с одной стороны, яркой личностью политика и неоднозначностью его деятельности на внутренней и

международной аренах, а с другой – фонетическими и структурными особенностями самой фамилии *Трамп*, свидетельствует о том, что языковая игра из действенного аксиологического средства превращается в самоцель, средство скрытого воздействия на читателя.

Языковая игра как форма карнавализации второго типа наблюдается в третьей подгруппе деонимных глаголов, а именно: неоглаголов, специально созданных, придуманных как отклик на ключевое новое слово или предложение поучаствовать в языковом сотворчестве. В этом случае продуцирование новых слов тоже является самоцелью, однако это, чаще всего, демонстрация креативных возможностей языка его носителями, которые сознательно создают новые глаголы, сопровождая их своими толкованиями или контекстами, позволяющими уловить семантико-стилистический смысл новообразования. Например, в 2015 году на одном из сайтов появилась следующая информация с заголовком «Фамилия Меркель стала синонимом бездействия в лексиконе немецкой молодежи»: *Новый глагол merkeln, который пополнил речевой запас молодежи Германии в этом году, образован от фамилии канцлера страны Ангелы Меркель и обозначает «ничего не делать, уклоняться от ответов и откладывать решения на потом», говорится в немецком издании словарей Langenscheidt. На русский язык новое слово можно перевести приблизительно как «косить под Меркель», «меркельничать» или «меркелить». В ответ на неё в комментариях появился целый ряд деонимных глаголов, мотивированных фамилиями известных лиц: **проОлландить** договор, **насаркозить** бабля, **наобамить** Нобеля, **подобострастно грибаускайтить** шпрот, **Вы не ахиджакнулись** часом, не?, **покликковать** с асфальтом, **сколомойшить** нефть, **саакашвилить** галстук,*

неОбамьте бабушку, *набиулить* экономику
(<https://aftershock.news/?q=node/325195&full>).

Игру с деонимными глаголами прекрасно демонстрирует страничка форума «Забавные неологизмы»: 1-й участник: *Мне нравятся современные слова, но не те, которые из английского пришли. Как вам такая подборка глаголов: ванговать – колдовать, гадать; петросянить – шутить, смешить; джамшутить – что-то делать из ремонта (возможно в первый раз). 2-й: Да, вангую, навангую – уже прям в обиходе. 3-й: киселить – брехать направо и налево; зюганить – хмурить бровки; миронить – морщить лобик; шойговать – с пафосом носить несвойственную форму одежды; медведить – со специфическим наигранным акцентом делать вид, что говоришь умные вещи. 4-й: Едем дальше. Кличковать, пороховать, фарионить, кианить.* В расшифровках не нуждаются

(http://forums.kuban.ru/f1153/zabavnye_neologizmy-8964210.html). В следующем контексте обыгрываются все составляющие собственного имени действующего президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана: *Короче, если долго эрдоганиться, то могут и зареджепить, а кому это затаипиться?* (<https://qna.center/question/3002035?ref=simq>), а в контексте *Предлагаю теперь не флудить, а флойдить в комментах...* (<https://www.twaku.com/nocirpel>), как и в приведенном выше примере с глаголами *троллить – трампить*, реализуется паронимическая игра, построенная на созвучии глаголов.

Мы усматриваем в преднамеренном продуцировании окказиональных глаголов всех подгрупп проявление так называемой массовой рефлексии носителей языка, которая воплощается в различных формах обыгрывания в речи тех или иных единиц языка [4; 11, 71; 13]. При этом носители языка зачастую стремятся сопроводить предложенную

номинацию своим толкованием, проясняющим их оценку личности того или иного деятеля. К приведенным выше контекстам добавим еще несколько ярких иллюстраций из соцсетей: *замихеить* – присвоить с десятков миллиардов (в смысле последовать примеру бывшего депутата О. Михеева) (<http://vdvgazeta.ru/news/folknews/ne-psaknut-tak-zatrampit-51514>); *кимченирить* – заставить рыдать, *саакашвилиить* – закусывать галстуком, *кадырничать* – просить денег на развитие местной армии, шашлык и бальные танцы, *сердюковать* – отдать честь табуретке; *чурковать* – манипулировать голосами на выборах; *собчачить* – грязно ругаться; *лукашенствовать* – бежать впереди трактора, делать глупости (<https://www.proza.ru/2013/06/07/1626>). Еще одним своеобразным примером отатропонимного глагольного словотворчества может служить реакция российских журналистов на новый глагол *to kerzhakov*, который придумал и ввел в обиход комментатор газеты The Guardian во время онлайн-матча Италия – Англия на Евро-2012. Всецело приветствуя почин британских журналистов, сотрудники интернет-издания «Лента.ру» предложили читателям еще несколько десятков неологизмов с толкованиями, например: *Абрамовничать* (*to abramovich*) – не бриться несколько дней. Пример использования: «Пошли с друзьями в поход, так я всю водную часть абрамовничал, а как только вышли на сушу, все-таки побрился»; *Волочковить* (*to volochkova*) – выкладывать обнаженку в интернет. «Я вчера заглянула ВКонтакте моей дочери и чуть не упала в обморок: она там волочковит!»; *Ельцинять* (*to eltsyn*) – отплясывать в нетрезвом состоянии. «Ох, я вчера на свадьбе у Филиппа схватил свои триста, а потом ельцинял до упаду»; *Жириновничать* (*to zhirinovsky*) – предлагать президенту США вместе нанести ракетный удар по какой-нибудь

маленькой стране. «Вчера новости смотрел, так эта Меркель все жириновничает. Что-то они там с Америкой мутят, ой мутят»; **Зюганить** (to ziganov) – выступить демонстративно против, но в итоге уступить. «В кафешке Ленка всю зюганила, но после кино согласилась остаться у Кости» и др. (<https://www.rzn.info/news/2012/6/27/>).

Производные неоглаголы от антропонимов образуются в русском языке в основном суффиксальным способом с помощью суффиксов **-и-** (путинить, петросянить, меркелить, саакашвилить, тэтчерить, флойдить, хакамадить, эрдоганить), **-а-** (псакать (Дженнифер Псаки, бывший представитель Госдепартамента США), ахеджакать), **-ова-/-ирова-/-изирова-** (шойговать, ванговать, депардировать, путинизировать, лукашенизировать), **-ну-** (псакнуть, ахеджакнуть), **-нича-** (меркельничать, обамничать, кадырничать), **-ствова-** (лукашенствовать).

Многие из этих глаголов становятся производящими для префиксальных образований: замихеить, затрампить, заэрдоганить, наобамить, напсакать, наэрдоганить, обгайдарить, отmanoфортить, оттрампить, отэрдоганить, перетрампить, пованговать, покличковать, пофлойдить, пронемцовить, проОлландить (Франсуа Олланд, бывший президент Франции), поэрдоганить и др.

Участвуют в образовании неолексем и такие способы, как постфиксальный: ахеджакнуться, медведиться, обамиться, псакаться, путинизироваться, путиться, лукашенизироваться, эрдоганиться и др.; префиксально-суффиксальный: зафуксячить (П. Фукс, спонсор украинской партии «Народный фронт»), префиксально-суффиксально-постфиксальный: изурсулячиться (С. Урсуляк, режиссер фильма «Одесский пароход»); проДудиться (А. Дуда, президент Польши),

отБушиться (Дж. Буш, 43-й президент Америки). Постфиксальные глаголы в свою очередь становятся производящими для многих префиксальных окказионализмов: *пообамиться, проОбамиться, заэрдоганиться, доэрдоганиться, наэрдоганиться, отэрдоганиться* и др.

В нашем материале отмечены единичные неоглаголы, образованные разными способами сложения: *Украина сЮщенкоЯнуковилась* (В. Ющенко и В. Янукович, бывшие президенты Украины) (<https://legarhan.livejournal.com/2302191.html>);

медвенутить – *ездить с мигалками* (от фамилий бывшего и действующего президентов РФ Д. Медведева и В. Путина) (<https://www.proza.ru/2013/06/07/1626>).

На семантику рассматриваемых неолексем влияет не только словообразовательная модель, по которой они созданы, но и ряд других факторов, обусловленных в первую очередь дискурсивно-прагматическими установками носителя языка, а также объемом его фоновых знаний о той или другой личности, фамилия или имя которой положены в основу новой номинации.

Средой, проявляющей намерения говорящего и обусловленные ими семантические особенности отатропонимного глагола, является контекст. Контекст позволяет уточнить, какой именно признак или действие, связанные с политиком или общественным деятелем, привлекли внимание носителя языка и стали исходными для создания неоглагола. Несмотря на разнообразие рефлексивных стимулов, лежащих в основе появления конкретной неолексемы, можно выделить несколько подгрупп окказиональных деантропонимных глаголов, образованных в основном от фамилий глав государств по разным словообразовательным моделям и объединенных общей семантикой, а именно:

1. Глаголы, имеющие значение «проводить политику, связанную с именем бывшего или действующего президента страны; вести себя как тот или иной политик или общественный деятель»: *клинтить*, *обамиться*, *эрдоганить*, *путинизироваться*, *лукашенизироваться* и др., ср.: *И понадобился кто-то, кто сможет снова сделать Америку великой, вернёт уважение. Всё узнали Трампа? Отсюда ещё вывод: США поумнели и ни «бушевать», ни «клинтить», ни «обамиться» больше не могут — слишком дорого обходится* (<https://newsland.com/community/politic/content/5689225>); *Эрдоган, прекрати эрдоганить свой народ* (<https://www.business-gazeta.ru/news/317218>).

2. Неоглаголы с семантикой «делать плохо, поступать двулично», мотивированные фамилией политика, чья деятельность оценивается негативно: *трампить*, *обамиться*, *эрдоганить*, *наэрдоганить* и др., ср.: *Скоро термин появится – обамиться – делать коряво, тупо, не подумав. Примеры: Ну ты и наобамил! (Сделал плохо, опозорился). Обамистый ты наш! (Туповат, делающий невпопад, не попадающий в лунку)* (<https://www.yaplakal.com/forum1/st/50/topic761665.html>); *Буи уже отБуишлся, сейчас Обамиться будет* (otvet.mail.ru); *Когда в будущем ещё кто-нибудь начнёт аналогичные нелепые метания и взаимоисключающие вопли, он вполне может услышать в ответ: «Ну что ты тут эрдоганишь?»* (<https://kak2z.ru/index.php?topic=259817.0>); *Онлайн-ресурс «Живой словарь великорусского языка» на этой неделе пополнился новым глаголом. Он обозначает «напакостить», «отомстить неясно за что», «сделать пакость себе во вред», «подло ударить в спину». Догадались? Верно: «наэрдоганить»* (<http://antibash.org.ua/37328>).

3. Неолексемы, мотивированные собственными именами свергнутых глав государств и обозначающие «отстранить/попытаться отстранить действующего правителя незаконным способом», ср.: *Это прямое свидетельство того что пришел черед и Турции идти на заклятие. А потому ничего существенного от США НАТО там не должно оставаться. Как Ирак отхусейнили, Ливию откадафили, Египет отмубаракили, Сирию асадили, теперь Турцию черед отэрдоганить* (<https://legarhan.livejournal.com/1885738.html>); *А по сути, идёт нормальная эволюция социума, революция невозможна, низы ещё могут терпеть, а вот заговоры вполне возможны, сама же свита из-за успехов в Сирии может отэрдоганить...* (<https://newsland.com/user/4297770699/content/oleg-panfilov-kreml-v-otchaianii/4925069>); *Интересно, отвалится ли курдам в итоге собственное государство? По идее, это было бы справедливо, особенно, если с выходом к морю. А Тайип до-Эрдоганится. Организует ему новая коалиция бесполетную зону на юге Турции!* (<https://desktop.aftershock.news/?q=node/337276>).

4. Глаголы со значением «митинговать, протестовать, вызывать беспорядки», мотивированные фамилией того, в защиту кого проводятся несанкционированные выступления: *фургалить, флойдить, пофлойдить* и др., ср.: *Флойдят уже который месяц, а наши фургалята только начали фургалить в ХБ* (<den777nys.ukup.info>); *Тут есть два варианта: вернуть Аляску ... и дать нам отстроить и тоннель, и скоростную магистраль до Юкона, а второй проще – опустить население Штатов до нашего уровня и отстроить самим – как в годы Великой Депрессии или после Гражданской войны. Если будут продолжать «флойдить», то, видимо, так и будет: «На свободу – с чистой совестью: пофлойдил –*

будь любезен отработать на магистрали» (<https://cts3402.livejournal.com/332418.html>).

Естественно, что большинство отатропонимных неоглаголов, мотивированных собственными именами известных политиков и общественных деятелей, многозначны, характеризуются уникальными речевыми значениями, свойственными только определенному контексту. Например, после победы на выборах в 2016 г. Дональда Трампа в сети появился глагол *трампиться*, который употреблялся в безличной форме в значении «произойти, случиться»: *Что-то трапилось. Обзор событий за 7–13 ноября* (<https://www.unn.com.ua/ru/publication/1618415>); *Что ТРАМПится с Америкой. Мнения экспертов и политиков разделились* (<https://fakty.com.ua/ru/videos/>); *Напомним, что соцсети были шокированы победой кандидата от Республиканской партии на выборах в США. «Что-то ТРАМПилось», – реагировали пользователи* (https://strength-mind.blogspot.com/2016/11/blog-post_534.html). Неоглагол *фургалить* фиксируется в сети и в значении «пойти из братвы во власть и быть арестованным за старые дела» (<https://ru.telegram.one/glavmedia/47928>).

При функционировании отатропонимного производного может происходить расширение его значения. Покажем это на примере глагола *ахеджакнуть*, образованного от фамилии актрисы Лии Ахеджаковой, которая в июле 2014 г. выступила с публичным покаянием от лица русского народа за сбитый пассажирский авиалайнера, при том, что виновники трагедии не были однозначно установлены. Глагол первоначально вошел в употребление с такими толкованиями пользователей сети: *«Ахеджакнуть – глагол, означает "извиниться, как Лия Ахеджакова, потому что она сама везде не успеет"; Ахеджакнуло – производное от "торкнуло" – состояние*

интеллекта-гуманитария, в котором постоянно хочется извиняться за что-либо от имени всех русских» (<http://ahedzhaknulo.ru/>); «Глагол “**Ахеджакнуть**” означает просить прощения в стиле Ахеджаковой за какую-нибудь мерзость, сделанную кем-то, но обязательно от имени русских» (<https://proza.ru/2019/01/12/359>). Однако в Википедии он фиксируется уже в расширенном значении «принести слёзные, душещипательные извинения за что-либо, что не требует извинений или к чему извиняющийся не имеет никакого отношения» и сопровождается следующими иллюстрациями: *У тебя прощения, что ли, надо попросить, ахеджакнуть, так сказать? Ну не мог я пройти мимо этой исторической даты, решил ахеджакнуть польских братьев...; Член Общественной Палаты призывает Звягинцева на коленях просить прощения у русского народа. // Приговор Звягинцеву: ахеджакнуть!* (<https://ru.wiktionary.org/wiki>).

Рассмотренные нами контексты еще раз наглядно подтверждают мнение многих ученых о формировании у деонимных глаголов, образованных от собственных имен представителей общественно-политической элиты, преимущественно негативных, отрицательных коннотаций, обусловленных, в свою очередь, имиджем конкретной личности, сложившимся в современном обществе.

Необходимо также подчеркнуть, что многие из подобных образований появляются на короткий период времени и существуют, по выражению Е. А. Земской, «подобно взрыву или вспышке» [14, 92]. Но, отразив текущий момент социально-политической жизни, такие слова уходят в небытие, как только тот или иной политик или общественный деятель сходит с общественно-политической арены, а связанные с ним событие теряет свою актуальность. В частности, в ряду многих почти или

уже канувших в лету деонимических глаголов можно назвать *чубайсить*, *гайдарить*, *депардировать*, *псакнуть*, *отманофортить*, *саркозить* и др., значение которых без соответствующих объяснений уже непонятно большинству читателей [13]. Конечно, у отантропонимного глагола может быть и другая судьба. Так, Вячеслав Ледовский в публикации, посвященной Ахеджаковой, пишет по поводу глагола *ахеджакнуть*: «...Все, что и удалось Ахеджаковой, так это на долгие годы, а может, и века, «обогащить» русский язык новым понятием. Вот умрет она, забудут, кто такая, кем была – а слово останется. Подобно тому, как никто не помнит, кто такой был Бойкот, Хулиганы и те де. Но что это означает – знают все» (<https://proza.ru/2019/01/12/359>). Мы можем только предположить, что главным судьей в этом случае, как и во многих других, будет только время.

Выводы:

1. Отантропонимные глаголы появляются вследствие сознательного языкового творчества а) авторов информационно-аналитических и другого рода интернет-материалов или Интернет-СМИ для характеристики деятельности какого-либо общественно-политического деятеля; б) читателей, реагирующих в комментариях на интернет-публикации; в) участников форумов, посвященных языковым играм.

2. Рассмотренные глаголы, функционируя в языке интернет-коммуникации, совмещают в разных пропорциях номинативную, кумулятивную, экспрессивную и перлокутивную функции. Во всех случаях употребления такие глаголы, будучи быстрой выразительной реакцией не только журналистов, но и обычных пользователей на актуальные общественно-политические события и процессы, отражают массовую рефлекссию носителей языка на происходящее в мире и жизни общества.

3. Деантропонимные глагольные лексемы наиболее активно образуются при помощи суффиксации. Суффиксальные образования наряду с образованными от них постфиксальными глаголами становятся исходными для многих префиксальных номинаций. В единичных случаях используются префиксально-суффиксальный и префиксально-суффиксально-постфиксальный способы.

4. Значение отатропонимных неоглаголов, заданное исходной словообразовательной моделью, в значительной мере корректируется дискурсивно-прагматическими установками носителя языка, его фоновыми знаниями о том или ином общественно-политическом деятеле или событии, связанном с ним, в связи с чем содержание глагольной номинации окончательно формируется конкретным речевым контекстом и может носить уникальный характер. В то же время возможно обобщение семантики глагольных неолексем, принадлежащим различным словообразовательным моделям, позволяющее выделить в кругу анализируемых единиц несколько семантических подгрупп.

В заключение отметим, что в современной речевой практике, представленной, в первую очередь, интернет-коммуникацией, отатропонимные глаголы-неологизмы рефлексивного характера становятся скорее обыденным, чем исключительным явлением, что создает перспективу для их дальнейшего описания. Продолжение исследования глаголов, мотивированных собственными именами представителей современной общественно-политической элиты, видится в углубленном изучении семантико-словообразовательных особенностей таких образований.

Литература

1. Анисимков М. И. Неолексемы и неофраземы современного русского языка, мотивированные именем собственным Дональд Трамп: общая характеристика / М. И. Анисимков // Актуальные

вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VIII Международной научной конференции молодых ученых (8 февраля 2019 г.). Ч. 1: Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2019. С. 38–46. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/72877/1/978-5-8295-0636-0_1_06.pdf (дата вхождения 05.02.2020).

2.Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. Москва: Логос, 2001. 304 с.

3.Вепрева И. Т. Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: тезисы докл. междунар. науч. конф. (14–16 марта 2018 г.). Москва, 2018. С. 16–19.

4.Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. 380 с.

5.Грегор Ян, Томашкова Элена. Как назвать Ангелу Меркель: Неологизмы немецкого политического дискурса в иноязычных СМИ. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/66030/1/qg_4_2018_16.pdf. DOI 10.15826/qg.2018.4.352 (дата вхождения 30.01.2020).

6.Доманский Д. Е. Многозначность глаголов, образованных на базе фамилий известных политических деятелей. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_4-2_14.pdf (дата вхождения 05.02.2020).

7.Замальдинов В. Е. Суффиксальные модели антропонимов в политическом словотворчестве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suffiksalye-modeli-antropnimov-v-politicheskom-slovotvorchestve> (дата вхождения 10.02.2020)

8.Касьянова Л. Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации конца XX – начала XXI века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Астрахань, 2009. URL: <http://www.dissers.ru/2filologiya/kognitivno-diskursivnie-problemi-neologizacii-russkom-yazike-konca-hh-nachala-hhi-veka-specialnost-10-02-01-russkiy.php> (дата вхождения 15.04.2020)

9.Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Знак: Языки славянских культур, 2007. 232 с.

10. Крылова М.Н. Процесс «карнавализации» русского языка и сравнительные конструкции. *Концепт*: научно-метод. электронный журнал. 2016. Т. 23. С. 28–32. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56386.htm> (дата вхождения 09.02.2020)

11. Куликова Е. Г., Буляева И. А. Языковая рефлексия в эпоху постмодернизма // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2006. № 1. С. 71–78.

12. Мой сленг. URL: <https://myslang.ru/> (дата вхождения 07.02.2020)

13. Пристайко Т. С. Деонимные глаголы-неологизмы в аспекте языковой рефлексии // Східнослов'янська філологія: від Нестора до сьогодення: матеріали VII Міжнар. наук. конф. (Бахмут, 26 березня 2020 р.). Бахмут: Вид-во Б. І. Маторіна, 2020. С. 170–174.

14. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 90–142.

15. Чигашева М. А. Деонимы как особенность политического дискурса СМИ Германии и России // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Выпуск 26 (765). 2016. С. 50–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deonimy-kak-osobennost-politicheskogo-diskursa-smi-germanii-i-rossii> (дата вхождения 06.05.2020)

16. Шевченко А. В. Оказиональная лексика на службе лингвоаксиологии (на материале словообразовательного гнезда с корнем Трап) // Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований: тез. докл. Второго междунар. науч. семинара (11–12 мая 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 50–51.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОЙ СИМВОЛИКИ В ПОЭЗИИ А.А. БЛОКА

Радь Эльза Анисовна

*доктор филологических наук, профессор
(г. Стерлитамак, Россия)*

Ставская Анастасия Викторовна
студентка

(г. Стерлитамак, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается семантика символа птицы в поэтическом мире А.А. Блока. Художественный смысл орнитологической символики раскрывается на примере значений образов мифических птиц Сирина, Алконоста, Гамаюна,

представленных в символистской лирике поэта носителями «вещей правды» и выполняющих функцию пророчества о будущем России и цивилизации в целом.

Ключевые слова: *символ; орнитологическая символика; мифические птицы; семантика образов птиц, поэзия.*

ARTISTIC ORIGINALITY OF ORNITHOLOGICAL SYMBOLISM IN THE POETRY OF A. A. BLOK

Abstract. The article considers the semantics of the symbol of the bird in the poetic world of A.A. Blok. The artistic meaning of ornithological symbolism is revealed by the example of the meanings of the images of mythical birds of Sirin, Alkonost, Gamayun, represented in the poet's symbolist lyrics by bearers of "things of truth" and fulfilling the function of a prophecy about the future of Russia and civilization as a whole.

Keywords: *symbol; ornithological symbolism; mythological birds; semantics of bird images, poetics.*

Семантика орнитологических символов в русской литературе складывается исторически. Истоками такой семантики выступают мифопоэтика, устное народное поэтическое творчество, классическая литературная традиция. Орнитологическая символика занимает значимое место в системе устойчивых мотивов и образов, которые характеризуют эстетическое своеобразие отечественной поэзии. Художественный смысл орнитологической символики в лирике трактуется в соответствии с картиной мира русских поэтов.

Символическое значение различных видов конкретных птиц восходит к архаичным мифологическим представлениям. Образ птицы через символ воплотил в себе орнитоморфный архетип – устойчивый архетип, помогающий объяснить реальность. Сложные механизмы смысловой приуроченности символа, которые детерминированы мифопоэтической традицией, соседствуют «с конкретными реалиями, непосредственными наблюдениями над птицами, знанием их биологических свойств» [7, 153].

Изучение орнитологической символики в русской поэзии в целом свидетельствует о том, что связанная с образами птиц художественная семантика получает актуализацию в творчестве поэтов сквозь призму разнообразного спектра традиций, к числу которых относятся культурологические, религиозные, литературные, мифологические философские и другие. Их особенность заключается в том, что они пересекаются во время своего взаимодействия в рамках авторского биографического мифа и становятся его органической частью.

Как отмечает Т.В. Авдеева, символ птицы открывает *«древнюю форму восприятия человеком действительности»* [1, с. 13]. Символическое значение птиц, выступающее семантическим ядром образа и его смысловым инвариантом, модифицировано в литературной традиции. Довольно часто универсальное значение в определенном поэтическом тексте редуцируется за счет актуализированного интертекста. При этом значительную роль в поэзии начинает выполнять полифоническая семантика орнитологического кода. Важными оказываются такие пределы художественного смысла, которые продуцируют индивидуальное мифологическое творчество автора.

Яркий пример смысловой модификации символики птиц можно обнаружить в поэзии одного из крупных и талантливых поэтов Серебряного века – А.А. Блока, поэтическое творчество которого является большой и сложной темой. Безусловно, пласт исследовательской литературы по творческому наследию Блока огромен. Однако остались отдельные аспекты его поэзии, не получившие к настоящему времени должного освещения. В научной литературе недостаточно разработана проблема

художественного своеобразия орнитологической символики в лирике А.А. Блока.

Расшифровка орнитологического кода и исследование особенностей художественной семантики орнитологических образов в поэзии А.А. Блока является ключом к пониманию закономерностей трансформации семантики образов птиц в интертекстуальном культурном пространстве, которое объединяет различные претексты.

На рубеже XIX – XX вв. отмечается усиление обращения поэтов к мифологическим образам и сюжетам. Художественные тексты начинают уподобляться мифу. Русский символизм искал синтез между язычеством и христианством. Мифотворчество в символизме воспринималось за цель поэтического творчества в целом. Сторонники символистского течения в литературе создавали мифологизированные художественные произведения. По утверждению В.П. Руднева, любой текст литературы модернизма *«прямо или косвенно строится на использовании мифа»* [6, 184]. Символисты как одни из представителей «неомифологического» искусства художественно отходили от действительных событий. Впрочем, мифологизация стала свойственна в целом литературе модернизма. В этой связи как оригинальная форма поэтического мышления стала выступать мифология для символистов, в частности, для Александра Блока.

Образы птиц в символистской лирике А.А. Блока имеют мифологические истоки. Реалистические орнитологические образы соседствуют с мифологическими. Е.Б. Бенъ заявляет о появлении в блоковской лирике образов *«древнего фольклора» с «качественно новым, блоковским значением и звучанием»* [2, 131].

В модернизме, и в символизме, в первую очередь, наблюдалась синкретичность в изображении действительности, проявлявшаяся через связь поэзии и музыки, поэзии и живописи и т.д. В творческом наследии Блока немного стихотворений, представляющих образы мифических птиц, обращение к которым в своей поэзии было порождено знакомством с репродукцией В.М. Васнецова «Сирин и Алконост. Песнь радости и печали», написанной в 1896 году. А. Блок, вдохновленный картиной В.М. Васнецова, при описании пророческих песен развернул в метафору часть названия – «Песня радости и печали».

Для образов райских птиц Сирина и Алконоста характерна архаичная природа. Образ Сирина, восходящий к античным сиренам, получил распространение в средневековье. Согласно традициям европейских легенд, Сирин – символ несчастной души. Мифическая птица Сирин в древних представлениях имеет лицо человека и пленяет людей пением, как и сирены. Ее сладкая песня одурманивала путников, увлекая впоследствии их в царство смерти. В более позднее время функция одурманивания в русской поэзии была вытеснена. Русский Сирин, ставший олицетворением радости бытия, счастья, красоты, обладал защитной магией. Пение Сирина обозначало божественное слово, входящее в человеческую душу [5, 438]. Происхождение Алконоста связано с греческим мифом об Алкионе. Как и Сирин, птица Алконост прекрасно поет. Услышавший ее пение обо всем забывает [5, 60].

Сирин и Алконост – птицы-девы «радости и печали» – представляют собой сложные образы, символизирующие соединение жизни и смерти, радости и горя, рая и смерти. Соединение противоположностей активно интересовало художников в эпоху расцвета символизма как литературного течения. Песни этих мифических птиц

звучат в стихотворении А. Блока «Сирин и Алконост» (1899), предлагая читателю новую трактовку образов.

Сирин А. Блока и В. Васнецова, символизируя счастье и радость, предсказывает «блаженства нездешние», подобные райским: «Густых кудрей откинув волны, / Закинув голову назад, / Бросает Сирин счастья полный / Блаженств нездешних полный взгляд» [3, 138]. Алконост, напротив, выступает средоточием власти сил тьмы, является символом печали, также пророчествуя о будущем, но трагическом и печальном: «Другая – вся печалью мощной / Истощена, изнурена... / Тоской вседневной и всенощной / Вся грудь высокая полна...» [3, 138]. Живописуя образы мифических птиц, А.А. Блок окружает фигуру Сирина бликами сияния небес и сгущает темные отсветы вокруг Алконоста.

Сотворенный художником и поэтом новый миф отражает новое понимание мира человеком. Авторский концептуализм образов Сирина и Алконоста, выраженный в дуализме, неоднозначности, отвечал общему мироощущению рубежа веков, тогда как в истории преданий эти птицы-девы были приближены к Богу.

Стихотворение А.А. Блока «Гамаюн, птица вещая» (1899) явилось откликом на другую картину В.М. Васнецова, на которой изображена птица Рая - Гамаюн. Согласно славянской мифологии, крик этой птицы – посланника бога Велеса – предвещает счастье. По древнему поверью, Гамаюну, как поющей людям божественные гимны, вещей птице, все известно о птицах и зверях, о чудовищах и людях, о героях и богах, о происхождении неба и земли. И будущее Гамаюн предвещает тем, кто умеет слышать тайное.

В стихотворении «Гамаюн, птица вещая» Гамаюн также пророчески поет об апокалипсическом будущем: «На гладях бесконечных вод, / Закатом в пурпур облеченных, / Она вещает и поет, / Не в силах крыл

поднять смятенных...» [3, 276]. С.А. Васильев обращает внимание на слова стихотворения *«уста, запекишься кровью»*, символически указывающие на *«страдание существа, несущего правду»* [4, 8].

Примечательно изменение названия мифической птицы с «райской», что соответствует традиции жанра легенды, на «вещую». По преданиям, мифическим Сирину, Алконосту, Гамаюну свойственно, подобно античным сиренам, очаровывающее пение, которое зовет в рай, а блоковская птица Гамаюн вещает «правду» и сама страдает от нее.

Безусловно, орнитологическая символика в поэтическом мире А.А. Блока не ограничивается указанным перечнем птиц. Как правило, мифологемы птиц связаны с онтологическими категориями жизни и смерти, выполняя функцию связующего начала между двумя мирами. Орнитологическая символика в стихотворениях «Сирин и Алконост» и «Гамаюн, птица вещая» свидетельствует о глубине философских размышлений автора. Смысловое пространство символики птиц в блоковской лирике постигается через знакомство с авторской концепцией мифических птиц-дев Сирина, Алконоста, Гамаюна. Поэт, сохраняя в образах-мифологемах очаровывающее пение, меняет семантику, наделяя их новыми чертами: птицы выступают носителями «вещей правды», пророчествуют о будущем России, тем самым выражая авторское кризисное мировосприятие

Литература

1. Авдеева Т.В. Райская птица в традиционной культуре восточных славян // Грамота. – 2013. – № 7(33). – Ч. 1. – С. 13-15.
2. Бень Е.Б. Гамаюн, Сирин и Алконост (Фольклор и живопись в двух стихотворениях А.Блока) // Русская речь. – 1985. – № 4. – С. 131-136.

3. Блок А.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1980. – 552 с.
4. Васильев С.А. «Весны неведомой прилив...» (картины В.М. Васнецова и стихотворения А.А. Блока) // Русская словесность. – 2008. – № 3. – С. 7-11.
5. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / Гл.ред. С.А. Токарев. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2003. – 671 с.
6. Руднев И.С. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997. – 381 с.
7. Хань У. Художественная семантика орнитологической образности русской и китайской поэзии первой трети XX в.: образ ласточки // Известия ВГПУ. Актуальные проблемы литературоведения. – 2014. – № 2(87). – С. 153-156.

**ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИЙ
ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДИСКУРСАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)**

*Сирота Елена Владимировна,
доктор филологии, конференциар
(г. Бельцы, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье исследуется вопрос об эстетическом потенциале категорий числа и падежа имени существительного; анализируются подходы к понятию «эстетика языковых средств»; освещаются дискуссионные вопросы в области таких категорий, как число и падеж имени существительного; выявляется специфика реализации эстетического потенциала данных категорий в поэтических текстах русской литературы XX-XXI столетий.

Ключевые слова: *морфологическая категория, эстетика языковых средств, категория числа, категория падежа, стилистический прием, художественный текст.*

**THE AESTHETIC POTENTIAL OF NOUN CATEGORIES
IN ARTISTIC DISCOURSES (BASED ON MODERN LITERARY TEXTS)**

Annotation. The article examines the question of the aesthetic potential of the categories of number and case of the noun; approaches to the concept of "aesthetics of linguistic means" are analyzed; controversial issues in the field of categories such as the number and the case of the noun are highlighted; the specificity of the aesthetic potential realization of these categories in the poetic texts of Russian literature of the XX century is revealed.

Key words: *morphological category, aesthetics of linguistic means, the category of number, the category of case, stylistic device, literary text.*

**POTENȚIALUL ESTETIC AL CATEGORIILOR
SUBSTANTIVULUI ÎN DISCURSUL ARTISTIC
(ÎN BAZA TEXTELOR ARTISTICE MODERNE)**

Adnotare. În articolul de față este supus analizei potențialul estetic al categoriilor gramaticale de număr și caz ale substantivului; sunt analizate abordările conceptului de „expresivitate a mijloacelor lingvistice”; se relevă problemele controversate cu privire la categoriile gramaticale ale substantivului: numărul și cazul; e scos în evidență specificul potențialului estetic al acestor categorii în textele poetice ale literaturii ruse a secolelor XX-XXI

Cuvinte-cheie: *categorie morfologică, expresivitatea mijloacelor lingvistice, categoria numărului, categoria cazului, mijloace stilistice, text literar.*

Эстетический потенциал единиц языка во многом определяет ценность художественных дискурсов и богатство языка в целом. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом ученых-лингвистов к вопросу об эстетике морфологических категорий и слабой изученностью отдельных аспектов указанного вопроса.

В русском языкознании неоднократно поднимался вопрос об эстетическом потенциале различных языковых единиц и категорий, при этом до сих пор еще недостаточно освещен вопрос об эстетике морфологических категорий. Уже в трудах таких ученых, как А.А. Потебня, Г.О. Винокур, И.А. Ионова рассматривались некоторые аспекты данной проблемы. На использование форм числа категориального класса носителей признака в составе стилистических приемов в художественных текстах указывал А.А. Потебня [1]. В коллективной монографии по поэтической грамматике рассмотрены специфичные черты использования числовых форм в русских поэтических текстах [2; 1]. Использование форм падежных и числовых форм носителя признака изучалось такими современными исследователями, как: И.А. Ионова, Г.А. Хайрутдинова, О.Г. Ревзина и др.

Материалом исследования послужили поэтические тексты XX-XXI веков, что обусловлено их нацеленностью на максимальную экспрессию, что подразумевает тщательный отбор каждой языковой единицы и категории для решения художественных задач.

Прежде всего отметим, что проблемы описания эстетического ресурса единиц языка в современных лингвистических исследованиях понимаются неоднозначно. У языковедов нет единого мнения, касающегося понимания сущности эстетических возможностей единиц языка; не исследованы в полной мере те средства языка, которые способны формировать эстетическую реакцию адресата речи. При этом следует отметить, что наиболее часто ученые обращались к описанию эстетических свойств лексических, синтаксических и фонетических средств русского языка

(исследования Л.А. Новикова, Л.И. Донецких, Н.Н. Лавровой, Н.В. Черемисиной и др.).

Д.Н. Шмелев выражение эстетической функции языка соотносит с оценкой субъектом способа репрезентации, который он применяет. Ученый имеет в виду те случаи, когда реализуются образные свойства единиц языка, становится ощутимой звуковая организация речи, осознается языковая мотивированность используемых элементов текста [3, 101-102]. Значительное внимание лингвист уделяет проблеме образности художественного дискурса. По его мнению, в некоторых случаях грамматическая характеристика слова может в известном смысле влиять на формирование самого художественного образа. При этом Д.Н. Шмелев имеет в виду, в частности, метафорическую характеристику предметов, их «олицетворение» с учетом грамматического рода соответствующих существительных [3, 87]. Автор считает, что употребление устаревших или просторечных форм в художественной литературе оказывается оправданным лишь в тех случаях, когда оно служит речевой характеристике персонажей или каким-либо специальным задачам стилизации [3, 84].

Согласно мнению Л.А. Новикова, все единицы языка могут выполнять эстетическую функцию, однако, как правило, ее реализуют «удавшиеся выражения» поэтического языка, именно они привлекают внимание читателя ввиду «ощутимости» своей структуры. Поэтому к языку литературного произведения, представляющего собой эстетически организованную систему, вполне применимо сравнение – язык как искусство [4, 19-20].

Л.А. Новиков полагает, что эстетическое может быть вызвано воздействием различных факторов, но наиболее характерным видом художественного «приращения»

переживаемого смысла является эффект взаимодействия, «столкновения» рационального и чувственного в воспринимаемом объекте-образе [4, 26].

Подход Е.В. Мариновой к осмыслению эстетики языковых единиц и текста является достаточно традиционным. С точки зрения исследователя, средством эстетического воздействия художественного текста является его речевая организация. Анализ стихотворения А. Блока «Романс» позволяет автору статьи прийти к выводу, что образное воздействие поэтического текста создается за счет тесных межстрофических связей, а также структурообразующих приемов, а именно разного рода повторов. Кроме того, эстетический ореол стихотворения составляют изобразительность словесной вязи, выразительность речевых средств, магия звуков [5, 168].

Образные свойства единиц языка могут проявляться в разных сферах речевой деятельности. Но наиболее полно они реализуются в сфере художественной речи. Специфика эстетического влияния единиц языка как конститuentов художественного текста заключается в том, что реципиент «получает духовное наслаждение». Основу такого духовного наслаждения составляет эстетическое удовольствие [6, 28-29]. Данная трактовка эстетики языковых единиц в определенной степени сходна с высказываниями других ученых. Так, по мнению Н.В. Черемисиной, звукостилистика организована художественного текста, в том числе и эстетическая организована ритма, вызывает чувство приятного, чувство удовольствия [7, 217]. Л.А. Новиков, характеризуя поэтический образ, пишет, что столкновение и гармонизация в едином целом мыслительного и чувственного, рационального и иррационального, сознательного и бессознательного становятся источником

эстетического эффекта и переживания. При этом важно отметить, что эстетический синтез интеллектуального и чувственного, с точки зрения ученого, основан на ощущении удовольствия / неудовольствия [4, 27].

По мнению Г.А. Хайрутдиновой, эстетический потенциал элементов единиц языка детерминирован совокупностью различных факторов, из которых наиболее значимыми можно считать:

- а) своеобразие языка как сложной знаковой системы;
- б) закон асимметрии языкового знака;
- в) этнические особенности языка;
- г) интралингвистические законы его развития;
- д) образно-эмоциональные, стилистические возможности [6, 30].

Важно также отметить, что трактовка терминологического сочетания «эстетические ресурсы языковых единиц» при исследовании языковой специфики художественного дискурса только в небольшой степени совпадает с выразительностью и экспрессивностью, обнаруживая тесную связь с рядом вопросов, касающихся анализа средств языка как конституентов текста в целом.

Так как средства морфологии русского языка выполняют, безусловно, значимую функцию при отображении таких эстетических категорий, как возвышенное и комическое [6, 50], обратимся к рассмотрению данных категорий.

По мнению исследователя Ю.Б. Борева, возвышенное можно определить как такое эстетическое свойство референтов, которое имеет мелиоративное значение для социума и обладает огромными, еще не изученными потенциальными возможностями. Возвышенное же

отражает беспредельность, бесконечность и постоянство мира и неограниченность внутренних возможностей индивида [8, 61]. Для отражения категории возвышенного искусство предъявляет к художнику умение использовать такие выразительные средства, которые обладают особой интенсивностью, яркостью. Возвышенные события современной эпохи нуждаются в особых художественных средствах [8, 64-65].

С точки зрения В.И. Авдеева, при описании этого феномена важно отметить, что возвышенное обладает контрастной структурой: оно либо угнетающе действует на человека как индивида, принуждает понять его ограниченные возможности и конечность существования, либо формирует в субъекте осознание нравственного доминирования над таким феноменом, каким является несоизмеримая и подавляющая его природа [9, 113].

С нашей точки зрения, категория возвышенного отражает объективные свойства предметов, обладающих огромным масштабом, мощью и возможностями, которые еще не до конца освоены человеком. К числу возвышенных явлений следует также отнести неограниченный потенциал внутренних сил субъекта. Подобные феномены возвышают «человека над его обыденной жизнью» [10, 158], ориентируют его на какие-то более высокие цели и установки.

Обратимся к исследованию такой эстетической категории, как комическое. Изучением данной категории занимались эстетики, литературоведы, лингвисты, философы. Ю.Б. Борев считает, что сущность комизма – в противоречии, так как комизм являет собой, в конечном итоге, контраст, разлад и противостояние [8]. Формы комического контраста весьма разнообразны. Комическое представляет собой бином, содержащий, во-первых,

положительный компонент, как правило, привлекающий к себе внимание, но в действительности обладающий негативным свойством. Явление, вырванное из связанных с ним и его обуславливающих обстоятельств, также становится комичным [11, 225]. В комическом всегда присутствуют два противоположных начала, первое из которых кажется положительным и привлекает к себе внимание, но на деле оборачивается отрицательным свойством [8, 83]. Несмотря на разнообразие типов оттенков комического, форм, оттенков комического, на его этническую и культурную специфику, суть его в следующем: комическое служит для выражения социально значимого противоречия, несоответствия разных сторон явления эстетическим идеалам. [11, 93].

Некоторые ученые высказывают другую точку зрения по данному вопросу. Так, согласно концепции С.С. Гусева и Г.Л. Тульчинского, комическое играет глубокую и нетривиальную роль в смыслообразовании и динамике понимания. *«В объекте и характере смеха теснейшим образом переплетаются социальное и индивидуальное. «Игра с пониманием», отображающая отстранение, «столкновение смыслов и значений», обуславливает и является стимулом смеха. Способность видеть комическое в привычном, чувство юмора – обычно верное свидетельство глубокого понимания ситуации»* [12, 172].

Обобщая различные взгляды ученых, М.А. Рюмина пишет, что следует выделять подходы к характеристике комического, среди них главными являются два: данные категории могут быть определены или как противоречие (несоответствие), или как игра [13, 65-66]. С точки зрения исследователя, *«эти две линии пересекаются и лишь в редких случаях существуют по отдельности, не*

контактируя друг с другом» [13, 63-66]. Как считает М.А. Рюмина, в обоих подходах есть свои недостатки и положительные моменты. Если избегать крайностей сведения комического к сатире или к юмору, то можно рассматривать их как взаимодополнительные [13, 68]. При рассмотрении природы комического мы также будем придерживаться данной точки зрения.

Исследование категории числа именных классов слов до настоящего времени остается в числе сложных проблем русской грамматики. В рамках обозначенной проблемы можно выделить несколько дискуссионных вопросов, которые нуждаются в рассмотрении.

Одним из таких вопросов является определение места категории числа в общей классификации морфологических категорий. В научной литературе представлены разные классификационные модели, в соответствии с которыми описываются морфологические категории русского языка.

В ряде лингвистических работ предлагается подразделять морфологические категории на словоизменяемые и несловоизменяемые. Мнения ученых при определении места грамматического числа субстантивов в данной классификации расходятся. Наиболее распространенной является концепция лингвистов, утверждающих, что число существительных относится к словоизменяемым категориям. Такую позицию разделяют А.А. Зализняк, Г.И. Панова, В.А. Плотнокова и др.

Академик В. В. Виноградов считал, что специфика числовых форм существительных заключается в том, что грамматическая семантика числа активно взаимодействуют с лексической. Согласно В.В. Виноградову, *«категория числа в строе имени*

существительного, так же, как и категория рода, является категорией лексико-грамматической» [14, 135].

Особую позицию занимает А.В. Бондарко. С точки зрения ученого, формы числа существительных целесообразно отнести к словоизменению. При этом, как полагает А. В. Бондарко, возникает необходимость четкой дифференциации типов формообразования: 1) так называемого «чистого» словоизменения, которое является последовательно коррелятивным и альтернативным, четко противопоставленным деривации; 2) коррелятивного и деривационного, проявляющегося непоследовательно – той разновидности словоизменения, которая обнаруживает черты переходности к несловоизменительному (классификационному) формообразованию. С учетом такой дифференциации морфологических категорий грамматическое число существительных относится к непоследовательно коррелятивным категориям [15, 104-106].

Как и большинство современных ученых, мы считаем, что число существительных является неклассификационной морфологической категорией, так как она способна противопоставлять формы одной и той же леммы. Доказательством этого служат многочисленные случаи противопоставления числовых форм у большинства конкретных существительных, образующих ядерную область указанной части речи.

Обзор научных работ, посвященных содержательному аспекту числа существительных, показывает, что у исследователей нет единства мнений по этому вопросу. Согласно одному из подходов, главное противопоставление форм числа основано на семантическом признаке расчлененности – нерасчлененности объекта. Множественное число

представляет объект как расчлененный на части, единственное – как некую целостность. О.Г. Ревзина инвариантным значением оппозиции по числу считает признак целостности – нецелостности. При этом она выделяет пространственно-временную и качественную целостность. *«В единственном числе объект мыслится как качественно целостный, независимо от пространственно-временной целостности», «во множественном числе объект мыслится как нецелостный в пространственно-временном отношении, независимо от качественной целостности»* [16, 66]. Формами единственного числа передают единичность предмета, тогда как плюральные формы выражают значение расчлененной множественности предметов. Кроме основных значений, формы числа существительных имеют также и вторичные (неосновные) значения. Так, наиболее частотными для форм единственного числа являются обобщенно-собирательное и дистрибутивное значения. Плюральные формы чаще используются в значении совокупности, реже – в значении гиперболического множественного.

Изучение поэтических текстов XX-XXI столетий показывает, что наиболее последовательно эстетический потенциал числовых форм носителя признака раскрывается: а) сингулятивными формами, обладающими обобщенно-собирательным значением, б) устаревшими плюральными формами, в) стилистически маркированными формами множественного числа полисемантических слов или омонимов.

В стихотворении В. Брюсова формы единственного числа носителей признака *моряк, дровосек, земледел* реализуют в стихотворении обобщенно-собирательное значение и тем самым способствуют выражению эмоции восторга перед внутренними силами людей, достойно

выживающих в суровых условиях севера: «*В нужде и в труде терпеливый, –/ Моряк, земледел, дровосек, –/ На камнях взлелеял ты нивы, / Вражду одолел своих рек; / С природой борясь, крепкогрудый, / Все трудности встретить готов, –/ Воздвиг на гранитах причуды / Суровых своих городов*» («К финскому народу»).

В современной поэзии начала XXI века сингулятивные формы также реализуют собирательно-обобщенное значение, передавая при этом ощущение одиночества: «*Из-под снега лезет время, песок рыжеват, / Набухает почка. / Временами тебе хочется разжевать / Амнезию почвы...*» (Л. Оборин. «Так вернешься из огня да в полымя – нет...»).

Подобная функция свойственная и архаическим формам единиц языка: «*А нынче кинжально-прицельным огнем / Всех навших за други своя помянем!*» (П. Антокольский. «Правый берег Днестра»); «*Словно ласточка, металась, / До смертной истомы; / По верхам кремлей скиталась, / Покинувши дома*» (В. Иванов. «Памяти В. Ф. Комиссаржевской»).

Как уже отмечалось, репрезентация эстетических возможностей категорий морфологии является одним из средств реализации категории комического. В ряде случаев комическая реакция читателя обусловлена явлением омофонии. С целью отражения комических явлений может обыгрываться внешнее подобие существительных, являющихся разными словами. Так, для создания языковой шутки В. Катаев обыгрывает неполное звуковое сходство формы единственного числа покой и устаревшего существительного покои, употребляющегося обычно в форме плюралятива: «*Рок меня занес / В гостеприимные покои, / И я в бездейственном покое / Здесь отдыхаю среди роз*» (В. Катаев. «Батюшков»).

Реже наблюдается игра за счет лексико-семантических вариантов одного и того же слова. Так, обыгрывание семантики и внешнего облика плюралных форм многозначного существительного муж (мужья *‘мужчина по отношению к женицине, с которой он состоит в официальном браке’* и мужи *‘мужчина в зрелом возрасте, а также деятель на каком-нибудь общественном поприще’* обнаруживается в стихотворении Л. Мартынова «Оттепель»: *«Гаснет лампа. Душно, как в яме... / – Куда ты встаешь? Лежи! / ...Ночью простыми мужьями / Делаются мужси».*

В некоторых случаях создание комического эффекта происходит путем образования форм множественного числа собственных существительных, подвергающихся при этом апеллятивизации. Так, в эпиграмме Саши Черного «По мнению критиков суровых...» происходит обыгрывание плюралных форм двух прецедентных имен – Пушкины *‘гениальные поэты’* и Белинские *‘талантливые критики’*: *«По мнению критиков суровых, / Парнас пустует много лет. / Бесспорно, – Пушкиных нет новых, / Но... и Белинских новых нет».*

Большой интерес вызывает также функционирование грамматических единиц, представляющих собой отклонение от языковой нормы. Одной из таких грамматических единиц можно считать плюралную форму «человеки». Ученые, рассматривавшие функционирование форм «люди» и «человеки» на разных этапах бытования русского языка, указывают на их семантическую и стилистическую дифференциацию [17, 66]. Так, Я. Смеляков в стихотворении «Чувство юмора» использует устаревшую, шутовую форму номинатива множественного числа «человеки» вместо нормативной формы «люди», выражая

свое авторское отношение к некоторым представителям советской бюрократии: Есть и такие человеки / среди жителей любой страны, / что чувства юмора навеки / со дня рожденья лишены.

Эстетическую функцию способны выполнять стилистически маркированные формы полисемантических слов, имеющих во множественном числе различающиеся по звуковому составу словоформы (двойные формы множественного числа). Так, в следующем примере используется плюральная форма «сыны» для создания рифмы и придания тексту строгости: *«Мне бы надо отправиться в снежную ночь / В неизведанный край тишины, / Когда спит моя мать, когда спит моя дочь, / И жена моя спит, и сыны»* (Д. Самойлов. «Светлорогая полночь висит над землей...»). Применение данной словоформы следует, очевидно, считать поэтической вольностью, так как в тексте стихотворения реализуется значение ‘лицо мужского пола по отношению к своим родителям’, которое обычно выражается формой множественного числа «сыновья».

В создании ритмической организации поэтического дискурса участвуют и грамматические архаизмы – числовые формы носителей признаков: *«В земной толпе – я темный дом, / Где томы, тени, сны, портреты; / Эдгаров Янек – я; за льдом – / Ток лавы, памятью прогретый»* (В. Брюсов. «Домовой»).

Для создания образности текста употребляются и формы, обычно или наиболее частотно функционирующие как сингулятивы, но в контексте они могут употребляться окказионально в форме множественного числа. В частности, В. Брюсов в произведении «Молитва» употребляет слово «свет», которое является одним из опорных, ибо оно признается священным в христианской

религии, путем постановки его в форме множественного: «*В час, когда светые первые кинет / Солнце Твое, – Ты меня оживи!*». Помимо реализации лексико-стилистического потенциала данного слова, в данном случае обнаруживается эстетический потенциал морфологической формы: использование носителя признака во множественном числе получает статус одного из выразительных» средств текста, потому что словоформа «свет» употребляется в транспозитивном значении: солнечные лучи.

В следующем фрагменте текста благодаря использованию плюральной формы вещественного существительного «хрусталь», которое обычно используется в единственном числе, представлена образная номинация кусочков льда: «*А во рту –хрусты сладкой смолки, / А в руке –зайчонка колышет, / А в глазах –то ли блески с елки, / То ль с окна хрустали ледышек*» (В. Меркурьева. «Коляда»).

Эстетический потенциал форм числа существительного раскрывается и в том случае, когда слово входит в состав стилистического приема. Так, в соответствии с авторской интенцией использование прономинации позволяет реализовать разные художественные задачи, которые могут быть связаны с усилением образности текста, созданием комического эффекта и др. Так, в приводимом далее фрагменте текста выделенная форма антропонима во множественном числе, обозначая в экспрессивной форме отечественных поэтов, обретает яркое образное осмысление: «*Многоэтажсья, Гиз, / и из здания / слова / печатные / лей нам, / чтоб радовались / Пушкины / своим изданиям, / роскошным, / удешевленным / и юбилейным*» (В. Маяковский. «Шутка, похожая на правду»). Прием прономинации представлен

также в следующем примере: *«В грязи и прахе / Звучит торжественно неслышимый хорал! / Но где Бетховены и Бахи? / И, может быть, гранит услышу вдруг –/ Его адажио и скерцо...»* (А. Адалис. «Есть музыка неслышная во всем...»).

Используя антропонимы «Бетховен» и «Бах» во множественном числе, автор в образно-ассоциативной форме выражает значение ‘талантливые композиторы’.

Стилистический прием эхо-рифма представляет собой комбинацию абзацного членения и рифменного подхвата как средство акцентирования. Сюда же относятся случаи, когда одно из двух рифмующихся слов полностью включено в другое [18, 934]. Результаты нашего исследования показывают, что для реализации эхо-рифмы часто используются варианты формы числа: *«Слепой порыв безмолвия / Стянул гусиной кожей / Тазы и пояса / И, протащившись с дрожью, / Как зябкая оса, / По записям и папкам, / За пазухи и шапки / Заполз под волоса»* (Б. Пастернак. «Кому-то стало дурно...»); *«Как будто / на язык / за кусом кус / кладут / воздушнейшие торта –/ такой / установился / феерический вкус / в благоуханных / апартаментах / рта»* (В. Маяковский. «Я счастлив!»). Нередко встречаются двойные формы числа: *«Стынет воздух и медленно меркнет/ Уж скользят ветровыеужу/ На стене католической церкви/ Курят трубки святые мужи»* (Б.Поплавский. «Распускаются розы тумана...»).

Таким образом, числовые формы носителя признака в составе стилистических приемов могут реализовывать эстетический потенциал, делая художественный текст более выразительным.

Другая категория имени существительного – падеж – также неоднозначно трактуется в научной литературе. До сих пор остаются дискуссионными вопросы сущности

данной категории. Традиционно считается, что категория падежа русских субстантивов состоит из шести рядов форм, представляющих присущий каждой комплекс морфологических значений [19, 475]. Однако некоторые ученые (А.А. Зализняк, И.Г. Милославский, Г.И. Панова) пишут о возможности выделения большего количества падежей. Например, А.А. Зализняк, имея в виду употребления типа много сахара, на берегу, вслед за Р.О. Якобсоном и другими учеными, признает существование второго родительного и второго предложного падежей [20, 37].

Е.В. Клобуков полагает, что в современном русском языке следует выделять 10 падежных форм: именительный, звательный, родительный, партитивный, два счетных, дательный, винительный, творительный, предложный и местный падежи [21, 18].

При рассмотрении этого вопроса мы будем придерживаться традиционной точки зрения, считая, что падежная система в русском языке репрезентируется шестью грамматическими формами (И., Р., Д., В., Т. и П. п.).

В соответствии с описанием морфологических категорий по их способности / неспособности противопоставлять формы одной и той же лексики падеж считается словоизменительной категорией (см. работы А.А. Зализняка, Г.И. Пановой, Е.В. Клобукова и др.).

Важное значение для понимания специфики категории падежа существительных имеет определение семантики падежных форм. Анализ лингвистической литературы показывает, что ученые по-разному подходят к решению данного вопроса. Широкую известность в грамматике получили два подхода к трактовке падежных значений: парадигматический и синтагматический.

Значения любого русского падежа принято анализировать, основываясь на трех классификационных признаках: направленность, объемность, периферийность.

По мнению Г.И. Пановой, морфологическая категория падежа существительных предназначена прежде всего для выражения субъектных и объектных отношений, кроме того, она может выражать обстоятельственные и определительные отношения [22, 110-111].

Л.Д. Чеснокова выделяет шесть значений падежных форм. Кроме тех четырех значений, которые определяются Г.И. Пановой, исследователь говорит о необходимости выделения и таких значений, как предикативное и вокативное (звательное). Падежная форма, имеющая предикативное значение, выступает в функции присвязочного компонента именной части составного сказуемого, например: «*Удивительные птицы вороны...*» (В. Арсеньев). Вокативное значение имеют существительные в роли обращения, например: «*Москва, Москва! Люблю тебя, как сын...*» (М. Лермонтов) [23, 56-57].

Заслуживает внимания работа И.Б. Голуб, в которой дается характеристика различных форм падежей, включая описание их экспрессивного потенциала. Используя в качестве материала исследования язык художественной литературы и различные жанры публицистического стиля, лингвист изучил варианты падежных флексий, архаичные формы окончаний и отклонения от норм склонения. Автор убежден, что одним из самых важных вопросов грамматической стилистики должен являться вопрос о вариантах падежных флексий, потому что именно данные формы обладают потенциалом для создания речевой экспрессии в художественных дискурсах [25, 45].

Падежные формы имен существительных обладают возможностью принимать участие в отражении категории комического. С этой целью данные грамматические единицы используются, как правило, в шутливых стихотворениях, эпиграммах или пародиях. В ряде случаев комический эффект реализуется благодаря повтору одного и того же слова в разных падежных формах. Подобный прием использован в пародии А. Иванова на поэта Н. Глазкова. Автор использует номинацию фамилии стихотворца в различных падежных формах (именительного, родительного, дательного и творительного): *«Что вижу я во тьме веков? / Кто мне под стать? Не вижу... Словом, / Стоит Глазков, сидит Глазков / И восторгается Глазковым. / Что ныне глаз Глазкова зрит? / Кто смеет не учесть такого: / Глазков Глазкову говорит / О гениальности Глазкова! / Все – чушь, не будь моих стихов! / И в будущем, поверьте слову, / Опять Глазков! Один Глазков!! / Дороги все ведут к Глазкову!!! / Короче, вывод мой таков, / И больше нету никакого: / Есть бог в поэзии – Глазков / И я, Глазков, пророк Глазкова...»* (А. Иванов. «Глазковиада»).

Для достижения звукового повтора в конце стихотворных строк могут использоваться варианты падежные флексии, характерные формам множественного числа. *«За столом в таком же роде/ Деликатный дамский хор: / О народе, о погоде, / О тюре из помидор...»* (С. Черный. «В усадьбе»).

В минувшие века помогает погрузиться архаичная падежная форма лексемы будущее: *«О жизни будущего века — / на языке веков минувших...»* (В. Павлова. «О жизни будущего века...»).

Таким образом, репрезентация эстетических возможностей падежных форм имени существительного

связана с ритмической организацией поэтического текста и включением в состав стилистических приемов.

Проблема сущности грамматической семантики родовых форм носителя признака далека от разрешения, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии. В работах таких исследователей, как А.В. Бондарко, А.А. Зализняк, Я.И. Гин, И.П. Мучник, М.А. Пильгун, О.Г. Ревзина, А.М. Шахмайкина и других находим различные точки зрения на данную категорию. В частности, спорным является вопрос интерпретации разных живых существ по гендерному признаку. Хотя большая часть ученых выделяет элементы значения рода: денотативный и синтаксический.

Почти все современные лингвисты (Э.А. Балалыкина, Я.И. Гин, А.А. Зализняк, О.Г. Ревзина и др.) сходятся во мнении относительно того, что род субстантивов в русском языке - это классифицирующая грамматическая категория.

Грамматические классы трех родов носителя признака различаются с точки зрения признака маркированности. В плане отражения семы пола большинство ученых признает маркированность форм женского рода существительных.

Некоторые вопросы, связанные с интерпретацией рода субстантивов в современном русском языке, могли бы получить иное освещение, если бы была известна история происхождения этой категории. Поэтому немало лингвистических работ посвящено попытке разрешить эту проблему. И хотя окончательного решения этот вопрос в русистике не получил, многие современные ученые (А.А. Зализняк, И.Г. Милославский, О.Г. Ревзина, Ю.С. Степанов) придерживаются синтаксической

концепции относительно происхождения рода носителя признака в языке.

Значительная часть случаев эстетизации грамматического рода существительных связана с возникновением в рамках грамматической семантики неодушевленных существительных квазиденотативного компонента значения рода. Это распространенный способ достижения словесной образности в поэтических дискурсах XX-XXI веков: *«И под звуки шустрой, удалой тальянки / Пляшет на плотине сам царевич Май. / Разошелся браво пламенный красавец, - / Зашумели липы, зацвела сирень! / Ветерок целует в губы всех красавиц, / Май пошел вприсядку в шапке набекрень»* (И. Северянин. «Пляска Мая»); *«Чтобы песнь прощальной боли /Дольше в памяти жила, / Осень смуглая в подоле /Красных листьев принесла...»* (А. Ахматова. «Вновь подарен мне дремотой...»).

Существительные, относящиеся к общему роду, при использовании в речи (в том числе в составе художественного текста) реализуют одно из грамматических значений - либо мужского, либо женского рода. Наиболее часто эстетический потенциал существительных общего рода выявляются при их метафорическом употреблении в синтаксической позиции приложения. Так, в одном из произведений Б. Пастернака существительное общего рода «тихоня» использовано в качестве приложения к существительному комната. Возникновению яркого художественного образа способствуют изменения, происходящие в структуре родовых форм каждого существительного: благодаря слову комната у существительного общего рода актуализируется значение женского рода; в то же время в

семантической структуре неодушевленного имени появляется квазиденотативный компонент родовой семантики: *«Это раковины ли гуденье? / Пересуды ли комнат-тихонь? / Со своей ли поссорившись тенью, / Громыхает заслонкой огонь?»* (Б. Пастернак. «Зима»).

В поэзии XX-XXI веков родовая вариативность существительных продолжает оставаться одним из факторов акцентуации эстетических возможностей единиц языка: *«Как будто отклеился клавиш, / Отставши, береста дрожит, / И все, что в жизни не поправишь, / В ней пробивается навзрыд»* (А. Вознесенский. «Береза»). В ряде случаев изменение рода существительного, обусловленное колебаниями в роде, связано с формированием образности художественного дискурса: *«Сквозь летние сумерки парка / По краю искусственных вод / Красавица, дева, дикарка - / Высокая лебедь плывет»* (Н. Заболоцкий. «Лебедь в парке»). Реализация эстетики данной морфологической категории сопровождается их вхождением в состав тропов, чаще всего метафор: *«...И страсть, как свидетель, седеет в углу. / И тополь — король»* (Б. Пастернак. «Марбург»); *«Развалившись по книгам, апрель / Нацепил васильков аксельбанты»* (Н. Заболоцкий. «Поэма весны»).

Таким образом, в современном языкознании до сих пор остается нерешенным вопрос о сущности таких категорий класса носителей признака, как число, падеж, род. Многие проблемы остаются дискуссионными и трактуются по-разному в трудах лингвистов. Несомненным является тот факт, что в художественных дискурсах указанные категории реализуют свой эстетический потенциал. Так, на материале поэтических текстов русской литературы XX-XXI веков можно прийти к выводу, что эстетизация форм числа, рода, падежа имени

существительного обусловлена зачастую их вхождением в состав стилистических приемов, что придает художественному дискурсу дополнительную выразительность.

Литература

1. Потенция А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990.
2. Поэтическая грамматика. Том I / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / И.И. Ковтунова, Н.А. Николина, Е.В. Красильникова (овт. ред.) и др. М.: Азбуковник, 2005.
3. Шмелев Д.Н. Слово и образ Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1964.
4. Новиков Л.А. Феномен эстетического в языке. Опыт аналитического синтеза // Избранные труды: в 2 т. Т. II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 17-36.
5. Маринова Е.В. Эстетическая значимость речевой организации в поэтическом тексте / Е.В. Маринова // Актуальные вопросы русистики и общего языкознания. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1999. С. 167-173.
6. Хайрутдинова Г.А. Эстетические ресурсы русского языка. Казань: Изд во Казан. ун та, 2016.
7. Черемисина Н.В. Вопросы эстетики русской художественной речи. Киев: Вища школа, 1981.
8. Боров Ю.Б. Эстетика. 4-е изд., доп. М.: Политиздат, 1988.
9. Авдеев В.И. Категории эстетики / В.И. Авдеев, А.А. Радугин // Эстетика: учеб. пособие для вузов. М.: Центр, 1998.
10. Бычков В.В. Эстетика: учебник. М.: КНОРУС, 2012.
11. Боров Ю.Б. Основные эстетические категории. М.: Высш. шк., 1960.
12. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии: Филос.-гносеол. анализ. М.: Политиздат, 1985.
13. Рюмина М.А. Тайны смеха, или Эстетика комического. М.: Знак, 1999.
14. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986.

15. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектуальные исследования. М.: Языки славянских культур, 2005.

16. Ревзина О.Г. Категория числа в поэтическом языке // Актуальные проблемы русской морфологии / Под ред. К.В. Горшковой, Е.В. Петрухиной. М.: Изд-во МГУ, 1988.

17. Корнеева Т.А. Семантико-стилистические закономерности функционирования форм люди и человеки в произведениях А.Н. Радищева и А.С. Пушкина // Русская и сопоставительная филология. Системно-функциональный аспект. Казань, 2003. С. 64-67.

18. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Ростов: Феникс, 2007.

19. Плотникова В.А. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980.

20. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

21. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке: Введение в методику позиционного анализа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

22. Панова 2003

23. Чеснокова Л.Д. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. В 2 ч. Ч. 2 Морфология. Синтаксис / под ред. Е.И. Дибровой. 3-е изд., стер. М., 2008.

24. Панова Г.И. Современный русский язык. Морфология: словарь-справочник. Часть I. Изд. второе, исп. и доп. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2003.

25. Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка: учебное пособие. М.: Высш. шк., 1989.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПТОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Горбачева Нина Анатольевна,
доктор педагогики, конференциар
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения русского языка и литературы на основе концептов русской культуры в школах Республики Молдова с русским языком обучения. В ней представлены концептуальные моменты методики изучения предмета, основанной на лингвоконцептоцентрическом подходе, раскрываются основные содержательные и технологические компоненты данной методики.

Ключевые слова: *лингвокультурологическая компетенция, концепт русской культуры, интегративный подход, мотивация, концептуальный анализ слова.*

TO THE PROBLEM OF STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE ON THE BASIS OF THE CONCEPTS OF RUSSIAN CULTURE

Annotation. The article is devoted to the problem of studying the Russian language and literature on the basis of the concepts of Russian culture in schools of the Republic of Moldova with the Russian language of instruction. It presents the conceptual aspects of the methodology for studying the subject, based on the linguo-conceptocentric approach, reveals the main content and technological components of this methodology.

Key words: *linguocultural competence, concept of Russian culture, integrative approach, motivation, conceptual analysis of the word.*

PROBLEMA STUDIERII LIMBII ȘI LITERATURII RUSE ÎN BAZA CONCEPTULUI CULTURII RUSE

Rezumat. Articolul este dedicat problemei studierii limbii și literaturii ruse în baza conceptului culturii ruse în școlile cu predare în limba rusă din Republica Moldova. În articol sunt descrise aspecte conceptuale ale metodologiei de studiere a disciplinei; axate pe abordarea

lingvoculturală, abordînd conținutul principal și componentele tehnologice ale acestei metodologii.

Cuvinte cheie: *competență lingvoculturală, concept de cultură rusă, abordare integrativă, motivație, analiză conceptuală a cuvîntului.*

В условиях Республики Молдова в силу сокращения сфер функционирования русского языка русскоговорящие школьники все реже слышат русскую речь, что в значительной степени отрицательно влияет на их речевое развитие, богатство и выразительность их высказываний.

В целом это приводит к таким негативным явлениям в речевой культуре учащихся, которые определяются исследователями как стереотипизация языкового мышления, нарастание семантического опустошения, иллюзорность понимания смысла слова и т.д. В определенной степени к этому можно отнести и существующую школьную практику преподавания русского языка, ориентированную на систему языка и правописание.

Каким образом противодействовать этим негативным тенденциям? Что необходимо сделать, чтобы русский язык и литература являлись для учащихся не только предметом, а «живым личностным знанием» (М.М. Бахтин), которое соединяет в себе культуру слова и культуру чувств каждого ученика, обеспечивает «равновесие души и глагола» (М. Цветаева)?

Желание найти ответы на эти вопросы заставляет учителей-русистов Молдовы пересмотреть существующие подходы в преподавании русского языка и литературы в школах с русским языком обучения, искать новые пути их решения, так как традиционная методика обучения предмету в современных условиях уже не отвечает требованиям времени. Социокультурная ситуация требует иных подходов к организации школьного образования.

Решение проблемы, по нашему мнению, лежит в плоскости формирования личностного отношения ученика к слову, когда слово как объект изучения переходит из грамматического поля в «поле интереса» (А.Д. Дейкина) ученика и становится для него ценностью, важным ретранслятором русской культуры. В процессе освоения слова (на всех уровнях его изучения) учеником происходит не только его приобщение к ценностям русской культуры, но и постепенное формирование индивидуально-ценностной картины мира, которая оказывает влияние на нравственное поведение и поступки. В этом случае на первый план выступает основная идея в преподавании русского языка и литературы – гармонизация знаниевого и нравственно-мировоззренческого аспектов.

Эта идея нашла отражение в основополагающей установке нового предметного куррикулума – внедрении в преподавание русского языка и литературы интегративной образовательной модели, ориентированной на интеграцию филологического знания *«двух фундаментальных гуманитарных наук: лингвистики и литературоведения, - объединяя, таким образом, две области образования: лингвистическое образование; литературно-художественное образование»* [1, 4]. Такая модель, безусловно, предполагает отход от предметноцентричного преподавания, поскольку направлена на *«формирование у учащихся ценностного отношения к языку как хранителю культуры..., формирование... обладающего гуманитарным мировоззрением читателя, способного понять эстетическую ценность произведения в историко-литературном контексте»* [1, 4-5].

Таким образом, установка на реализацию интегративного подхода к изучению русского языка и литературы направлена прежде всего на гуманизацию образовательного процесса и формирование ключевых

компетенций, прежде всего – культурологической компетенции, под которой мы понимаем *«совокупность системно организованных знаний о культуре, воплощенных в национальном языке, и готовности к сознательно-активной ценностной интерпретации языковых знаний в диалоге культур как основы формирования устойчивой системы ценностных мировоззренческих ориентиров школьника»* [3, 22].

Одним из путей методической реализации интегративного подхода является изучение русского языка и литературы на основе концептов русской культуры. В исследованиях лингвистов мы наблюдаем различное понимание и интерпретацию термина «концепт». Изучению данного феномена в лингвистике посвящены труды российских ученых С.А. Аскольдова, А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, В.А. Колесова, Н.Л. Мишатиной, Ю.С. Степанова и др., в Молдове – исследования В.Г. Долгова, Т.В. Зайковской, И.А. Ионовой, Т.П. Млечко, Е.В. Сироты.

Рамки данной статьи не позволяют детально осветить дискуссионные моменты терминологического характера, однако отметим, что большинство исследователей считают появление в лингвистике термина «концепт» обусловленным *«требованиями новой образовательной парадигмы, определившей в качестве основного культурологический подход к изучению языковых феноменов»* [6, 115-116]. С точки зрения культурологического подхода представляет интерес определение концепта, данное одним из основоположников методической лингвоконцептологии Мишатиной Н.Л., с точки зрения которой концепт рассматривается как элемент языка и культуры, как *«вербально выраженная содержательная единица национального сознания, которая включает понятие, но не*

исчерпывается им, обогащается культурными смыслами и индивидуальными ассоциациями и изменяется вместе с развитием языка и культуры» [3, 14]. Как отмечает Ю.Н. Кольцова, концепт может охватывать не только все значения слова, устанавливая между ними своеобразные ассоциативные связи, но и некоторое множество родственных слов, синонимов, антонимов, а также словосочетаний, в которых отражается тот или иной аспект концепта [2].

Большое значение в содержании концепта имеет культурологический компонент. В лингвистических исследованиях выделены базовые концепты культуры, отражающие нравственно-философские, культурно-эстетические понятия, которые оказывают воздействие на формирование нравственных и мировоззренческих позиций человека.

Общечеловеческие и национальные ценности, заложенные в концепты (*семья, дом, дружба, добро, вера, совесть, милосердие* и т.д.), формируют целостную и самое главное – ценностную - картину мира, к тому же являются хорошим стимулом для собственной продуктивной речетворческой деятельности.

В российской лингводидактике термин «концепт» активно используется с начала XXI века (Е.А. Быстрова, А.Д. Дейкина, О.Н. Левушкина, Н.Л. Мишатина, Л.И. Новикова и др.), являясь неотъемлемым компонентом ценностно ориентированной методики изучения русского языка и литературы, а в более широком контексте – компонентом гуманизации образовательного процесса, поскольку позволяет интегрировать воспитание и развитие в обучение конкретному предмету.

В современных условиях РМ работа с концептами русской культуры при изучении русского языка и литературы представляет собой задачу первостепенной

важности, так как позволяет раскрыть перед учениками весь спектр основных концептов русской культуры, понять их значимость в жизни и судьбе русского народа, сформировать собственную нравственную позицию. В контексте интеграции курсов русского языка и литературы концепт может рассматриваться как междисциплинарная единица, являющаяся эффективным средством сближения языкового и литературного образования учащихся. В самом широком контексте концепт – это культурно-нравственная доминанта процесса обучения.

Следует сказать, что наиболее последовательно и системно методика работы с лингвоконцептами на уроках русского языка и литературы представлена в исследованиях Мишатиной Н.Л. и ее последователей. В практике преподавания русского языка и литературы в школах РМ эта методика, на наш взгляд, еще не нашла должного применения. Представляется важным и целесообразным остановиться на основных структурно-содержательных аспектах этой методики, использование которой в преподавании русского языка и литературы в школах Молдовы с русским языком обучения – мы в этом уверены – позволит создать качественную альтернативу традиционной грамматикоориентированной системе обучения, сформировать мотивационное поле интереса к русскому языку, а в целом – поднять на более высокий уровень изучение русского языка и литературы.

В качестве основного метода Н.Л. Мишатиной определяет учебный концептуальный анализ слова, целью которого является поэтапное формирование в сознании учащихся знания о слове как единице мышления и культуры [4]. Разработанная исследователем модель концептуального анализа слова выделяет в содержании концепта понятийную, образную, значимостную и ценностную составляющие. Данная модель учитывает

семантические отношения изучаемого концепта с другими словами, место концепта в системе ценностей, функции концепта в жизни человека. Концептуальный анализ слова включает в себя следующие компоненты: создание словарного портрета концепта (слово на уровне лингвистических и энциклопедических словарей); создание контекстуально-метафорического портрета концепта (слово на уровне словосочетания и микротекста); создание словесного портрета концепта (слово на уровне текста и диалога культур) [3].

По мнению автора, концептуальный анализ слова и текста целесообразно проводить на специальных (лингвоконцептоцентрических) уроках преимущественно в старшем звене обучения. Однако мы считаем, что такая работа должна охватывать весь процесс обучения русскому языку и литературе, включая аспектные уроки изучения грамматического материала. Она должна проводиться на каждом этапе обучения – от начального до лицейского. Эффективность такой работы будет зависеть от грамотно подобранных разностилевых и разножанровых культуроведческих текстов, в которых раскрывается значение концептов русской культуры. С методических позиций концепт можно рассматривать как лексическую единицу, позволяющую при изучении куррикулумного материала интегрировать в урок русского языка и литературы лингвистические тексты, художественные произведения, тексты историко-культурного содержания. С другой стороны, концепт выступает и как единица обучения транспредметного характера, с помощью которой формируются ключевые компетенции, заявленные в куррикулуме.

Целенаправленная и системная работа со словами-концептами должна быть организована как речевая деятельность школьников на основе тематически

связанных текстов, содержащих концепты. Тематический принцип организации изучения литературных произведений, представленный в курсе, позволяет выделить следующие слова-концепты и проводить работу с учащимися по их усвоению.

5-й класс: *дом, семья, детство, добро;*

6-й класс: *Родина, природа, счастье;*

7-й класс: *дружба, судьба, история;*

8-й класс: *человек, время, мечта;*

9-й класс: *слово, душа, любовь, красота.*

Восприятие и усвоение этих концептов школьниками в гимназическом звене представляется очень важным, поскольку позволяет в большой степени оказывать влияние на нравственное формирование личности в этом возрасте. Ценностно «нагруженное» слово содержит в себе большой объем информации, которая духовно обогащает школьника. Например, работая с концептом «дом», ученики определяют это слово как место проживания человека (поговорки, пословицы о доме); знакомясь с текстами о природе, рассматривают природу как дом для птиц и зверей, а Землю как общий дом для всех людей, таким образом, расширяя свое понимание концепта «дом». Освоение концепта «душа» подводит учащихся к глубокому пониманию смысла этого слова: язык – душа народа; душевное состояние человека; труд души; «душа с душою говорит», стойкость духа и т.д.

Такая работа проводится с учениками системно на основе различных текстов, в которых данные концепты реализуют свои значения. Более того, один и тот же концепт может быть представлен и по вертикали. К примеру, работа с концептом «счастье» в силу

особенностей восприятия этого слова учащимися разного возраста может проводиться с 5-го по 12-й классы. В 5-6-х классах ученики могут познакомиться со значением этого слова, отраженным в устном народном творчестве (половицы, поговорки, сказки). Очень важно в этом возрасте рассмотреть и осмыслить такие понятия, как *счастье* и *несчастье (горе)*, *счастье* и *зависть* (реализация в сказках). В старшем звене целесообразно рассмотреть *счастье* как этическую категорию, отраженную в русской и мировой литературе и культуре.

В обучающем процессе уместно выделять для такой работы специальные уроки (традиционно они назывались уроками развития речи). В современной методике такие уроки получили название лингвоконцептоцентрических уроков (термин Н.Л. Мишатиной). Каков алгоритм работы с концептом на таких уроках?

Во-первых, проведение ассоциативного эксперимента, во время которого ученики выстраивают свои ассоциативные цепочки с данным словом; во-вторых, сравнение лексического значения слова в толковых словарях; в-третьих, работа со словом-концептом на уровне словосочетания/текста (включая тексты разных жанров и стилей); в-четвертых, создание продукта, отражающего степень понимания концепта по окончании работы с ним. В качестве продуктов могут выступать сочинения, эссе, проекты, портреты слов и т.д. Например, после работы с концептом «*семья*» учащиеся могут представить проекты «История моей семьи», «Семья в мировой и русской литературе» и т.д.; работа с концептом «*красота*» может завершиться проектом «Символы прекрасного в культуре разных народов».

Такой подход к изучению русского языка и литературы, в центре которого находится слово-концепт,

предполагает иной ракурс представления грамматического материала. Так, при рассмотрении признаков имени существительного (на какие вопросы отвечает, что обозначает и т.д.) необходимо заставить учащихся задуматься над тем, что слова *дом, семья, добро, счастье* и т.д. обозначают не только предметы, а жизненно важные для человека понятия, имеющие для него огромную ценность. Следует учить школьников вдумываться в смысл слова, понимать его значение для каждого человека и для себя. Необходимо сделать так, чтобы ученики относились к слову как национально-культурному достоянию, за которым скрывается история всего народа. Изучение грамматики должно сопровождаться работой со словарями, текстами историко-культурного содержания, художественными произведениями. И это не должно быть механическое соединение грамматического и культуроведческого материала. Это должна быть хорошо продуманная система изучения русского языка и литературы, которая позволит формировать правописную и функциональную грамотность учащихся на культуроведческой основе, осознанно относиться к национальным ценностям, заложенным в предмете «Русский язык и литература», а в целом – способствовать нравственному развитию учащихся средствами данного предмета.

Мы уверены, что личностное изучение русского языка и литературы будет содействовать не только формированию и развитию предметных (специфических) компетенций учащихся, но прежде всего - приобщению их к нравственным ценностям русского народа, выраженным в словах-концептах русской культуры, позволит глубже понять культурные ценности других народов и приведет к

осознанию собственных ценностных ориентиров и поступков.

В заключение хотим отметить, что данная статья является попыткой осмысления явлений, происходящих в методике преподавания русского языка и литературы в школах РМ с русским языком обучения, с целью выявления наиболее оптимальных и эффективных путей изучения данного предмета в школе XXI века в современных социокультурных условиях. И нам представляется, что изучение русского языка и литературы на основе концептов является одним из таких путей, потому что дает возможность «сквозь призму языка увидеть человека, а сквозь призму личности – живую жизнь самого языка, его новые состояния» [5, 3].

Литература

1. (Curriculum național. disciplina Russeleel язык и литература для гимназий с русским языком обучения (V-IX классы). Chișinău, 2019.
2. Кольцова Ю.Н. Концепт пути в мировоззрении Н.С. Лескова: автореферат диссертации кандидата культурологических наук. М., 2001.
3. Мишатица Н.Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Санкт-Петербург, 2010.
4. Мишатица Н.Л. Развитие речи учащихся на основе концептуального анализа слова // РЯШ, № 6, 2006. С. 19-23.
5. Млечко Т.П. Русская языковая личность ближнего зарубежья. М., 2013.
6. Сирота Е.В. Сопоставительный анализ репрезентации концепта «благо/добро» в русской и румынской языковых картинах мира // Славянские чтения. №12/18. Кишинэу, 2018. С. 114-129.

ОТ ПОЗНАНИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОБРЯДОВ И ОБЫЧАЕВ – К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФОЛЬКЛОРУ

*Дамьян Надежда Андреевна,
старший преподаватель,
(г. Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В данной статье объектом исследования стали отдельные семейно-бытовые обряды, рассматриваемые на занятиях по фольклору. В ходе работы автор приходит к выводу, что познание студентами разнообразия культур приводит к взаимоуважению, стремлению узнать друг друга лучше.

Ключевые слова: *фольклор; обряды; обычаи; народы; культура.*

FROM LEARNING FAMILY AND HOUSEHOLD CUSTOMS AND TRADITIONS AT FOLKLORE UNIVERSITY CLASSES TO THE DIALOG OF CULTURES.

Summary. In this article the object of the study were individual family rituals during the folklore lessons. The author came to a conclusion that the students' knowledge about the diversity of cultures leads to mutual respect and the desire to get to know better each other.

Keywords: *folklore; rituals; customs; people; culture.*

DE LA CUNOAȘTEREA RITUALURILOR ȘI OBICEIURILOR FAMILIALE ȘI GOSPODĂREȘTI - LA DIALOGUL CULTURILOR ÎN ORELE DE FOLCLOR

Adnotare. În acest articol obiectul studiului sunt unile ritualurile de familie, considerate la orele de folclor. Autorul ajunge la concluzia că cunoașterea studenților despre diversitatea culturilor duce la respect reciproc, la dorința studenților de a se cunoaște mai bine.

Cuvinte cheie: *folclor; ritualuri; obiceiuri; popoarele; cultură.*

Фольклорные взаимосвязи – одна из актуальных и важных проблем современной фольклористики. В Международных конвенциях «Об охране не материального культурного наследия» и «Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения»,

принятых ЮНЕСКО в 2003 г. и 2005 г., подчеркивается, что одной из основных задач современности - *«поощрение диалога между культурами в целях обеспечения более широких и сбалансированных культурных обменов во всем мире в интересах взаимоуважения культур и культуры мира»* [3, 5].

На занятиях по русскому фольклору всегда учитываются требования современной действительности, при рассмотрении его жанров выделяются три вида фольклорных взаимосвязей: генетические – как результат общности происхождения духовной культуры, типологические – как следствие общих закономерностей развития фольклора в сходных исторических условиях, контактные – итог взаимообмена в области формы или содержания [4, 7].

В ходе занятий, где рассматриваются общие и отличительные черты культур народов, проживающих в Молдове, удастся сделать конкретные выводы об особенностях исторического сосуществования, взаимодействия и взаимовлияния фольклорных культур двух или нескольких народов-соседей: русских, молдаван, гагаузов, украинцев и др. Особое внимание на практических занятиях по курсу «Устное народное поэтическое творчество» уделяется семейно-бытовым обрядам и обычаям, на них демонстрируются «вживую» элементы проведения обрядов в различных культурах, сохранившихся в Молдове у разных этнических групп.

Универсальным для всех народов является наличие у них семейно-бытовых обрядов. Среди них особый интерес у студентов вызывают родильные и свадебные обряды. В результате студенты получают задание – исследовать данные обряды в регионах, где они родились. В итоге накапливается ценный исследовательский материал.

Важными для студентов являются параллельные сравнения обрядов, выявление в них языческих и христианских традиций, используемых у народов Молдовы.

Следует подчеркнуть, что в этих обрядах наблюдаются как общие черты, так и специфические, локальные особенности. В одних районах Молдовы эти обряды сохранились в более архаичных формах, а в других они упростились.

На занятиях со студентами акцентируется внимание, что в течение многих веков у славянских народов существовали определенные действия, которые необходимо было соблюдать женщине в дородовой и послеродовой период. Они сохранились в отдельных регионах Молдовы и в наши дни: 1) перед родами роженица просит у всех близких прощение, как перед смертью. (Становление матерью – это переход в иное качество, а понятие перехода связано с умиранием в одном мире и рождением уже в другом качестве в ином мире); 2) чтобы лучше родить, нужно женщине перед родами помыть пол, прикоснуться к водной стихии, из которой впоследствии появится ребенок; 3) чтобы роды были легкими, близкие роженицы должны позаботиться о замках в доме, чтобы они были отомкнуты и др. [1, 34-40].

Необходимо подчеркнуть, что народные языческие обряды постепенно стали вытесняться церковными обрядами крещения, однако, в народной традиции некоторые из них сохранились. Так, в отдельных селах до сих пор используется для защиты ребенка гребень-оберег, когда куму передается мальчик, то его переносят через порог, а девочка – через гребень.

Обряд крещения у христиан всегда считался обязательным: *«некрещеный ребенок-чертёнок», «С именем – Иван, без имени – болван»* [2, 295].

Очень важно для студентов знать, что многие народы долго сохраняли пережитки древнего родильного обряда, которые описаны в трудах ученых. Так, И. И. Срезневский отмечал их существование в XIX в.: *«Служение им, роженицам, заключалось в том же молении, в таком же обеде, для которого, между прочим, варили каши, и, кроме того, в стрижении первых волос у детей и в пениш»*. Он подчеркивал, что следы древних родильных песен, некогда выполнявших функции оберегов, обнаруживаются в колыбельных песнях. В бытовой практике применялись также заговоры (например, при купании ребенка: *«С гуся вода, с Иванушки худоба»*) [5, 3].

Украинский исследователь М.К. Чучко в статье *«Церковные таинства и обряды жизненного цикла в среде украинского и восточнороманского населения Буковины XV-начало XX вв.»* подчеркивал, что само таинство крещения состоит из нескольких обрядов: 1) освобождения от пут сатаны путем экзерсиса (обратившись лицом на запад, крестные отрекаются от сатаны, осуществляя символическое дутьё и плевание на него); 2) миропомазания; 3) трехкратного погружения ребенка в купель; 4) облачения ребенка в белую одежду (крижму); 5) возложения на грудь младенца креста; 6) хождения вокруг купели и пострижения волос [7, 100].

Важны, с нашей точки зрения, знания о миропомазании. Данный обряд, связанный с представлением о целительной силе растительного масла, имеет символическое значение: грудь младенца помазуется *«во исцеление души и тела»*, уши – *«в слышание веры»*, руки – *«чтобы «творить молитву»*, ноги – *«чтобы «ходить по стопам заповедей господних»* и т. д. Миропомазание осуществляется помазанием ароматическим маслом – миром. Оно состоит из оливкового масла, белого виноградного вина и ароматических веществ.

Миропомазание означает положение на ребенка «печати дара духа святого» [6, 74-75].

Эта печать – свидетельство того, что человек стал Божиим. Через миропомазание в душу человека нисходит Божественная любовь, а с нею *«радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание»* [6, 5].

В русском родильном обряде главным было крещение младенца и устраиваемый по этому поводу домашний праздник - крестины. В рамках крестин, как правило, проводятся ритуалы, но уже в домашних условиях, в которых участвуют только женщины: купание ребенка, при котором в воду опускаются монеты, перья птиц, цветы [5, 3].

Исследуя семейно-бытовые обряды христиан, студенты убеждаются, что на территории Молдовы, как и в других странах, в традициях православной и католической церкви крещение относится к разряду таинств, а протестантская церковь, как один из обрядов – погружение младенцев в воду, - отрицает.

Следует подчеркнуть, что яркие проявления жизни народа, его оптимизм, поэтическое и музыкальное творчество всегда отражались в свадебных обрядах как в языческие времена, так и в XX-XXI вв.

Свадебные обряды у древних славян проводились либо весной, либо осенью на лоне природы. Молодежь сопровождала жениха и невесту на луг или лесную поляну, там на них надевали венки из цветов, водили хороводы вокруг березки, украшенной лентами, пели обрядовые песни, устраивали веселые игры.

У многих славянских народов обряд бракосочетания состоял в том, что жениха и невесту водили вокруг дуба, ели или ракитного куста. Об этом утверждает одна из

народных поговорок «на поляне обручались, вокруг ракитового куста венчались» [6, 77].

В славянских племенах было принято защищать жениха и невесту от злых духов, поэтому старались отгонять всю нечисть от них с помощью шума, воды, огня, дыма.

Обрядовые народные песни, танцы и игры составляли и продолжают в наше время представлять собой стройное театрализованное действие. Все свадебные персонажи – жених, невеста, сваты, дружки, друзья – всегда хорошо знали свои действия в обряде: что петь, что говорить, кого славить, кого высмеивать.

С приходом христианства многие языческие обряды были заменены церковными. В конце XIX - начале XX века в России существовали три канона русской свадьбы: северная, среднерусская и восточная (сибирская). Наибольшее распространение имела среднерусская свадьба, в которой отразились традиционные черты общеславянской свадьбы [6, 81].

Она имела сходство с белорусской, украинской, сербской и болгарской свадьбами по своим обрядовым и песенно-танцевальному строю.

Следует подчеркнуть, что свадебные обряды развивались и видоизменялись в соответствии с конкретными историческими условиями жизни каждого народа.

Сравнительное изучение свадебных обрядов русского, белорусского и украинского народов подтверждает их общую древнерусскую основу – ряд обычаев, связанных со сватовством, обручением и свадьбой (выкуп, каравай, свадебный поезд, проводы невесты, расплетение косы, обрядовая пища и др.). Общая основа свадебного обряда этих народов сложилась тогда,

когда все восточные славяне имели один и тот же уровень и характер жизни [6, 82].

Что касается проведения свадеб в Молдове, то на практических занятиях при рассмотрении темы «Календарные праздники и обрядовый фольклор», как правило, обращается внимание на то, как проходили в прошлом и в наши дни свадьбы.

Студенты приходят к выводу, что свадьбы всегда проходили через определенные традиционные этапы: сватовство, смотрины, рукобитие, подготовку к свадьбе, мальчишник/девичник, день свадьбы и послесвадебные дни. И все же они отмечают, что у каждого народа есть свои особенности в содержании обрядов свадьбы. Так, например, у гагаузов содержание этапов свадьбы отличается от всех остальных свадеб, которые проводятся на юге Молдовы. Последовательность гагаузской свадьбы такова: обряд официального сватовства, неделя изюма, хора, обряд хамур, свадебное знамя, освещение дома к свадьбе, обряды совершеннолетия молодоженов (плетение кос невесте, ритуально бритье жениха), наряжение невесты, прощание молодоженов с родителями, вывод невесты из дома, встреча молодоженов с родителями жениха, свадебное застолье.

Интересны и разнообразны сохранившиеся традиции украинской свадьбы. Она насыщена разными обрядами. По словам студентов-украинцев, отдельные обряды и ритуалы сохраняются по настоянию старшего поколения. Так, например, в отдельных украинских сёлах по-прежнему свадьба проходит через определенные этапы: сватовство, смотрины, помолвка, девичник, расплетение косы, выкуп невесты и др., а также обряды – лить под ноги молодым воду, свадебный караван и рушник, проведение обычая «Чоботы», «Покрывание невесты», «Передача семейного огня» и др. Традиционным элементом

праздничного обряда считается вышиванка. В древние времена все украинки собственноручно её вышивали, а главными рисунками были цветы мака, гроздья калины, дубовые листья и пр. Для каждого случая, включая свадьбу, существовали определенные узоры – на счастье, на удачу в семейной жизни, на продолжение рода.

Чтобы выявить особенности свадебных обрядов, студенты подробно знакомятся со структурами отдельных свадеб народов, проживающих в разных регионах Молдова, как правило, они готовят по группам презентации свадебных церемоний.

Курс фольклора традиционно заканчивается русскими посиделками, во время которых можно увидеть парад свадеб, проследить за особенностями проведения семейно-бытовых праздников у разных народов, проживающих на территории Республики Молдова.

Литература

1. Буёнок А. Народные обряды и праздники. Спб., 2004.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
3. Друмя Л.Х. Фольклорные переводы и лексико-стилевые интерференции (взаимосвязи восточнороманской и восточнославянской народной поэзии) // Журнал этнологии и культурологии. Т. IV, Chişinău, 2008.
4. Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958.
5. Зуева Т.В. Русские семейно-бытовые обряды, их поэзия // Журнал «Литература в школе». №6, М., 2011.
6. Руднев В.А. Древо жизни: об истоках народных и религиозных обрядов. Л., 1989.
7. Чучко М.К. Церковные таинства и обряды жизненного цикла в среде украинского и восточнороманского населения Буковины XV-начало XX вв. // Журнал этнологии и культурологии. Т. III, Chişinău, 2008.

ДЕРЖАВА БУРЕБИСТЫ КАК ПАССИОНАРНЫЙ ФЕНОМЕН

*Мельников Ростислав Иванович,
историк, политолог
(г. Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация. В статье предложена и обоснована гипотеза, связывающая этногенез гето-даков с дрейфом скифской пассионарности через посредство скифоидного племени агафирсов. Наряду с этим предпринята попытка соотнести историю державы Буребисты с моделью сингулярного толчка. Показано соответствие динамики событий правления Буребисты усеченному варианту этой модели, предполагающему смещение (т. е. насильственное прерывание) в фазе надлома. Представлена реконструкция эпохи в виде хронологической таблицы, которая иллюстрирует указанное соответствие.

Ключевые слова: *пассионарность, пассионарный толчок, дрейф пассионарности, сингулярный толчок, скифы, агафирсы, геты, гето-даки, Буребиста, Бурвиста.*

BUREBISTA POWER AS A PASSIONARY PHENOMENON

Abstract. The article proposes and substantiates a hypothesis linking the ethnogenesis of the Geto-Dacians with the drift of the Scythian passionarity through the Scythian tribe of Agathyrs. At the same time, an attempt was made to correlate the history of the Burebista state with the singular push model. It is shown that the dynamics of the events of Burebista's rule correspond to the truncated version of this model, which assumes displacement (i.e., violent interruption) in the breakdown phase. The reconstruction of the epoch is presented in the form of a chronological table, which illustrates the indicated correspondence.

Keywords: *passionarity, passionary push, drift of passionarity, singular push, Scythians, Agathyrsi, Gets, Geto-Dacians, Burebista, Burvista.*

Могучий союз племен во главе с Буребистой в работах Льва Гумилева упоминается лишь однажды в книге «Конец и вновь начало»: «*Эта держава включала Молдавию, Румынию, Болгарию, часть Западной Украины,*

Буковину, Венгрию и Чехию. Но это объединение оказалось эфемерным. По словам Страбона, Бурвиста погиб низвергнутый, потому что некоторые восстали против него. Надо полагать, что расширение державы гетов еще не было началом подъема этноса, а явилось результатом пассионарного ослабления соседних племен Восточной Европы. В отличие от Бурвисты, Децебал создал в Дакии этнически монолитную державу, сопротивлявшуюся Риму до 107 г.» [3, 77, прим. 2]

Как видим, Л.Н. Гумилев противопоставляет сравнительно компактное и гомогенное царство Децебала, возникшее в результате пассионарного толчка I века [4, 414], более обширной, но «эфемерной» державе Бурвисты/Буребисты, которую он не соотнес ни с одним из очагов пассионарного этногенеза. Причем эфемерность эта объясняется не силой гетов, а слабостью их соседей. Логика великого ученого в данном случае не вполне понятна: получается, что вокруг гетов внезапно образовался своего рода пассионарный вакуум, который они тут же заполнили. На наш взгляд, гораздо убедительнее выглядела бы увязка усиления гетов с дрейфом скифской пассионарности.

Л.Н. Гумилев датировал начало скифского этногенеза XI в. до н.э. [4, 414] Следовательно, достигнув Причерноморья в VIII в. до н.э., скифы уже находились в акматической фазе, на которую – в полном соответствии с гумилевской реконструкцией – приходится период их наибольшего могущества; изгнание воинственных киммерийцев из южнорусских степей в VIII в. до н.э., феерическая экспансия и 28-летняя гегемония в Передней Азии (VII-VI вв. до н.э.), создание сильного царства Ишкуза в Закавказье (VII-VI вв. до н.э.), отражение грандиозного похода Дария I (между 516 и 512 гг. до н.э.) – все это несомненные признаки акме.

О гетах, как известно, впервые сообщает Геродот в связи с упомянутым походом персидского царя: *«Не доходя ещё до Истра, Дарий сперва покорил гетов, которые считают себя бессмертными. Фракийцы же из Сальмидесса и живущие севернее Аполлонии и города Месамбрии, называемые скирмиадами и нипсеями, подчинились Дарию без боя. Однако геты, самые храбрые и честные среди фракийцев, оказали царю вооруженное сопротивление, но тотчас же были покорены»* [2, IV, 93]. Геродот, таким образом, резко выделяет гетов на фоне остальных фракийцев – они «самые храбрые и честные» и к тому же единственные, кто вступил в противоборство с персами. Иными словами, геты отличались от сородичей более высокой пассионарностью. Об этом свидетельствует также и тот факт, что *«в VI-V вв. до н.э. геты объединили северофракийские племена, расположенные вне Карпат»* [8, 184]. Следовательно, транзит пассионарности от скифов к гетам произошел где-то в период VIII-VI вв. до н.э.

Судя по данным археологии, контакты скифов с дунайскими племенами имели давнюю предысторию. *«Начало взаимодействия скифов с Карпато-Дунайской областью относится к глубокой древности. Трансильвания еще в эпоху бронзы снабжала скифов металлом, а некоторые формы скифской керамики восходят к так называемому фракийскому гальштату»* [1, 128]. В свою очередь, гето-даки заимствовали у скифов золотые и серебряные парадные шлемы, детали конской сбруи, трехгранные стрелы, мечи-акинаки, орнамент и др. Однако аккультурация сама по себе еще не означает передачи пассионарности от этноса к этносу. Последняя возможна только посредством массивной межэтнической брачности, поскольку *«пассионарный признак передается по наследству половым путем, о чем свидетельствует тот факт, что процессы этногенеза в*

местах, не затронутых пассионарным толчком, начинаются только после распространения на эти территории представителей уже пассионарных этносов» [5, 308].

Логично предположить, что смешение скифов с фракийцами произошло на границе ареалов их расселения. Как раз в этой зоне, в Трансильвании и областях к востоку от нее, проживал народ, в культуре которого прослеживается органичное сочетание скифских и фракийских черт, – агафирсы. Геродот ссылается на генеалогическую легенду, из которой вытекает принадлежность агафирсов к племенам скифского круга [2, IV, 9-10], но при этом подчеркивает, что «их обычаи схожи с фракийскими» [2, IV, 104]. Следуя Геродоту, Б.А. Рыбаков характеризует агафирсов как *«родичей скифов, воспринявших обычаи фракийцев»* [9, 126]. Наряду с этим он обращает внимание на археологическую подоплеку скифо-фракийского синтеза: *«Памятники фракийского гальштата господствовали на Днестре до середины VII в., а с этого времени появляются скифские. Очевидно, в это время скифоидные агафирсы наслоились на местный фракийский (?) субстрат»* [9, 126]. Таким образом, по-видимому, именно агафирсы, расселившиеся к западу от Днестра где-то после 650 г. до н.э. и подвергшиеся глубокой фракизации, стали тем промежуточным звеном, которое обеспечило переток пассионарности от скифов к северным фракийцам. На первый взгляд, такому заключению противоречит указание Геродота на миролюбие и изнеженность агафирсов [2, IV, 104]. Однако эти их качества следует связывать не с низким уровнем пассионарности, а с матриархальным характером культуры, на который явственно указывает обычай полиандрии: *«Они <...> сообща сходятся с женщинами, чтобы всем быть братьями и как родные не*

завидовать и не враждовать между собой» [2, IV, 104]. «Наслоение» на фракийский субстрат, расселение на огромной территории от Поднепровья до мурешской долины говорят о подавляющем пассионарном превосходстве агафирсов над местным доскифским населением. Ассимиляция автохтонов, сопряженная с усвоением их культуры, позволила агафирсам влиться в число фракийских племен и рассеять среди них свой пассионарный генофонд.

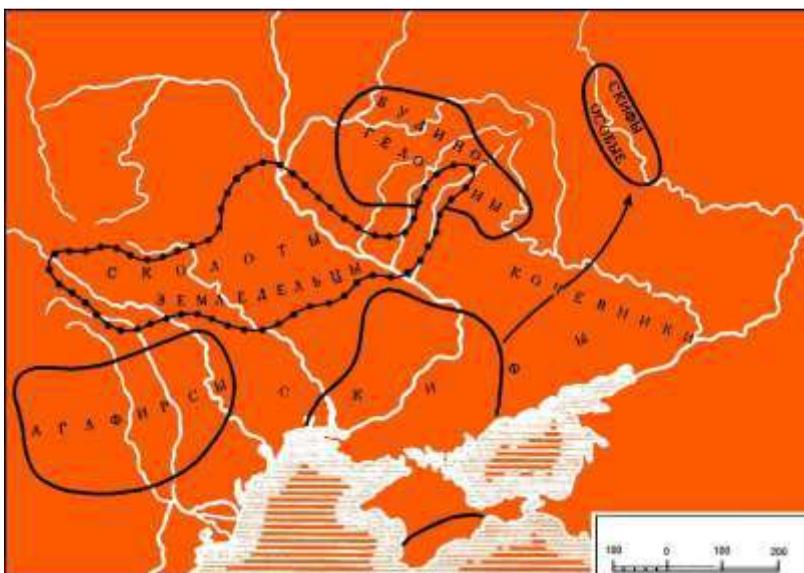

Рис. 1. Ареал обитания агафирсов по Б.А. Рыбакову

Рецепция гетами скифской пассионарности позволяет объяснить высокую активность гето-даков, наблюдаемую в последующие столетия, вплоть до начала нашей эры, когда Дакия выступила в роли самостоятельного очага этногенеза. Однако она мало что дает для понимания причин возникновения грандиозной державы Буребисты,

которая на общем фоне гетской пассионарности предстает как некая эксклюзивная spectacularная вспышка. Не подлежит сомнению, что геты никогда в своей истории не добивались столь ошеломляющих успехов, как при Бурбисте, не создавали таких колоссальных армий (по утверждению Страбона, Бурбиста имел под своим началом 200-тысячное войско [10, VII, III, 13]) и не раздвигали столь широко своих границ (как минимум, от Тисы до Буга). Очевидно, что этот кратковременный, но феерический взлет обусловлен не только и не столько наследием скифского генофонда, сколько личностью самого Бурбисты и специфическим состоянием гетского общества в его правление. Соответственно, в этом вопросе нужен другой подход и другой инструментарий. Попробуем соотнести историю бурбистовой державы с моделью сингулярного толчка или, обобщенно, сингулярности – особой формы пассионарности, описанной в работе И. Москвитина «Царь Грозы». Для начала проанализируем главные вводные сингулярности в приложении к эпохе Бурбисты.

Панэтнос. Под панэтносом понимается тот или иной этнос, который в ходе сингулярного толчка занимает господствующее положение [7: 1, 60]. В данном случае это, разумеется, геты. На основе нумизматических данных специалисты установили существование во II-I вв. до н.э. четырех крупнейших гето-дакийских племенных союзов: буров, ратаценов, сиенов и пиефигов [11, 67-68]. Последние проживали между реками Олт и Яломица – в регионе, где находилась первая столица Бурбисты (о чем будет сказано ниже). На этом основании можно предполагать, что пиефиги были ведущим племенем среди гетов в эпоху Бурбисты и его главной опорой.

Пансоциум – месторазвитие, в котором происходит сингулярное «действие» [7: 1, 37, 60-62]. Пансоциумы

бывают трех видов: стационарный, если столица на протяжении сингулярного толчка оставалась неизменной, либо инициальный и транзитивный, если она перемещалась.

Аргедаву, главный город Буребисты, исследователи отождествляют с городищем Попешть на р. Арджеш в Мунтении. Согласно другой версии, столица Буребисты находилась в Орэштийских горах в Трансильвании – по-видимому, в Сармизегетузе. Сильным аргументом в пользу этой локализации является главный вектор гетской экспансии, направленный против паннонских кельтов. Воевать с ними, имея главную базу в Мунтении, по другую сторону Карпат, было бы весьма затруднительно. Противоречие между двумя вариантами местопребывания столицы Буребисты легко снимается предположением о том, что он попросту перенес свою главную ставку из Мунтении в Трансильванию. Заключив союз с проживавшими там даками, ближайшими родственниками гетов, Буребиста перебазировал центр своей державы внутрь Карпатской дуги. Таким образом, он объединил под своей властью гетов и даков, а также вышел на передовые рубежи борьбы с кельтами. Следовательно, Аргедаву следует рассматривать в качестве инициального пансоциума, а Сармизегетузу – транзитивного.

Главное направление экспансии [7: 1, 63]. Самый мощный удар гетской военной машины, созданной Буребистой, пришелся на кельтские племена, обитавшие к северо-западу от Гето-Дакии. В 60 г. до н.э. Буребиста нанес им сокрушительное поражение в битве на р. Парис (Тиса), а в 60-58 гг. до н.э. дотла разорил область бойев и теврисков, превратив ее в Бойгем – «пустыню бойев». Только после этого, радикально решив кельтскую проблему, Буребиста развернул свои армии на юг и восток.

Сингулярная панличность [7: 1, 48]. Буребиста, безусловно, ключевая фигура рассматриваемой эпохи. Однако мы располагаем весьма незначительными данными о хронологии его правления. Нерешенной проблемой остается датировка воцарения Буребисты. Обычно считается, что он пришел к власти около 70 г. до н.э. На этом основании в 1980 г. в Румынии отмечалось 2050-летие создания «первого дакийского централизованного и независимого государства» [11, 59].

Иордан синхронизирует начало диктатуры Суллы с воцарением Буребисты и, соответственно, датирует его 82 г. до н.э. [6, 74] Хотя большинство специалистов отвергает версию Иордана, у нас нет весомых аргументов для признания ее недостоверной. Представляется очень важным, что датировка Иордана отстоит от общепринятой на 12 лет – такой же временной отрезок разделяет пусковой момент сингулярного толчка и «великий перелом» – рубеж между инкубационной фазой и фазой явного подъема, достигнув которого, пансоциум обычно резко усиливается [7: 1, 49-65]. По всей видимости, Буребиста в 82 г. до н.э. возглавил сравнительно небольшое племенное княжение пиефигов, а около 70 до н.э. объединил гето-дакийские племена под своей властью. Надо полагать, в это же время или чуть позже он перенес столицу в Сармизегетузу. Таким образом, две датировки воцарения Буребисты не только не противоречат друг другу, а напротив, хорошо согласуются, поскольку указывают на разные этапы его возвышения.

Теперь попытаемся сопоставить наиболее важные события эпохи Буребисты с реперными точками сингулярного толчка [7: 1, 50-51]:

Точка сингулярности: 82 г. до н.э. – Буребиста возглавляет пиефигов.

Точка «великого перелома»: 70 г. до н.э. – Бурбиста объединяет под своей властью 4 племенных союза гето-даков и, возможно, переносит столицу в Сармизегетузу.

Начало акматической фазы: 60 г. до н.э. – Бурбиста наголову разбивает кельтов в битве на р. Парис (Тиса).

Пиковая точка сингулярности (короткий период максимального могущества пансоциума, отстоящий от начала сингулярного толчка на 28-32 года [7: 1, 66]) – между 55 и 50 гг. до н.э. Бурбиста громит греческие города Левобережного Понта.

Начало фазы надлома: 44 г. до н.э. – заговорщики убивают Бурбисту, а созданная им держава распадается.

Дальнейшее сличение событий и реперов практически невозможно, так как история Гетики в последующие десятилетия известна очень плохо. Из той скудной информации, которой мы располагаем, можно выделить всего несколько фактов, имеющих значение для нашего анализа:

1) На территории царства Бурбисты образовалось сначала четыре, затем пять княжеств. С учетом неизбежного сопутствующего отпадения инородческих племен распад, по-видимому, носил прогрессирующий характер.

2) В 29 г. до н.э. гето-даки и бастарны атаковали римские провинции к югу от Дуная. В ответ римляне в 29-28 гг. до н.э. провели два карательных похода, в ходе которых гето-даки и бастарны были разгромлены.

3) На рубеже нашей эры римляне совершают еще несколько походов за Дунай, в результате которых геты и даки систематически терпят поражения (речь о кампаниях Марка Виниция, Тиберия, Гнея Корнелия Лентула и Секста Элия Ката, не поддающихся точной датировке). По свидетельству Страбона, один из них – вероятно, самый удачный – даже увенчался принудительным переселением

50 тыс. гетов в Мезию [10, VII, III, 10]. Кстати, тот же Страбон отмечает: «Геты и дакийцы, достигшие когда-то высшей степени могущества и бывшие в состоянии выставлять войско в 200000 человек, теперь настолько ослабели, что могут выставить только около 40000 человек и почти что дошли до подчинения римлянам» [10, VII, III, 13].

Эти данные не позволяют говорить о какой-либо реновации гетского могущества и, соответственно, о достижении Гетикой стадий сингулярного толчка, сопряженных с новым усилением пансоциума, – фаз инерции и постсингулярной регенерации. По всей видимости, обвал 44 года до н.э. был полным и необратимым. Таким образом, все говорит о том, что смерть Бурбисты повлекла за собой сингулярное смещение, то есть насильственное прерывание сингулярного толчка, что довольно типично для фазы надлома [7: 1, 66].

Теперь, установив в общих чертах релевантность сингулярной модели применительно к эпохе Бурбисты, а также хронологические рамки последней, совпадающие с его правлением, – 82-44 гг. до н.э., мы можем перейти к более обстоятельному описанию соответствующего толчка в виде сингулярной таблицы.

Таблица
Сингулярный толчок 82-44 гг. до н.э.,
обозначенный фигурой Бурбисты

Сингулярная панличность	Бурбиста (82-44 до н.э.)
Панэтнос	геты (пиефиги)
Пансоциум	Инициальный пансоциум – Мунтения, г. Аргедава Транзитивный пансоциум – Трансильвания, Дакия, г. Сармизегетуза

Главное направление экспансии	северо-западное (война с кельтами)
Временные рамки сингулярного толчка (74,5 года)	82-44 до н.э. (в 44 до н.э. произошло сингулярное смещение)
Точка сингулярности	82 до н.э. – Бурбиста становится князем пиефигов.
Сингулярный подъем: инкубационный период (12-14 лет)	(нет данных)
Великий перелом (12-14 лет после точки сингулярности)	Около 70 до н.э. – объединив под своей властью племенные союзы буров, ратаценов, пиефигов и сиенов, Бурбиста создает единое гето-дакийское царство, а также переносит столицу из Аргадавы в Сармизегетузу.
Сингулярный подъем: явный период (8-10 лет)	<p>Бурбиста подчиняет все гето-дакийские племена, проживавшие в Карпатах и за их пределами.</p> <p>Бурбиста создает огромную армию, насчитывавшую в период всеобщей мобилизации 200 тыс. человек.</p> <p>Опираясь на поддержку дакийского жречества во главе с могущественным Декенеем, Бурбиста вводит новые законы – т. н. белегинес – обеспечившие концентрацию власти в руках царя. Одновременно Бурбиста и Декеней проводят религиозную реформу, в ходе которой искореняют среди гето-даков винопитие, связанное с почитанием Диониса, а также возрождают культы Залмоксиса и Гебелейзиса.</p> <p>61 до н.э. – западно-понтийские греки</p>

	<p>при помощи бастарнов, скифов и гетов наголову разбивают римлян в битве при Истрии.</p> <p>61-60 до н.э. – Бурбиста опустошает царство скордисков.</p>
<p>Акматаическая фаза (14-16 лет)</p>	<p>60 до н.э. – Бурбиста наносит бойам, теврискам и скордискам сокрушительное поражение в битве на р. Парис (Тиса).</p> <p>60-58 до н.э. – война с бойями и теврисками, в ходе которой Бурбиста подвергает их земли неслыханному разорению.</p> <p>После 58 до н.э. – Бурбиста систематически грабит Фракию до границ Македонии и Иллирии; при этом он захватывает земли между Дунаем и Гемом, покорив мезов, сердов и др.</p> <p>Около 55 до н.э. – удачная война с бастарнами.</p> <p>Между 55 и 50 до н.э. – в ходе ряда кампаний против западно-понтийских греков Бурбиста до основания разрушает Ольвию, Истрию и Одессос (Варну), а также вынуждает все города от Ольвии до Аполлонии признать свою зависимость от него.</p> <p>Около 50 до н.э. – геты доходят до Днестра, где разрушают ряд городищ.</p> <p>48 до н.э. – Бурбиста заключает союз с могущественным римским полководцем Помпеем, после смерти которого начинает подготовку к войне с Цезарем.</p> <p>Подчинив множество кельтских, иллирийских и фракийских племен, Бурбиста создает огромную державу, простиравшуюся от Тисы до Буга и от Северных Карпат до Балканских гор.</p> <p>При содействии греческих мастеров Бурбиста ведет масштабное гражданское и культовое строительство в Сармизегетусе и ее окрестностях; с их помощью он возводит вокруг своей столицы пояс мощных оборонительных</p>

	<p>сооружений.</p> <p>Буребиста начинает чеканку собственной монеты. В его правление бурный расцвет переживают металлургия, ювелирное искусство и торевтика гето-даков.</p>
<p>Надлом (8-12 лет)</p>	<p>44 до н.э. – Буребиста погибает в результате заговора аристократов. Созданная им держава погружается в смуту и распадается – сингулярное смещение.</p>

Рис. 2. Завоевания Буребисты

Таким образом, мы вправе констатировать, что история державы Буребисты органично укладывается в модель сингулярного толчка, поскольку все указанные в таблице события релевантны его фазам и реперным точкам, а нерелевантные нам неизвестны. Толчок, обозначенный фигурой Буребисты, следует отнести к

многочисленной группе сингулярных толчков, переживших смещение в фазе надлома. Пожалуй, наибольшим сходством с ним обладает толчок «Ассирия-2», отмеченный образом Тукульти-Нинурты I, – его временные рамки тоже совпадают с правлением сингулярной панличности, причем длительность этого правления также составляет 37/38 лет (1244-1207 гг. до н.э.); подобно Бурбисте, Тукульти-Нинурта I в фазе надлома был свергнут и убит, что ознаменовало закат созданной им империи [7: 1, 90-91].

Литература

1. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до IV в. до н. э.). – Л.: ЛитМир, 1974. – 156 с.
2. Геродот. История в девяти книгах. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
3. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. – М.: АСТ, 2008. – 416 с. ISBN: 978-5-17-064745-3
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: «Институт ДИ-ДИК», 1997. – 640 с. ISBN 5-87583-007-7
5. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с. ISBN 5-88621-003-2
6. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – СПб.: Алетейя. 1997. – 506 с. ISBN: 5-89329-030-1
7. Москвитин И. Царь Грозы. В 2 т. – СПб.: Нестор-История, 2019. 784 с. + 698 с.
8. Никулицэ И.Т. Северные фракийцы в VI-I вв. до н. э. Кишинёв: Штиинца, 1987. – 270 с.
9. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. – М.: Наука, 1979. – 242 с.
10. Страбон. География в 17 книгах. – М.: Ладомир, 1994. – 944 с.
11. Фёдоров Г.Б., Полевой Л.Л. «Царства» Биребисты и Децебала: союзы племён или государства // Вопросы истории. 1984. № 7. Стр. 59-80.

**КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В РОССИИ
В КОНЦЕ XVIII СТОЛЕТИЯ
(«ПОЛЬСКИЕ РАЗДЕЛЫ»)**

Сергей Рыбак,

доцент, *докторант*
православного богословского
факультета Прешовского
университета

(Прешов, Словакия)

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос о присоединении к Российской империи земель Речи Посполитой в конце XVIII столетия в результате так называемых трех этапов «польского раздела»; исследуются принципы государственной политики России на присоединенных территориях, поднимается вопрос о свободе вероисповедания, так как на данных землях проживали представители разных конфессий. В связи с тем, что процесс присоединения осуществлялся не только политическими методами, отмечается, что это приводило к многочисленным кровопролитным восстаниям. Особое внимание обращается на положение еврейского населения, для которого была введена «черта оседлости».

Ключевые слова: *Польские разделы, восстание, западные территории, вероисповедание, черта оседлости, ассимиляция населения.*

**CONFESSIONAL ISSUES IN RUSSIA AT THE END OF THE
18TH CENTURY ("POLISH PARTITIONS")**

Summary. The given article examines the issue of the accession of the lands of the Commonwealth to the Russian Empire at the end of the 18th century as a result of the so-called three stages of the «Polish division»; the principles of the state policy of Russia in the annexed territories are investigated, the question of freedom of religion is raised, since representatives of different confessions lived on these lands. Due to the fact that the process of accession was carried out not only by political methods, it is noted that this led to numerous bloody rebellions. Special attention is

paid to the position of the Jewish population, for which the Pale of Settlement was introduced.

Keywords: *Polish division, rebellion, Western Territories, confession, Pale of Settlement, assimilation of the population.*

После «петровского» расцвета в конце XVII - начале XVIII столетия Российская империя погрузилась на несколько десятилетий в нестабильность и хаотичность, что касалось, прежде всего, царствующих особ. В течение неполных сорока лет у Российской империи было 6 императоров. И только в 1762 году престол заняла Екатерина II (Великая), которая правила 34 года и с которой связывают очередной расцвет Российской империи. При Екатерине границы империи были значительно расширены на запад (разделы Речи Посполитой) и на юг (присоединение Новороссии, Крыма и части Кавказа). К концу 18 века к России присоединились земли Украины, Белоруси и Литвы в результате многолетней политики по разделу Польши. Необходимо отметить, что вместе с землями Россия получила разноконфессиональное население со своим ментальным, культурным, религиозным укладом.

Одним из основных вопросов, который поднимала Россия, - это свобода вероисповедания и уравнивание в правах с римскими католиками православных, протестантов и униатов. Влияние российской империи было настолько сильным, что в 1768 году некаатолики были уравнены в правах с католиками, что вызвало негодование у римско-католической епархии Речи Посполитой. В результате четырехлетней войны и нескольких разделов Польши Россия получила западные территории.

Зачастую присоединение земель сопровождалось не только политическими методами - во многих случаях

использовалась сила и репрессии. Следует вспомнить хотя бы восстание гайдамаков в 1768 году на Украине. Оно было спровоцировано несправедливой экономической, социальной, религиозной политикой элиты Речи Посполитой. В восстании участвовали православное крестьянское и казаческое население Правобережной Украины. Возглавил это восстание послушник Мотронинского монастыря, запорожец Максим Железняк [1]. Восстание сопровождалось многочисленными жертвами среди неправославного населения, в том числе поляков, евреев, старообрядцев. По словам Максима Железняка, *«...поляков, жидов, а притом и тех, кои во услужении конфедератов были веры греческой, поcolato немалое число, а сколько — доподлинно знать не могу, однако думаю, не менее как всех мужеского и женского пола, даже до сущих младенцев, тысячи две человек поcolato»* [2]. По другим данным, в результате «Уманский резни» погибло свыше 10 тысяч поляков, евреев и других *«официальных врагов»* [3]. *«Резня была так велика и ужасна, что кровь зарезанных стояла в синагоге выше порогов... Потом буяны вынесли из синагоги все свитки Торы, разложили их по улицам города и верхом проезжали по ним...»* - так описывал эти события современник [4]. Нельзя утвердительно сказать, что причиной таких действий повстанцев послужили религиозные мотивы. Скорее, как уже говорилось, они были спровоцированы, в первую очередь, политикой правящей элиты на этих территориях. Например, архимандрит Мельхиседек Значко-Яворский, игумен Мотронинского монастыря, так писал в те дни: *«...Прячьтесь, убегайте, а к гайдамакам не примыкайте... Лучшие безвинно пострадать, чем виноватым жить»* [5].

Похожие события происходили на Подолье и на

Волини. Эти события, естественно, накладывали отпечаток на дальнейшую жизнь на этих землях населения с различным вероисповеданием.

После первого раздела Польши в 1772 году проходила ассимиляция населения территории Беларуси (части Витебщины и Могилевщины), которая отошла к Российской империи. На этих территориях находились Белорусская православная епархия, униатская и католическая диоцезии, а также проживало протестантское, иудейское и старообрядческое население [6]. Большим по численности было еврейское население, которое исповедовало иудаизм, по состоянию на 1793 год оно составляло 52 212 человек [7]. Согласно указам, все еврейское население должно быть приписано к кагалам, а во главе кагальной организации стоял раввин [8]. Он санкционировал решение кагала, председательствовал в религиозном кагальном суде, исполнял религиозные обряды, накладывал харем (анафему) на непослушных и виновных, наблюдал за религиозным образованием, был толкователем Закона и решал возникавшие религиозные вопросы [9]. В первые годы присоединения Белорусских территорий правительство Российской империи не спешило вмешиваться в духовные дела евреев. Однако уже в 1773 году некий купец Шнеер из Могилева подает на имя императрицы Екатерины II записку, в которой выступает против всеислия кагалов. Он отмечал, что почти везде раввинство сдавалось «на откуп» и в итоге раввинские должности занимали недостойные люди. В результате некоторые люди обогащаются в то время, как большая часть народа живет в совершенной бедности и обременяется незаслуженными долгами. После этого были собраны депутаты от кагалов в августе 1773 года и в присутствии губернатора составили «Учреждение о

кагалах», согласно которому раввины должны были избираться пожизненно из старшин и кандидатов. Вместе с судьями раввин разбирал духовные дела, денежные споры, отношения с иноверцами [10].

Второй раздел Польши в 1793 году утвердил присоединение к Российской империи литовских земель, восточной части Полесья, а также Подолья и Волыни [11]. Именно на этот период приходится еще одно восстание, которое, напротив, связано с возвратом Белорусских земель под управление Речи Посполитой и восстановлением Польши в границах 1772 года. Восстание охватило территорию Литвы и западную часть Беларуси. Возглавил восстание Тадеуш Костюшко, провозгласив «Акт восстания» в Кракове. По мнению белорусских историков, Андрей Тадеуш Бонавентура Костюшко был крещен в униатской церкви, а имена Святых Тадеуша и Бонавентуры были даны ему как имена глубокопочтимых святых католической церковью [12]. Среди участников были шляхтичи, духовенство, мещане. Евреи также принимали активное участие в вооруженной борьбе. В 1794 году, во время восстания под предводительством Костюшко, был сформирован еврейский полк легкой кавалерии [13]. Когда в 1794 году российская армия взяла Прагу, жертвами в большом числе стали еврейские жители варшавского предместья.

Поражение восстания Костюшко привело к окончательному разделу Польши. В 1795 году состоялся третий раздел, в результате которого к Российской империи отошли литовские земли и польская территория к востоку от Буга.

В результате Россия получила самую многочисленную еврейскую общину в мире, хотя ранее запрещала проживание евреям на территории государства

по религиозно-идеологическим причинам (например, в одном из указов императрицы Елизаветы Петровны приводится такое «богословское» определение характера евреев: *«имени Христа Спасителя ненавистники», от которых «нашим верноподданным крайнего вреда ожидать должно»* [14]).

Евреям в составе всего присоединенного населения земель русское правительство вынуждено было обещать равноправие, автономию и свободу вероисповедания. Поскольку тогда в России не существовало отдельного еврейского сословия, евреи юридически были уравнены в правах с мещанами. Однако уже в 1791 году императрица Екатерина II подписывает указ, которым ограничивалась территория, на которой могли проживать евреи и заниматься различными промыслами. Эта территория впоследствии стала называться «зоной оседлости». Кроме того, в 1794 году принимается закон, по которому подушная подать (налог на каждого члена общины) еврейских мещан и купцов была увеличена в два раза по сравнению с податью, которую платили мещане христианского вероисповедания [15].

Так, с одной стороны власти считали евреев нежелательным элементом, представителями или агентами польской шляхты, поэтому их пытались всячески изолировать, создавая черту оседлости и не допуская к определенным сферам жизнедеятельности; с другой стороны, некоторые государственные деятели, такие, как Сергей Уваров (русский государственный деятель, министр народного просвещения России) и Павел Киселев (русский государственный деятель), считали, что евреев можно превратить в полезных для России граждан (несмотря на то, что тогда в России не было гражданства).

По разным источникам, количество еврейского

населения, отошедшего к разным участникам польского раздела, значительно разнится. Так, на землях, которые аннексировала Россия, в 1772 году проживало около 45 тысяч евреев, но уже в конце третьего раздела Россия приобрела земли с 289 тысячами человек еврейского населения (по данным польской переписи 1765 года) [16].

Оказавшись под влиянием России, евреи не были однородными и едиными по своим традициям и культуре. Литовские евреи проявляли традиционное неприятие центральной власти. Это отличало их от поведения евреев, проживавших на польских землях. К последним относятся и молдавские евреи, основную часть которых составляли евреи-ашкеназы, выходцы из внутренних частей Польши. Белорусские евреи, при всем нежелании подчиняться единому органу управлению, отличались удивительной однородностью. Однако, в целом, у русских евреев так и не сформировалась верховная центральная инстанция, которая решала бы общие глобальные вопросы. Решение таких вопросов отдавалось на откуп видным общественным деятелям или старшинам кагалов. Эта разобщенность, в частности, проявилась при сопротивлении бурному распространению хасидизма. В своем большинстве евреи новых русских земель оставались верны старым традициям. Основная масса русских евреев состояла из ашкеназов и сохраняла культуру и традиции, идущие от средневековых общин Германии. В повседневной жизни они говорили на идише, а иврит использовался в богослужении. Еврейскую молодежь обучали на догматах Торы и Талмуда. Русско-польские евреи старались сохранить сложившийся уклад и не допустить идеи еврейского Просвещения, носителем которой была философская школа Моисея Мендельсона.

По внешности и языку евреи представляли

культурный анахронизм - длинные бороды и пейсы пользовались почитанием у польских евреев, в одежде они тоже следовали старым традициям. Таким образом, новые русские подданные отличались от христианского населения своей верой, речью, одеждой и были обособлены политически. Они представляли собой очевидную, хотя и не первоочередную, проблему для российских властей.

Литература

1. Грушевський М.. Том 22: Нарис історії українського народу.
2. Яковенко Н.М. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. — Київ: Генеза, 1997. — С. 335.
3. Колиивщина [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Колиивщина>.
4. Пашенко Д. Кровь зарезанных стояла в синагоге выше порогов [Электронный ресурс]. – Режим доступа. /<https://diletant.media/artikles/36200132/#>.
5. Архив Юго-Западной России / Часть 1. Том 3: Материалы для истории православия в Западной Украине в XVIII ст. Архимандрит Мельхиседек Значко-Яворский. 1759-1771. - 1864. - 911с.
6. Филатова Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772-1860 гг. / Е.Н.Филатова.-Мн.: Бел. наука, 2006. - 192 с. ISBN 985-08-0706-7.
7. Анішчанка Я.К. Генеральнае межаванне на Беларусі. - Мінск: Веды, 1998. - 211 с.
8. Полное собрание законов Российской империи: Сбор. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: В 45 т. - СПб.: тип. отд. Е.И.В. канц., 1830 - 1849. - Т. 19, 1830. - 936 с.; Т. 20. - 1054 с.; Т. 21. - 1070 с.; Т. 22. – 1060 с.; Т. 23. - 1045 с.; Т. 25. - 987 с.
9. Кузнецова С. Еврейские общины Беларуси в конце XVIII - начале XX века. - Минск: РИП «Петит», 1998. - 32 с.
10. Анищенко Е.К. Черта оседлости. - Минск: Арти-Фекс, 1998. - 160 с.
11. Jerzy Lukowski; W.H. Zawadzki. A Concise History of Poland: Jerzy Lukowsky and Hubert Zawadzki. - Cambridge University Press, 2001. - С. 96 -103. - ISBN 978-0-521-55917-1.
12. ВОССТАНИЕ 1794 г. В БЕЛАРУСИ [Электронный ресурс]. –Режим доступа. www.gistoryja.ru/vtoraya-polovina-XVI-konec-XVIII-v/89-vosstanie-1794-g-v-belarusi.php
13. Andrzej Krzysztof Kunert, Andrzej Przewoznik. Zydzi

polscy w sluzbie Rzeczypospolitej. - Warszawa: Rada Ochrony Pamieci Walk i Mecenstwa, 2002. - С. 26 i dalej. - ISBN 8391666336.

14. Этот день в истории: 13 декабря 1742 года издан указ о «высылке жидов» [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://eadaily.com/ru/news/2016/12/13/etot-den-v-istorii-13-dekabrya-1742-goda-izdan-ukaz-o-vysylke-zhidov>

15. Евреи Польши в XIX-XX веках [Электронный ресурс]. –Режим доступа.

<https://www.yadvashem.org/ru/education/projects/phoenix/history/polish-jews3.html>; [Дамьян В.В. Евреи молдавского княжества накануне вхождения Бессарабии в состав Российской империи //Славянские чтения. Научно-теоретический журнал/ Славян. ун-т – 2019. - № 13\(19\) с. 76-89. ISBN 978-9975-9915-7-5](#)

16. Речь Посполита — «рай для евреев» [Электронный ресурс]. –Режим доступа. <https://jewish.ru/ru/stories/reviews/3137/>

ПАМЯТИ Г.Ф. БОГАЧА

*Грабовская Валентина Николаевна,
музеограф Дома-музея А.С. Пушкина
(г. Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о самобытном таланте А.С. Пушкина-графика. Научный интерес к графическому искусству Пушкина лишь недавно стал привлекать внимание исследователей. Особенно обращается внимание на творчество Пушкина кишиневского периода, которое характеризуется определенной спецификой.

В статье отмечается, что за неполных три года своей кишиневской ссылки Пушкин нарисовал почти 200 портретов своих новых знакомых; из этой огромной галереи опознанными считались около двух десятков. Особо обращается внимание на вклад в изучение графического мастерства А.С. Пушкина выдающегося молдавского пушкиниста Г.Ф.Богача, опираясь на методику которого автор статьи смог исследовать рукописи Пушкина, в которых были обнаружены трагический двойной портрет вождя валашского восстания Тудора Владимиреску и изображение молдавского гайдука Штефана Бужора в момент его казни.

Ключевые слова: *графика, А.С. Пушкин, кишиневский период, рукописи, портрет.*

Adnotare. Talentul original al lui A. Pușkin ca artist grafic, a atras interesul de mult timp a cercetătorilor. Interesul științific pentru arta grafică a lui Pușkin, în originea desenelor sale și definiția personajului său, precum și cercetările privind identificarea portretelor, au început să apară abia în anii 30 ai secolului al XX-lea.

Portretele perioadei de la Chișinău au propria lor particularitate: „... un amestec pestrîț de naționalități și origini sociale care trăiesc unul lângă altul, strâns, intercalate, oferind contururilor grafice un colorit deosebit, pe care ulterior Pușkin nu a întâlnit-o niciodată în viața sa și nu s-a reflectat în manuscrise” (A.M. Efros)

În cei aproape trei ani incompleți ai exilului său la Chișinău, Pușkin a pictat aproape 200 de portrete ale noilor cunoscuți. Din această galerie imensă, aproximativ două duzini au fost considerate identificate. Remarcabilul pușkinist moldovean G.F. Bogach a reușit să identifice încă patruzeci de portrete din cartea anturajului poetului, folosind unica sa „Metodă de identificare a portretelor exilului sudic al lui Pușkin”.

Tehnica lui Bogach l-a ajutat pe autorul articolului să vadă pe manuscrisele lui A. Pushkin, tragicul portret dublu al liderului Răscoalei din Muntenia, Tudor Vladimirescu, și imaginea haiducului moldovean Stefan Bujor la momentul execuției sale.

Cuvinte-cheie: *A. Pușkin, grafica, perioada de la Chișinău, manuscrisele, portret.*

*«Одна черта руки моей ...»
(А.С. Пушкин)*

Давно уже привлекает внимание исследователей самобытный талант Александра Сергеевича Пушкина-графика. На полях своих черновиков и на отдельных листах Пушкин оставил почти две тысячи рисунков. Это орнаментальные наброски, лошади в движение, птицы в полете, деревья, кустики, женские ножки, иллюстрации к своим и чужим художественным произведениям, пейзажи. Но больше всего у Пушкина портретов – почти тысяча. За вычетом повторяющихся (одних автопортретов более девяноста!) остается почти 800 лиц - портреты известных и неизвестных нам людей - профили, головы и иногда фигуры.

Современники восторгались этим даром поэта. Добрый приятель Пушкина, поэт В.И. Туманский, в письме из Одессы в 1823 году даже поставил знак равенства между «Иисусом Христом нашей поэзии» и «Пушкиным-живописцем»: *«... его карандаш столь же хорошо рисует ... сколько перо его описывало прежде первую ночь Людмилы или последнее свидание пылкой черкешенки»* [2]. Кишиневские знакомые признавали поразительный талант Пушкина-рисовальщика. Описывая встречу с молодым поэтом в доме бессарабского вице-губернатора Матая Крупенского, неизвестный французский путешественник отметил, что Пушкин *«очень остроумно рисовал карикатуры»* [2] и сравнивал его с французским скульптором Дантоном-младшим, прославившимся карикатурными бюстами, выполненными в гипсе, на выдающихся людей того времени: Паганини, Россини, Гюго, Листа, Бальзака, Дюма и многих других. *«Каждый вечер поэт, вооруженный кусочком мела, обходил ломберные столы и на каждом углу зарисовывал с совершенным сходством портреты-шаржи игроков. Это был неиссякаемый источник веселья для общества»* [2]. Об этом вспоминал в своем дневнике задушевный друг Пушкин Владимир Горчаков. *«Действительно, Пушкин имел особенный дар юмористически изображать физиономии и вообще всю фигуру»*, - подтверждал в своих воспоминаниях «добрый приятель» поэта Иван Петрович Липранди. *«... Пушкин имел очевидную способность к рисованию, - добавляет В.Горчаков. - У меня еще на памяти сделанный им рисунок его собственной личности. Он нарисован карандашом во весь рост в сюртуке, без шляпы, словом, точно такой, каким изображен в статуэтках, появившихся вскоре после его кончины»*

Однако собственно научный интерес к графическому искусству Пушкина, к происхождению его рисунков и

определению его характера, а также исследования по идентификации портретов стали появляться лишь в 30-х годах XX века. Украсили советскую графическую пушкиниану такие маститые ученые, как художественный критик и искусствовед А.М.Эфрос, литературовед Т.Г.Цявловская. Каковы же основные свойства пушкинской графики? Ответ дала Т.Г.Цявловская: «Бьющая через край талантливость Пушкина в портретных набросках, редкая зоркость глаза, неисчерпаемая вдохновенность превращали его наброски в драгоценные свидетельства о внешности человека. И не только внешности. Пушкин-художник проникал во внутренний мир человека. Острота характеристики, выразительность рисунка при суровом лаконизме его, необыкновенная артистичность и являются основными свойствами вообще графики Пушкина. Это те же черты, которыми исполнены его поэзия и проза.»

У портретов кишиневского периода имеется своя особенность. Вот как писал об этом А.М.Эфрос: *«Экзотика быта, экзотика встреч, экзотика типов, в особенности в русско-молдавском Кишиневе, врезывалась в память и располагала к наброскам...; а пестрая смесь национальностей и сословий, уживающихся рядом, тесно, вперемежку, придавала графическим очертаниям особую красочность, которую потом Пушкин уже нигде не встречал в жизни и не отражал в рисунках, Его южная графика богата контрастностью людских обликов. Но кто они? В большинстве - они неопределимы; это - люди без иконографической документации; их никто никогда не портретировал, ибо они – маленькие провинциальные фигуры. Пушкинские зарисовки в черновых рукописях – их единственная портретная галерея»* [1].

За не полных три года своей кишиневской ссылки Пушкин нарисовал почти двести портретов своих новых

знакомых. Из этой поистине огромной галереи до недавнего времени опознанными считались около двух десятков. В их числе были и те, которых поэт знал по Петербургу, но которых здесь, как всегда рисовал по памяти – у Пушкина была феноменальная зрительная память. Георгий Феодосиевич Богач, молдавский литературовед, фольклорист, текстолог, филолог, пушкинист, считал необходимым изучение графического наследия А.С.Пушкина. *«В настоящее время, при применении опыта и методов атрибуции, разработанных названными выше учеными, стала возможной идентификация еще сорока моделей Пушкина-рисовальщика»* [5].

Разгадка тайны рисованного в несколько штрихов портрета – настоящее искусство. Пушкин почти никогда рисунков своих не подписывал. Выискать, сопоставить, проанализировать, доказать свою версию – не так-то просто. Этой наукой великолепно владел Г.Ф. Богач. Разработки, находки ученого, стали открытием, откровением. Ему удалось определить, по его собственным словам, сорок портретов из книги окружения поэта, тем самым внесли значительный вклад в молдавскую Пушкиниану

Зачем нам знать, кого именно портретировал Пушкин? Г.Ф.Богач отвечает так: *«Портрет, нарисованный зорким, наблюдательным, пронизательным, а в данном случае – гениальным поэтом, передает не только внешность и особую психологию модели, ее внутренний мир, но, главным образом, и отношение к портретируемому самого рисовальщика. А для науки о жизни и творчестве Пушкина это весьма важно: каждый портрет становится документом, определяющим отношение поэта к своему окружению»* [5].

Разгадка портрета – процесс необычайно сложный, как известно, и для профессионального искусства. Нередки различные толкования одного и того же пушкинского портрета. В ряде случаев сбивчивость «запрограммирована» самим автором. Пушкинские рисунки – графика не просто художественно одаренного человека, это – рисунки ПОЭТА. К миру современников Пушкин нередко прибавлял облики, созданные его фантазией, его творческим воображением. Выделить их не всегда легко. Пушкин обращался с ними, как с живыми. Создавая их, перетасовывал черты окружающих людей. И получались не портреты конкретных лиц, а художественные образы, нарисованные Пушкиным-писателем.

Г.Ф. Богач разработал специальную «Методика идентификации портретов периода южной ссылки Пушкина». Судьба подарила мне встречу с этим великим исследователем. Среди сохранившихся у меня записей Георгия Феодосиевича есть рукописный лист с перечнем лиц из кишиневского окружения поэта, которые ему удалось расшифровать. Этот список разделен на две части: список портретов, опознанных всеми искусствоведами и литературоведами до 1986 года (20 лиц) и список портретов, опознанных Г. Богачем (40 лиц). Эти шестьдесят портретов теперь и составляют единственную молдавскую галерею.

Среди портретов, опознанных Г.Ф. Богачем, мы видим имена князя Георгия Михайловича Кантакузина и княгини Елены Кантакузин.

На листе кишиневской рукописи Пушкина (ПД, № 831, л. 46, июль 1821 г.) с программой поэмы «Братья разбойники», рядом с портретами Марата (одного из вождей французской революции), Занда (немецкого революционера), Лувеля (французского революционера),

Александра Ипсиланти (главы Гетерии в Молдавии и Валахии), по мнению Г.Ф.Богача, в парном портрете изображены князь Георгий Кантакузин (один из вождей Гетерии) и его жена Елена (урожденная княжна Горчакова).

Автор известной книги «Дон-Жуанский список Пушкина» (1923) Петр Губер видит здесь Екатерину Григорьевну Альбрехт, а исследовательница Любовь Краваль (в монографии «Рукописи Пушкина как графический дневник», 1997) высказала мнение о том, что это парный портрет гайдука Штефана Бужора и Екатерины Альбрехт.

В истории молдавского гайдучества Бужор был одной из самых романтических и ярких фигур. Народная память окружила его легендами и сложила о нем замечательные песни: «Ой, зеленая метелица! По дороге пыль клубиться, На помост Бужор идет, Горько плачет весь народ, - Это смерти черный путь, И с него уж не свернуть...». Юная Катинки Канта представлена главной героиней, предметом последней любви Бужора в народных преданиях Молдавии, которые были широко использованы в румынском историческом романе Джордже Алмаши «Здравствуй лес, дружище!» (Almas D. Alei codrule firtate/ Bucuresti, 1956).

Екатерина (рожд. ок. 1790) из старинного молдавского рода Башотэ, богатая, образованная девушка с европейскими манерами в шестнадцать лет стала женой Константина Канта, сотрудничавшего со знаменитым гайдуком Бужором. В апреле 1811 года в Яссах (во время русско-турецкой войны 1806-1812 годов) были казнены гайдук Бужора и два его покровителя из знатных и богатых боярских родов: Константин Канта и Илие Катаржи. За казнь Катинка Канта наблюдала из окна своей кареты. Молодая женщина недолго оставалась вдовой: она вышла

замуж за интенданта русских войск Алексея Бологовского, но вскоре познакомилась с командиром лейб-гвардии Уланского полка, генералом Александром Альбрехтом, за которого вышла замуж снова – но и этот брак распался. Екатерины Григорьевны обладала весьма ревнивым и деспотичным характером. В Кишиневе, куда в 1821 году (после разгрома греческого восстания) Екатерина бежала вместе со своими родными из Ясс, она была известна как Екатерина Альбрехт (Альбрехтша). Пушкину хорошо была знакома от очевидцев история гайдука Бужора. Молодой поэт увлекся прекрасной молдаванкой и откровенно признался, что в Екатерине Альбрехт его привлекают «пылкие страсти» и ее «историческое» прошлое. Возможно, именно Екатерина Альбрехт подразумевается под именем «Катерина Ш» в «Дон-Жуанском списке» Пушкина: оно стоит в непосредственной близости с именами «Калипсо» и Пульхерия» - увлечениями поэта в кишиневский период его жизни.

Так кто прав? Краваль и Губер или Богач?

Согласно «Методике идентификации портретов периода южной ссылки Пушкина», разработанной Г.Ф. Богачем, *«первым и наиболее надежным методом является сличение рисунка с имеющейся документальной иконографией»* [5]. Это может быть портрет в масле, любой другой, его репродукция в печати или даже фотография. В любом случае следует учитывать анатомические изменения лица вследствие старения. *«Другим средством определение моделей является сравнение рисунка с наличным литературным портретом»* [5]. Есть и еще один важный метод: *«Мужа и жену Пушкин часто рисовал рядышком. Если по иконографии известен хоть один из них, легко предположить, что перед нами действительно пара. Парой же рисовал поэт друзей, возлюбленных. А иной раз*

высыпал на ту же страницу целый пучок портретов, связанных чем-то общим», - писал Г.Ф.Богач. Князя Г.М. Кантакузина Пушкин рисовал не один раз. «Хронологический критерий обязателен. Разным было отношение Пушкина к князю Георгию Матвеевичу Кантакузину. В начале Гетерии он дважды рисовал его то в окружении европейских революционеров, то под или рядом с боевыми знаменами. Но когда этот князь позорно сбежал с поля боя, Пушкин нарисовал его карикатурно: с бородкой и бакенами, которые тот поклялся в Божьем храме сбрить только после взятия Константинополя. Четвертый раз он запечатлел этого человека горько плачущим как раз тогда, когда турки требовали его выдачи. В ряде случаев перечисленные методы пересекаются и бьют в одну цель» [5].

Сейчас мы можем доказать идентификацию Г.Ф. Богача сличением рисунка Пушкина с появившемся сравнительно недавно иконографическим документом, в данном случае с литографией семейного портрета князей Елены и Георгия Кантакузиных и их детей: Григория, Льва, Георгия, Михаила, Николая, Аспазии и Ольги (написанного в 1838 году и подаренного Дому-музею А.С. Пушкина в 1996 году Жаном Мишелем Кантакузен, профессором из Парижа, представителем рода Кантакузиных). Г.Ф.Богач не мог видеть этот портрет. Не вызывает сомнения тот факт, что на рукописи Пушкина и на семейном портрете изображены одни и те же лица: Георгий Кантакузен и его жена Елена - черты их лиц совпадают: запоминающийся взгляд князя, характерный подбородок у Елены). Кроме того, мы видим, что на рисунке на голове князя Кантакузина – греческий военный головной убор (Бужор же носил черную молдавскую баранью шапку). Возраст тоже важен: скорее Пушкин изобразил двадцатилетнюю Елену, а не юную

Катинку Канта). Еще одно доказательство заключается в том, что эта страница тематическая и посвящена вождям европейских революций и причастных к ним людей (у Пушкина есть страницы условно названные «Кишиневские красавица», «Домашние Инзова» и др.). Елена Горчакова во время греческих событий проявила подлинное величие души. Узнав, что муж ее Георгий Кантакузин уже не сражается за Прутом, а укрылся на бессарабском берегу, в Скулянах, сказала: *«Раз он перешел Прут, я предпочла бы лучше совсем не видеть его, нежели видеть так вернувшимся»* [5].

Атаки – местечко на берегу Днестра, расположенное в северной Молдавии. Именно здесь сорок лет прожила княгиня Елена Михайловна Горчакова, вышедшая замуж за местного помещика Георгия Кантакузина из богатейшего и знатнейшего рода, упоминаемого в летописях Восточной Римской империи с конца XI столетия. Над вечным покоем этой женщины склонила голову беломраморная Муза. Далеко от царскосельских роц и гранита невских набережных оборвался земной путь прекрасной Елены, сестры лицейского друга Пушкина – Александра Горчакова (который несколько десятков лет возглавлял внешнюю политику России). Сам Александр Сергеевич в ранней молодости посвятил Елене послание «Красавице, которая нюхала табак» (когда при встрече будущий великий поэт поцеловал руку Елене Горчаковой, он заметил на пальцах у нее желтые пятна - княжна нюхала табак). Стихотворение было написано с присущим Пушкину чувством юмора. Сразу же по приезде Пушкина в Кишинев князь Георгий и Елена Кантакузины пригласили молодого поэта в свой гостеприимный дом.

Вернемся еще раз к композиции на листе с изображениями Г. Кантакузина и его жены Елены, А. Ипсиланти. Наверху нарисован необычный для

Пушкина мужской портрет, двойной: в фас и в профиль. Не сразу, с нескольких попыток, удается передать взгляд человека, выражающий боль, удивление, обиду. В этом портрете угадываются черты лица Тудора Владимиреску, вождя валашского восстания 1821 года, жесточайше казненного по приказу Александра Ипсиланти.

А как же Бужор и Катинка Канта?

Вероятнее всего, именно Штефан Бужор изображен рядом с секирою и в цепях (над высокой шапкой витает в облаке уже отрубленная голова) - всего этого он даже не замечает (ПД, № 831, л.25 об., апрель 1821). Перед его мысленным взором - женская ножка, обутая в высокий башмачок, – Ее, конечно. А рядом, на том же листе, мы видим ту же ножку в изящной туфельке, кокетливо выглядывающей из-под полупрозрачного бального платья... А рядом – ножка приподнятая, ножки сложенные, очертания девушки танцующей, полуфигура уходящего мужчины и сидящей обнаженной женщины, глядящей ему в след...

А. Эфрос назвал пушкинскую графику «изобразительным дневником» поэта. *«Это означает, что пушкинская графика в известном смысле заменяет словесную запись, рассказ поэта о самом себе, особая запись мыслей и чувств, своеобразный отчет о людях и событиях... Одно это делает его рисунки драгоценными»* [1].

Литература

1. Эфрос А.М. Рисунки поэта. М., 1933.
2. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., 1980.
3. Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний. – «Русский архив», 1886.
4. Бартенев П.И. Пушкин в южной России. М., 1914.
5. Богач Г. Далече северной столицы. Иркутск, 1979.

6. Богач Г. Методика идентификации портретов периода южной ссылки Пушкина. / Неизданные рукописи/.

7. Двойченко-Маркова Е.М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979.

ДВУНАЦИОНАЛЬНАЯ РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Тулбу Алиса Андреевна,
магистрантка,
(г. Кишинев, Молдова)*

Аннотация. В статье дается обзор литературоведческих работ по проблематике двунациональной литературы, в частности, русско-еврейской и молдавско-еврейской; отмечается чрезвычайная важность данного явления для нашего региона, что находит отражение в творчестве целого ряда писателей, публицистов и переводчиков.

Ключевые слова: *культурная самоидентификация, двунациональная литература, двуязычные писатели, еврейские писатели Молдовы, проза, поэзия.*

BINATIONAL RUSSIAN-JEWISH LITERATURE

Annotation. The article provides an overview of literary works on the problem of bi-national literature, in particular, Russian-Jewish and Moldovan-Jewish; the extreme importance of this phenomenon for our region is highlighted, which is reflected in the works of a number of writers, publicists and translators.

Key words: *cultural self-identification, bi-national literature, bilingual writers, Moldova's Jewish writers, prose, poetry.*

LITERATURA BINAȚIONALĂ RUSO-EVREIASCĂ

Adnotare. Articolul oferă o imagine de ansamblu asupra lucrărilor literare cu privire la problemele literaturii binaționale, în special ruse-евреиеști și moldo-евреиеști; este remarcată importanța extremă a acestui fenomen pentru regiunea noastră, care se reflectă în activitatea unui număr de scriitori, publiciști și traducători.

Cuvinte cheie: *autoidentificare culturală, literatură binațională, scriitori bilingvi, scriitori evrei din Moldova, proză, poezie.*

Еврейство является древнейшей из мировых диаспор. Лишенные исторической родины и расселенные по разным странам планеты, представители еврейского народа интегрировались в разные социокультурные контексты, усваивали языки страны или среды проживания и становились частью культурного пространства, растворяясь в нем или сохраняя свою двойственную идентичность и проявляя в своем творчестве эту двунациональность.

Израильский литературный критик и литературовед Гершон Шакед сформулировал свое видение этого явления таким образом: *«Двойная культурная самоидентификация - это вовсе не теоретическая абстракция, придуманная литературоведами, а эмпирическое явление, жизненная достоверность которого не подлежит сомнению. Эта самоидентификация опирается на созданные ею учреждения, располагает своими авторами и значительной читательской аудиторией»* [1, 55].

Двунациональная русско-еврейская литература заслуживает особого внимания в мировой культуре. Евреи – нация, которая ещё в очень давние времена создала свою литературу на иврите (Тору и не только). Евреи потеряли свою родину, были в изгнании, но создавали литературу, смешивая свой родной язык с языками тех народов, с которыми они сосуществовали. Семён Маркович Дубнов, еврейский историк, писал: *«Еврейство на своем долгом историческом пути пользовалось всеми языками культурного мира – от древнегреческого до нынешнего русского, только как орудием своего духовного творчества, вследствие чего образовались большие иноязычные пласты нашей литературы, но от этого последняя не утратила своей внутренней цельности и национальной самобытности»* [2, 75]. Евреи, оказавшиеся в диаспоре, использовали в своей литературе язык тех

народов, среди которых они жили. С.М. Дубнов раскрыл понятие «иноязычных пластов». Нам представляется данное суждение правомерным. Именно эта нация внесла немалый вклад в двунациональную литературу: арабско-еврейскую, еврейско-испанскую, еврейско-немецкую, персидско-еврейскую, а также большой вклад в молдавско-еврейскую и русско-еврейскую – литературу, которая уже сыграла большую роль в становлении литературного творчества обоих народов.

Важный вывод, по нашему мнению, дан в монографии «Русско-еврейская литература» В.Л. Рогачевского: *«Национальный гнет вызывал повышенную национальную возбудимость, болезненное развитие национального чувства. И это чувство не могло не волновать даже равнодушного русского читателя, не могло не будить совесть русской литературы, не могло не выдвигать вопроса о национальном равноправии»* [3, 46].

К проблемам и раскрытию вопроса по русско-еврейской литературе можно отнести еще работы Ш. Маркиша, книга «Бабель и другие», статьи о В.Л. Рабиновиче, Леваиде, Г.И. Богрове и др. В России публиковались исследования по этому вопросу В. Топоровым, А. Кобринским, М. Безродным, Л. Кацисым, за рубежом, к примеру, в Израиле – М. Вайсопф, Р. Геюелевым, О. Толстой, Д. Сегал, В. Хазиным.

В XX веке вплоть до начала 90-х годов о существовании двунациональной литературы не говорилось. Двунациональная литература – это литература, которая относится одновременно к двум народам, к людям с двойной самоидентификацией по национальности. Двунациональная литература долгое время не ценилась ни историками литературы, ни литературоведами: её просто не замечали. Двунациональная, именно двунациональная, а

не двуязычная, литература существовала в разные времена, и то, что она оставалась незамеченной, является напрасным пренебрежением.

Как известно, Молдова в период Российской империи была зоной оседлости евреев. Процент еврейского населения в регионе был и оставался до конца XX века достаточно высоким.

Местные авторы еврейского происхождения писали как на молдавском, так и на русском языке. Есть целая плеяда молдавских писателей с молдавскими псевдонимами, об еврейском происхождении которых широкому читателю не было известно.

Большинство произведений еврейских писателей были написаны после Второй мировой войны. Они писали на молдавском языке. Значительный вклад в поэзию этого периода внесли поэт, переводчик, эссеист Иосиф Балцан (1923-1975), а также Ливиу Деляну, Анатол Гужель, Леонид Корняну, поэт и переводчик Пауль Михня (Пинхас Шильман; 1921-1994), поэт и переводчик Юрий Баржанский (1922-1986).

Прозу на молдавском языке писали многие, к примеру, Лев Барский и Давид Ветров, прозаик Борис Влэстару (Барух Векслер, 1922-1993), прозаик, драматург и поэтесса Любовь Мирская (1919-1981), прозаики Даниил Шехтер (1904-1991) и Самсон Шляху (Шлейзер, 1915-1993). С одноактными пьесами выступил врач и переводчик с румынского языка Рувим (Рум) Фройм (псевдоним Роман Флорин).

В послевоенные годы в Кишинёве сложилась большая группа переводчиков-евреев. С идиш на молдавский язык переводили Михаил Брухис, Леонид Корняну, Барбу Рабий (Рабинович), Яков Якир. С русского и украинского языков на молдавский язык переводили Иосиф Балцан, Юрий Баржанский, Наум Бернштейн,

Александр Бродский, Моисей Бруксман, Моисей Гаспас, Самуил Гершензон, Александру Громов (Гофман), Марк Иткис, Борис Коган, Давид Коганов, Герман Кындя (Кендлер, Киндельбойм), Амнон Майденберг, Юрий Мейлих, Любовь Мирская, Павел (Паул) Михня, Григорий Перов, Барбу Рабий, Зюня Сэпунару, Роман Флорин (Рум Фройм), Михаил Хазин, Илья Штейнберг, Яков Якир и другие. На идиш с молдавского языка переводил Ихил Шрайбман. На русский язык с молдавского языка много переводил Михаил Хазин.

Само понятие «русско-еврейская литература» и его толкование мы находим в монографии выдающегося литературоведа конца XIX - первой трети XX века В.Л. Рогачевского: *«Это литература по преимуществу городская, литература народа, вечно преследуемого, она тенденциозна, она бесстрашно обличает и защищает еврейский народ; она двойственна, она находится в теснейшей связи с литературой русской, она проникнута горячей любовью авторов к родине-мачехе, она исполнена горячей веры в светлую жизнь»* [3, 48]. Конечно, не всё в данном определении дано, но основные черты русско-еврейской литературы первым отметил именно В.Л. Рогачевский.

Литературовед А. Кобринский (Санкт-Петербург) в своей работе «О критериях понятия «русско-еврейская литература»» говорит: *«Мнение, будто национальность литературы определяется исключительно ее языком, возникло под влиянием сугубо материалистических представлений о нации. Вообще надо предостеречь от смешения различных понятий: ясно, что национальный язык, как родной не одно и то же, что тот же язык, но в качестве приобретенного»* [4, 102].

Ш. Маркиш считал, что писатели, представители русско-еврейской литературы, обязаны познакомиться с

еврейской цивилизацией, должны иметь связь с ней. Для авторов, по его мнению, было значимо быть «голосом общины в целом или её существенной части; двойная (то есть русская и еврейская) и равно необходимая в обеих своих половинах цивилизационная принадлежность.

Спор о русско-еврейской литературе продолжается уже на протяжении целого века. Это подтверждает, что данная тема обширна, сложна и неоднозначна.

Литературоведы, специализирующие в вопросе о русско-еврейской литературе, среди которых Ш. Маркиш, А. Кобринский, решили выделить периоды развития русско-еврейской литературы XX века. Существуют пять периодов.

Первый период – с 1901 года (был опубликован рассказ С. Юшкевича «Невинные») до двадцатых годов XX в. (создан рассказ «Гедали» И.Э. Бабелем).

Второй период – с 1921 года до 1940 года. Был расстрелян И. Бабель. А. Свирский закончил свою автобиографию «История моей жизни». В этот период в русско-еврейской литературе были такие имена, как А.М. Соболев, Н.М. Осипович, Л.О. Кармен.

Третий период – с 1941 года («Ярмарка» Б. Ямпольский) по 1960 год. В русско-еврейской литературе отмечены такие поэты, как М. Алигер, П. Антокольский, Б. Слуцкий, С. Липкин и другие. Конец сороковых – начало пятидесятых для русско-еврейской литературы было временем затишья. Только лишь во второй половине пятидесятых годов, в период «оттепели», выходят в свет такие произведения, как «Дорога уходит вдаль» А. Бруштейна, «В начале жизни» автобиографическая повесть С. Маршака и другие. И. Эренбург написал повесть «Оттепель» (1954).

Четвёртый период – с 1961 года (Б. Балтера публикует свою повесть «До свидания, мальчики») по

конец семидесятых годов – до увидевшей свет трилогии Кановича «Свечи на ветру» и повести А. Рыбакова «Тяжёлый песок».

Пятый период – с восьмидесятых годов по начало XXI века. Это время перестройки принесло немало новых и значимых фамилий. Русско-еврейская литература пополнилась такими писателями, которые в своё время о своём еврействе даже не вспоминали. Самым значимым произведением этого периода является пьеса для чтения «Бердичев» Ф. Горенштейна. Так же его роман «Псалом», в котором повествуется о нескольких десятилетиях XX века, рассказывается о судьбах евреев России, о христианстве и иудаизме. В это время также немало произведений русско-еврейской литературы увидело свет и за рубежом.

Когда появилась русско-еврейская литература, возникли и произведения, в которых проблема еврейского народа раскрывалась с сочувствием и добротой. Ещё Лев Николаевич Толстой писал о евреях: *«Недавно вместе с одним раввином я читал Нагорную Проповедь. Почти после каждого стиха он показывал мне похожие пассажи в еврейской Библии и Талмуде. Когда же мы дошли до слов “Не противься злу!”, он вместо обычного “в Талмуде нашем есть и об этом” спросил у меня с улыбкой: “Следуют ли христиане этой заповеди?” Я в ответ не сказал ему ничего, ибо именно в те дни христиане, далекие от мысли подставлять и другую щеку, хлестали евреев по обеим»* [5, 122].

Многие писали о евреях и на еврейскую тематику в конце XIX – начале XX века. Среди них всем известные фамилии: Н.Г. Гарин, Н.С. Лесков, М.Е. Салтыков-Щедрин, Максим Горький, А.И. Куприн, Д.Л. Мордовцев, Е.Н. Чириков, Л.А. Андреев, Н.И. Станюкович, В.Г. Короленко.

В русско-еврейской литературе вначале появилась именно поэзия. Известный литературовед Вадим Кожин писал, что уже в XIX веке, евреи, писавшие на русском, занимали весьма важную роль в поэзии. Русскую поэзию XX века нельзя вообразить без таких фамилий, как С. Маршак, О. Мандельштам, Б. Пастернак, И. Эренбург, Б. Слуцкий, Е. Рейн, М. Цетлин, Д. Самойлов, М. Алигер, П. Антокольский, С. Липкин, В. Уткин, И. Бродский и далее и далее. Это русские поэты, безусловно. Каждый из них, хоть и некоторые в малой доле, но сохранили частичку еврейской истории и души у себя. К примеру, С.Я. Маршак в своих произведениях не отдалялся от еврейской темы, часто она выходила на первый план. А Борис Пастернак, наоборот, отдалялся от своего еврейского происхождения.

Известно, что стихотворения, написанные на русском языке, безотносительно к национальности, к которой принадлежит поэт, являются частью русской литературы. Таким же образом творчество еврея Генриха Гейне принадлежит немецкой литературе, Макса Жакоба – французской, Юлиана Тувима – польской.

Литературовед Лев Аннинский приводит любопытные выводы по этому размышлению: *«"Народ Книги" обнаруживает странное родство с народом, которому Словесность на два века заменила и философию, и религию, и здравый смысл. Магия слов, два народа, помешавшиеся на Слове. Два народа, словно разделенные зеркалом. Что-то единое есть, но повернуто зеркально. Русский мир в глазах евреев абсурден, на голову поставлен. Но он свят. Он только перевернут. Все это действительно лейтмотив, причем глубинный — русско-еврейского поэтического самовыражения»* [6, 484-485].

В этом контексте уместно привести стихотворение А.Межирова:

*«Ну что теперь поделаешь?.. Судьба...
И время спать, умерить беспокойство,
На несколько часов стереть со лба
Отметину двоякого изгойства.
О двух народах сон, о двух изгоях,
Печатью мессианства в свой черед
Отмеченных историей, из коих
Клейма ни тот ни этот не сотрет.
Они всегда, как в зеркале, друг в друге
Отражены. И друг от друга прочь
Бегут. И возвращаются в испуге,
Которого не в силах превозмочь.
Единые и в святости и в свинстве,
Не могут друг без друга там и тут,
И в непреодолимом двуединстве
Друг друга прославляют и клянут».*

Не только в поэзии, но и в прозе XX века есть немало значимых для литературы имён: И. Бабель, Разгон. Г. Горин, В. Жаботияский, Ю. Карабчиевский, Ефрем Баух.

Особо значимый вклад в литературу советского периода, а также в молдавскую, русскую и еврейскую литературу внесло творчество Ефрема Бауха. Мировую известность писателю Е. Бауху принёс его интеллектуальный роман-притча «Пустыня внемлет Богу», который входит в семилогию «Сны о жизни».

Русско-еврейская литература возникла ещё в XIX веке, отличилась в XX и существует с успехом и сегодня. В целом о русско-еврейской литературе можно сказать словами Йеошуа Левинсона: «... заново воссоединить текст и контекст, литературу и реальность – так, чтобы, с одной стороны, не дать

тексту скрыться от истории, а с другой – не позволить истории поработить текст» [7, 155].

Литература

1. Шакед Гершон «Новая волна в ивритской литературе», 1971.
2. Дубнов С. М. Новейшая история еврейского народа. Т. 1: (1789-1848 г.). 1919 г.
3. Львов-Рогачевский В.Л. Русско-еврейская литература. Москва, 1922.
4. Кобринский А. «О критериях понятия «русско-еврейская литература»» / О Хармсе и не только: статьи о русской литературе: монография. Санкт-Петербург, 2013.
5. Толстой Л.Н. О евреях. Изд. 3-е. СПб., 1910.
6. Аннинский Лев «Народ Книги». М., 1992.
7. Левинсон Й. «Атлет веры: кровавые сюжеты и сюжеты вымышленные» // Вестник Еврейского университета. М., 2003. № 8 (26).

ПОСЛАНИЕ ФЕДОРА КУРИЦЫНА К ЕФРОСИНУ БЕЛОЗЕРСКОМУ

Талмазан Олег Назарович,

магистр, писатель,

(г. Кишинев, Республика Молдова)

Аннотация. Статья посвящена анализу текста послания Федора Курицына, написанного в Белгороде (Четая албэ, Аккерман) 13 августа 1484 года. В послании Курицын высказывает в явном виде представления, которые в притчевой форме реализованы в «Сказании о Дракуле воеводе». Письмо до некоторой степени носит личный характер, но соответствует формуляру древнерусского послания.

Ключевые слова: *Федор Курицын, Ефросин Белозерский, Сказание о Дракуле воеводе, притча о двух монахах, Ромейское царство, Третий Рим, идеальный правитель, жестокость, формуляр древнерусского послания.*

MESSAGE FROM FEDOR KURITSYN
TO EFROSIN BELOZERSKY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the text of the message of Fedor Kuritsyn, written in Belgorod (Chetatya Alba, Akkerman) on August 13, 1484. In this message, Kuritsyn expresses in an explicit form the representations that are implemented in the parable form in the «Legend of Dracula the voivode». The letter is to some extent personal in nature, but it corresponds to the formulary of the Old Russian message.

Keywords: *Fedor Kuritsyn, Efrosin Belozersky, Legend of Dracula the voivode, the parable of the two monks, the Third Rome, the perfect ruler, cruelty, to the formulary of the Old Russian message.*

MESAJ DE LA FEDOR KURITIN
CATRE EFFROSIN BELOZERSKI

Rezumat. Articolul este consacrat analizei textului mesajului lui Fyodor Kuritsin, scris la Belgorod (Cetatea Alba, Akerman) la 13 august 1484. În acest mesaj Kuritsyn exprimă într-o formă explicită reprezentările care sunt puse în aplicare într-o formă parabolică în «Povestea despre Dracula voievod». Scrisoarea este într-o oarecare măsură personală, dar corespunde formularului vechii epistole rusești.

Cuvinte cheie: *Fedor Kurișin, Efrosin Belozerski, Povestea despre Dracula voievod, parabola celor doi călugări, regatul Romean, Roma cea de-a Treia, domnitorul ideal, cruzimea, formularului vechii epistole rusești.*

Автором послания (оригинальный текст и наш перевод ниже) [4, 20] является думный дьяк Федор Васильевич Курицын, видный сподвижник Ивана III Васильевича, ведавший посольскими делами при великом князе, известный также как глава «еретического кружка» и сторонник партии малолетнего наследника Дмитрия Ивановича и его матери Елены Стефановны Волошанки. Не раньше 1482 года Федор Курицын был отправлен с дипломатическим визитом к венгерскому королю Матвею Корвину и молдавскому господарю Стефану Великому для заключения союза против Польши. На обратном пути был задержан турками в Белгороде, где по, всей вероятности, им было написано известное «Сказание о Дракуле воеводе». После обращения Ивана III Васильевича и при посредничестве крымского хана Федор Курицын был отпущен и вернулся в Москву до августа 1485 года, привезя договор,

содержавший утверждение «братства и любви» между державами.

Послание адресовано Ефросину Белозерскому, монаху Кирилло-Белозерского монастыря, книжнику и переписчику. Сведения о жизни Ефросина крайне скудны. Известно, что его деятельность связана с Кирилло-Белозерским и, возможно, Ферапонтовым монастырями.

Общественное положение дьяка Курицына было несомненно выше, чем положение адресата, однако Ефросин Белозерский был лицом духовным, к которому следовало обращаться в соответствии с этикетом. Собственно, первые две строки письма и его завершение и являются этикетными, здесь присутствуют обязательное указание имён автора и адресата, вступительное приветствие, формулы челобития, самоуничижения («*поубождения*»), восхваления адресата, просьба о молитве и завершающее упоминание Страшного суда [2, 154]. Послание можно отнести к типу «дружеского» письма по определению Поньрко Н.В. [9, 4], однако все формальные правила соблюдены.

Письмо написано на русском языке своего времени, лексика и грамматические особенности текста соответствуют эпохе. Завершающая фраза (*И да оставитъ Господь*) грамматически оформлена как церковнославянский текст, так же, как и другие богословские цитаты из этого текста: -ть вместо -тъ в 3 лице глаголов настоящего времени [5, 315]; -ъ в творительном падеже единственного числа прилагательных [7, 101], «азь» вместо «язь» и другое.

Примечательно, что в послании Федор Курицын формулирует в явном виде суть учения об особой роли государя для коллективного спасения в благочестивом (Ромейском) государстве, которое в аллегорической форме отражено в притче о двух монахах из «Сказания о Дракуле воеводе».

В венгерской и молдавской столицах Курицын встречался с людьми, лично знавшими Дракулу (Влада III Бассараба), мог видеть немецкие «летучие листки» и поэму мейстерзингера Михаэля Бехайма, представляющие Владу в негативном свете. Вероятно, это и стало толчком к созданию «Сказания о Дракуле

воеводе», а условия плена – уединение и свободное время – явились благоприятными для обдумывания и написания утопии.

Предметом тревоги автора в преддверии близкого наступления 7000 года от сотворения мира и возможного конца света является местонахождение «Нового Иерусалима» после падения Константинополя в 1453 году. По замечанию Б.А.Успенского, *«существенно при этом, что Москва сначала понимается как новый Иерусалим, а затем - уже на этом фоне - как новый Рим, т.е. теократическое государство становится империей (а не наоборот!)»* [10, 89]. Но поскольку Зосима Брадатый объявил Москву новым Константинополем примерно в это же время [6, 58], можно предположить, что идея Третьего Рима в конце XV – начале XVI веков в той или иной форме могла владеть многими умами. В основе этих представлений лежало учение о «странствующих царствах», восходящее к Книге пророка Даниила (2,36-45). В конце XV века в составе Геннадиевской Библии была переведена и Третья книга Ездры, в которой также содержались пророчества о конце света и о четырех царствах, однако к моменту написания послания работа над изданием ещё окончена не была.

Фраза *«Нъсть царя у них, ни купли, ни стяжания, ни свару, ни завести, ни татьбы, ни игры»* представляет собой отсыл к «Слову о рахманех и предивном их житии» Ефросина Белозерского, повествующему о живущих на островах блаженных «нагомудрецах»: *«В них же несть ни четвероногих, ни земледелания, ни железа, ни храмов, ни риз, ни огня, ни злата, ни сребра, ни вино, ни мясоядения, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни велможь, ни татбы, ни разбоя, ни игр, ни на насыщение текуть ...»* [1,143]. В своих сборниках Ефросин обращается к теме рахманов не менее пяти раз – в сербской и хронографической Александрии, в сочинении римского автора IV-V века Палладия «О рахманах» и в другом рассказе на эту же тему, восходящем к византийской хронике Георгия Амартола (IX век). Примечательно, что представления о рахманах или «блажинах» сохранились в молдавском фольклоре.

В размышлениях автора о жестокости и справедливости фрагмент «Ибо сказано» является прямой цитатой из Иоанна Златоуста («Против иудеев» слово 4) и грамматически оформлен как церковнославянский. Фраза «Аще бо князи» встречается в «Повести временных лет» [3, 182], но в послании вписана в общий контекст.

Дата в тексте, на первый взгляд, расходится с датой в подписи, но мы должны помнить, что началом года тогда считали не январь и, возможно, автор считал только полные годы.

Известно мнение Петре Панаитеску о том, что «Сказание о Дракуле воеводе» является произведением румынской литературы [8, 279]. И поскольку Белгород (Четатя албэ) принадлежал Молдавскому княжеству, то по формальным обстоятельствам послание можно считать памятником литературы Молдавии.

Оригинальный текст:

Господину Ефросину иноку Федоръ Василиевъ сынъ Курицынъ радоватися о Христѣ.

Здравъ буди въ спасении боголюбивыи отче и моли о мнѣ радудымъ и недостойнымъ, а яз тобѣ челом бию.

По грѣхом нашимъ турци без запа прѣяша твердилище Белаграда, напи господарскыи сѣша на щить, и яз топерва грѣшноу мѣроу есмь безвѣрных агарянь иманецъ. Се послание Божие есть и забава пути не безтрудному.

Такоже Царьградъ паде грѣховъ ради греческихъ, а погании цѣсарьствомъ возладѣша. Инако же имамъ лише 7 лѣтъ до лѣта 7000. Чаю нѣту болѣ инаго града христианскаго на вольномъ свѣтѣ, могуча новымъ Иерусалимомъ восияти, опричѣ богоспасныѣ Москвы.

А сегда яз единъ есмь аки единакъ, ни друга, ни полдруга. Отрада и утѣха мне молитва, чѣтение книжное и письмо.

Поминаю тя чясто, пѣваю писанице мое имать угодити въ твоѣ руки. Аще же будетъ мѣне доля воротитися восвоя, почну рассказывати вся порядку.

Язь видохъ на Будине грамотицу нѣмецкыи дѣскачь Владь мутьянскы томитель бысть свирѣпосердыи и диаволь въ плоти. Сродичь оному старыи Стефан молдовскыи повѣда ми чьто Дана воеводы навада та и краль Маттѣашъ по неправде Влада въ затворъ посадише. Маттѣашъ же взя злато отъ папежа Римьского того дѣля рать творити на туркы, обаче краль не хотель бѣ брания и Влада въ узилище морише, бѣ бо овъ ратолобив.

Нѣмци бо латина суть, половѣрци, о грѣсѣхъ первороднѣмъ разсуждають, а не доумевають пронаречение князя правѣдна, любяща правду. Аще бо князи правдивы бывають на земли, то много отдаються согрѣшения, аще ли зли и лукавы бывають, то велие зло наводитъ Богъ на землю ту, понеже глава есть земли. Ино убо душу спасати, ино же многымъ душамъ радети. Нѣшто немецъ дасть отвѣтъ за Владову душу в день Христова пришествия?

Ибо сказано: Аще и убиетъ кто по воли Божии, человеколюбие всякого есть лучши убийство оно; аще и пощадитъ кто и человеколюбствуетъ чрезъ волю Божию, и не угодно есть Ему, убийства всякого неподобнейше будетъ то пощадение; не естество бо вещемъ, но Божии судеове добра и злая быти творять.

Не лѣтъ глаголати о лютоости и не вѣдати злодѣянния. Мы убо не имамъ състрадание и жалость къ татемъ, дурнымъ людемъ и прегнусодѣемъ, но алчемъ праведна суда и отmezдия, понеже коемуждо по деломъ его. Жестота бо есть безвиннаго томити, ино же по вору и мука.

Немци же смертныи судъ и человекоубийство яко игралище и посмѣхъ творять, истязають терзаниемъ и потятиемъ, и на ослядище, на колехъ и на колесахъ, и огнемъ жьгутъ, и водою

топать. И татие, и ведьмы, и еретики всякие. Обаче же глумь тотъ неблагое есть и невмѣстное.

А въ Сочаеве люди молдовскіи баяху о блажинѣхъ сиречь рахманѣхъ, коехъ писалъ еси. Нѣсть царя у них, ни купли, ни стяжания, ни свару, ни завести, ни татьбы, ни игры. Господь нашъ да хранить тя. И здѣ въ виталище моемъ время не течеть, яко на Островѣхъ блаженѣхъ.

Грамотицы и тетратки послалъ есмь с Лукою Волошаниномъ.

И да оставить Господь грѣхи наша в день Суда праведнаго, емуже бо слава съ Отцем его и Духомъ животворящимъ нынѣ и присно и въ вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ лѣто 6993 августа 13 писалъ азъ грѣшны Феодоръ.

Перевод наш:

Господину Ефросину, иноку, Федор Васильев сын Курицын желает радоваться ради Христа.

Здоров будь для спасения души, боголюбивый отче, и помолись обо мне негодном и недостойном, а я тебе челом бую.

За грехи наши турки неожиданно захватили крепость Белгорода, господарские наёмники сели на щиты (сдались), и грешным делом я теперь заложник безверных агарян (мусульман). Это послание Божье и препятствие на пути нелёгком.

Так и Царьград пал за грехи греческие, и язычники завладели царством. Однако же всего 7 лет осталось нам до 7000 года. Думаю, нет больше другого христианского города на белом свете, могущего новым Иерусалимом воссиять, кроме богоспасаемой Москвы.

А сегодня я одинок, как отшельник, ни друга рядом нет, ни полдруга. Отрада и утешение мне молитва, чтение книг и занятия письмом. Вспоминаю тебя часто, надеюсь писанинице моё попадёт в твои руки. Если будет мне доля вернуться восвояси, расскажу всё по порядку.

Видел я в Буде листки немецкие, дескать Влад валашский был свирепосердым истязателем и дьяволом во плоти. Старый Стефан, молдавский, родственник его, сказал мне, что это наветы Дана воеводы, а король Матиаш (Матвей Корвин) несправедливо Влада посадил под стражу. Матиаш взял золото у Папы Римского на войну с турками, но сражаться не захотел, а Влада в тюрьме морил, потому что тот желал войны.

Немцы ведь латиняне (католики), полуверы, о грехе первородном рассуждают, а не понимают предназначение праведного князя, любящего правду. Если праведны князья в стране, то многие прегрешения прощаются, если же князья злы и лукавы, то большие несчастья наводит Бог на ту землю, ибо князь глава страны. Одно дело душу спасать, другое – о многих душах заботиться. И разве немец даст ответ за душу Влада в день Христова пришествия?

Ибо сказано: Если и убьёт кто по воле Божьей, лучше всякого человеколюбия убийство это; если же пощадит и проявит человеколюбие вопреки воле Божьей, но не угодно это Ему, то убийства всякого хуже будет эта пощада; ведь добро и зло определяются не естественным порядком вещей, а Божьим суждением.

Нельзя говорить о лютости, не зная о совершённом злодеянии. Мы не испытываем сострадания к преступникам, дурным людям и злодеям, но страстно желаем праведного суда и отмщения, ибо каждому воздастся по делам его. Жестокость - измываться над невинным, а виновному – по вору и мука.

Немцы же осуждение и смерть человека превращают в насмешку и зрелище, убивают пытками и четвертованием, на

виселице, на кольях и на колёсах, и огнём жгут, и водой топят. И преступников, и ведьм, и еретиков всяких. Однако такое глумление не благое дело и неуместное.

А в Сучаве молдавские люди баяли о блажинах, то есть рахманах, о которых ты писал. Нет ни царя у них, ни торговли, ни стяжания, ни ссор, ни зависти, ни преступлений, ни игры. Господь наш да хранит тебя. И здесь, в жилище моём, время не движется, как на Островах блаженных.

Грамотки и листы я послал с Лукой Волошанином.

И да простит Господь грехи наши в день Суда праведного, слава Ему и Отцу его, и Духу животворящему, и теперь, и всегда, и во веки веков. Аминь.

В 6693 году августа 13 написал я, грешный Федор.

Литература

1. Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М, Л, Наука, 1965.
2. Антонова Н.В., Никищенкова Г.В. Формуляр древнерусского послания// Учёные записки Орловского государственного университета, №3, 2010.
3. Библиотека литературы древней Руси, Т1, СПб, Наука, 1997.
4. Древнерусское послание XIV – XV веков, Тирасполь, 1993.
5. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка, М, Просвещение, 1990.
6. Изложение пасхалии на осьму тысящу лет// Исследования по источниковедению Истории СССР XIII-XVIII, сборник статей, АН СССР, М, 1986.
7. Изотов А.И. Церковнославянский язык, М, 2014.

8. Панаитеску П.П. Характерные черты славяно-румынской литературы// Romanoslavia, Bucuresti, 1963.

9. Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси: Исследования, тексты, переводы, СПб, 1992.

10. Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси// Избранные труды, Т1, М, Языки русской культуры, 1994.

ПЕДАГОГИКА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

*Колесник Любовь Анатольевна,
доктор педагогических наук, конференциар,
(г. Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье рассматривается проблема изучения художественного текста в системе коммуникативного обучения. Художественный текст как объект изучения имеет ряд содержательных и структурных характеристик, которые описаны в данной статье. Рассмотрен коммуникативно-деятельный подход в работе над художественным текстом, который способствует формированию у обучаемых ряда компетенций: коммуникативной, социокультурной, литературоведческой, культурологической, речеведческой, читательской, текстовой.

Ключевые слова: *художественный текст; коммуникативное обучение; культурологическая компетенция.*

LITERARY TEXT AS AN OBJECT OF STUDY IN THE SYSTEM OF COMMUNICATIVE LEARNING

Abstract. The article discusses the problem of studying literary text in a system of communicative learning. The literary text as an object of study has several substantial and structural characteristics described in this article. We considered communicative-activity approach to working on literary text, which contributes to the formation of a number of competencies among students: communicative, sociocultural, literary, cultural, speech, reading, textual.

Keywords: *literary text; communicative education; cultural competence.*

TEXTUL LITERAR CA OBIECT DE STUDIERE IN SISTEMUL DE INVATAMINT AL COMUNICARII

Rezumat. In acest articol se abordeaza problema studierii textului literar in sistemul de invatamint al comunicarii. Textul literar ca obiect de

studiere are un sir complex si structurat de caracteristici care sunt descrise in acest articol. Se cerceteaza abordarea activitatii comunicative in lucru la un text literar, care contribuie la formarea unui numar de competente la elevi: comunicativ, socio-cultural, literar, cultural, vorbire, lectura, text.

Cuvinte cheie: *text literar, arta comunicarii, competente literale.*

В современной системе образования художественный текст рассматривается как объект изучения в тесной связи с его коммуникативной, культурологической, эстетической направленностью. Как наиболее сложный вид учебного текстового материала, заключающий в себе информативность, коммуникативную и языковую наполняемость, он дает возможность развития у обучаемых социокультурной, культурологической, литературоведческой компетенций.

По мнению Ю. М. Лотмана, художественный текст как лингвокультурологическая единица помогает **«читать тексты чужой культуры на чужом языке»** [3, с. 2]. Процесс введения художественного текста в структуру занятия повышает речевую культуру обучаемых, развивает их познавательную активность, формирует коммуникативную компетенцию. *«Чтобы адекватно воспринять всю глубину содержания того или иного текста, необходимо помнить, что он является неотъемлемой частью коммуникативной ситуации в целом»* [1, с. 1].

Выступая как образец речевых моделей, художественный текст формирует у обучаемых навыки устной и письменной монологической и диалогической речи, навыки ведения дискуссии. основополагающим принципом для организации работы над художественным текстом является принцип коммуникативной целесообразности, что требует особого методологического подхода. Комплексный анализ, разработанный различными учеными (профессорами С. Львовым, О. Каганом, Б. Лариным, Е. Пассовым, З.Н. Кулибиной, академиками

В. Виноградовым, Н. Шанским и многими другими), направлен на развитие логического мышления обучаемых. В методической работе с художественным текстом выделяются его как содержательные, так и структурные характеристики. Важнейшее значение приобретает общение обучаемых и педагога. Возможности интерпретации текста, его смысловых пластов неисчерпаемы.

Как вид художественного творчества, текст создает целостную картину мира. *«Текст – это событие и семиотическое, и лингвистическое, и коммуникативное, и культурологическое, и когнитивное»* [3, с. 23]. Возросший научный интерес к художественным текстам как единице обучения позволяет изучать язык с точки зрения отражения в нем культурных ценностей народа. Достоянием учителя-практика становится коммуникативная методика, коммуникативно-деятельностный подход к анализу художественного текста.

Полифункциональность художественного текста повышает мотивацию изучения языка и культуры другого народа. Художественный текст как единица обучения – полноценный источник богатства русского языка, способствует формированию и развитию речевой культуры обучаемых, знакомит с материальными и духовными ценностями народа, формирует их культурологическую компетенцию, развивает эстетические чувства и художественное мышление. Методически грамотно организованная работа с художественным текстом прививает эстетическое, лингвистическое чутье обучаемому, воспитывает любовь к красоте и выразительности слова.

В лингвистической структуре текста воплощены особенности живой речи, литературной и языковой нормы, что способствует развитию взаимосвязанного обучения

основным видам речевой деятельности, служит успешному постижению картины мира, расширяет культурологический кругозор обучаемых. Особо важный характер приобретают притекстовые и послетекстовые задания, так как на этих двух этапах методической работы текст воспринимается как сгусток смыслов, информации, способ воспроизведения действительности, средство общения.

Современные методические концепции работы с текстом включают в себя интегративные тенденции. В результате *«вертикальной интеграции»* (И. К. Гапочка) на уровне взаимодействия лингвистики и других смежных наук формируется новый подход – лингвокультурологический, ведущий к постижению языка через культуру и культуры – через язык. *«Текст рассматривается не только как средство, но и как высшая единица обучения и контроля речевой деятельности, наиболее полно отвечающая задачам формирования коммуникативной компетенции во всех сферах и видах речевой деятельности»* [4, с. 6].

Художественный текст – уникальный материал для обучения русскому языку, высшее проявление свойств естественного языка, полноценный источник его богатства. Многоаспектность и полифункциональность художественного текста как максимальной учебной единицы повышает культуру обучаемых, интерес к изучению языка, формирует их коммуникативную, культурологическую, литературоведческую, читательскую компетенцию.

Литература

1. Адашкевич И. В. Роль текста при обучении русскому языку как иностранному. Минск. file:///C:/usesisoftand.flard/Down
2. Кубрякова Е. С. Текст и его понимание. СПб, 1994

3. Пугачев М. А. Художественный текст как дидактическая и лингвокультурологическая единица. М. <https://cyberleninka.ru>

4. Таткало Н. И., Рафаелян Н. Г. Стандарт и программы по русскому языку для старшей школы. Ер., 2009

ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ ИНТЕГРАЦИИ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

*Сайко Ольга Анатольевна,
преподаватель, высшая дидактическая степень,
(г. Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. Введение нового Куррикулума-2019 в доуниверситетском образовании и отсутствие новых учебников и методических разработок, отвечающих требованиям Куррикулума, стимулирует к поиску нестандартных методов обучения к интегрированному подходу изучения языка и литературы. Изучение фразеологизмов – один из вариантов интеграции урока русского языка и литературы.

Ключевые слова: *фразеологизм, куррикулум, интегрированный подход, русский язык, литература.*

STUDIUL FASEOLOGISMULUI PENTRU O OPȚIE POSIBILĂ PENTRU INTEGRAREA LECȚIEI LIMBA ȘI LITERATURA RUSĂ

Rezumat. Introducerea noului Curriculum-2019 în învățământul preuniversitar și lipsa de noi manuale și evoluții metodologice care îndeplinesc cerințele Curriculum-ului permit căutarea unor abordări non-standard pentru o abordare integrată a studiului limbii și literaturii. Studiul unităților frazeologice este una dintre opțiunile pentru integrarea lecției de limbă și literatură rusă.

Cuvinte cheie: *unitate frazeologică, curriculum, abordare integrată, limbă rusă, literatură.*

THE STUDY OF PHRASEOLOGISM AS A POSSIBLE OPTION FOR INTEGRATION OF THE LESSON OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

Summary. The introduction of the new Curriculum-2019 in pre-university education and the lack of new textbooks and methodological

developments that meet the requirements of the Curriculum allow looking for non-standard approaches to an integrated approach to the study of language and literature. The study of phraseological units is one of the options for integrating the lesson of the Russian language and literature.

Key words: *phraseological unit, curriculum, integrated approach, Russian language, literature.*

Завершившийся учебный год был необычен не только форс-мажорным внедрением онлайн обучения – это был первый год внедрения Куррикулума-2019. Ведущая мысль основного образовательного документа дисциплины «Русский язык и литература» - интегрирование двух частей предмета в один целостный предмет преподавания. Такая интеграция была продиктована и отчасти подготовлена временем. Сегодня такое объединение не просто декларируется общей страницей в школьном журнале, но воплощается в ходе каждого урока. Сложность преподавания связана и с основной проблемой для учителя – отсутствием методического обеспечения. Филологи республики работают без учебников и методических разработок, отвечающих требованиям Куррикулума. Но, с другой стороны, это отсутствие позволяет смелее экспериментировать, искать нестандартные подходы, раскрывает творческий потенциал каждого учителя. Границы учительского поиска заданы вектором Куррикулума: *«...понять смысл художественного произведения, различать неразрывную связь содержания и формы; пользоваться литературным языком как инструментом для выражения собственных мыслей... уметь выразить себя в слове»* [3, 6].

Внедрение Куррикулума-2019 началось, как известно, с V и X классов. На этих ступенях начинаются новые образовательные центры – гимназический и лицейский. Но если в V классе предмет «Русский язык и

литература» состоит в основном из повторения сведений, полученных в начальной школе, то в X классе – это суммирование, совершенствование компетенций по предмету, приобретенных учащимися за все время его изучения. Интеграционный курс в первом лицейском звене своеобразен тем, что не включает новых сведений о языке, его системе и функционировании, а литературоведческий учебный материал не только усложняется и углубляется, но и содержит новые сведения. Именно поэтому перед учителем стоит задача не только интеграции, но максимального внимания к практической грамотности, повторению основных системных лингвистических понятий. Соединить два предмета в один, и так, чтобы они формировали *«у учащихся ценностное отношение к языку как к хранителю культуры... обеспечивали языковое развитие личности»* и формировали *«вдумчивого, культурного, обладающего гуманистическим мировоззрением читателя»* [2, 5] – задача непростая.

Попытаемся на конкретном примере показать один из возможных путей соединения на уроке задач практической грамотности, лингвистической теории и литературного материала. Оговоримся, что цель предлагаемой работы – дать не план урока, а на конкретной учебной теме показать возможные тактические решения задач, возникающих при подготовке к интегрированному уроку по русскому языку и литературе в X классе.

Как известно, системное повторение, расширение лингвистических сведений и интеграция их с литературно-художественным материалом в X классе начинается с лексики, и одна из первых тем – «Фразеологизмы». Попробуем рассмотреть вариант интегрированного урока «Фразеологизмы, их экспрессивно-стилистические

особенности. Роль фразеологизмов в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Поскольку при интегрированном подходе в лицейских классах не предусматриваются уроки русского языка «в чистом виде», перед учителем стоит непростая задача – совершенствовать грамотное письмо. Именно поэтому всевозможные тематические орфографические диктанты – работа на уроке необходимая. Такой урок можно начать с записи предложения, играющего роль «вызова» на уроке: *«Слова живут себе поживают, но в один прекрасный день вдруг объединяются воедино, да так, что их водой не разольешь»*. Фраза помогает не только вспомнить особенности построения фразеологизмов, повторить их синтаксическую функцию, но и определить тему урока, его цели, которые сформулируют сами ученики.

«Орфографическая разминка» на таком уроке должна включать фразеологизмы, в написание которых включены наиболее сложные орфограммы, написания с самыми типичными ошибками (н/nn, слитно/раздельное написание *не*, различение частиц *не* и *ни* и т.п.). Приведем возможный вариант такого диктанта: *ни два ни полтора, не чуют ног под собой, час от часу не легче, непочатый край, во что бы то ни стало, ничего не напишешь, неожиданно-негаданно, невзирая на лица*.

Полезно, с нашей точки зрения, на этом этапе урока предложить учащимся работу по самооцениванию. Пусть десятиклассники поставят себе оценку за знание этой темы. Объявлять вслух ее не обязательно, а в конце урока предложим учащимся её скорректировать.

Теоретическую информацию лицеисты найдут в действующем учебнике [4, 265]. Техника «Insert» поможет аналитическому чтению материала и его повторению в

режиме расшифровки пометок, сделанных учащимся в процессе чтения. В качестве дополнительных можно предложить вопросы: *Почему фразеологизмы называют достоянием национальной культуры? Почему невозможно их использование в научном стиле речи? Как фразеологизмы связаны с художественной литературой?*

Интересным упражнением, «соединяющим» лингвистические и литературные знания, может быть задание-викторина, где предлагается узнать, из каких произведений вошли в речь фразеологизмы: *мертвые души; а судьи кто? легкость в мыслях необыкновенная; с чувством, с толком, с расстановкой; а Васька слушает, да ест; с ученым видом знатока*

Вывод учащиеся делают сами: художественная литература – один из источников появления фразеологизмов в речи.

Преподаватель может сообщить школьникам, что в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» литературоведы насчитывают более 30 фразеологизмов, которые вошли в речь. Но в романе много устойчивых выражений, активно использовавшихся в языке и до этого. Представить себе «энциклопедию русской жизни» без использования этой экспрессивной лексической единицы невозможно. Вспомним первую строфу произведения. Программой предусмотрено ее заучивание наизусть, поэтому на уроке можно использовать письмо по памяти. Затем предложим выписать фразеологизмы, каждый – с новой строки. У нас получится: *самых честных правил, не в шутку, Боже мой, и день и ночь, черт возьмёт.*

Попросим десятиклассников отметить, к кому из героев романа относится каждый из них. Они, безусловно, заметят, что первые два – о дяде Онегина, *и день и ночь* – относится к главному герою: это он сутки напролет

должен сидеть с дядей, а третий и последний из выписанных фразеологизмов описывают эмоциональное состояние, досаду главного героя, с которым нам еще предстоит познакомиться.

Разделившись на группы, учащиеся будут искать ответ на вопрос: *Какую роль играют фразеологизмы в первой строфе романа?*

Выводы, к которым приходят школьники, очень разнообразны. Важнейшие из них – фразеологизмы делают речь главного героя предельно искренней, они несут основную смысловую нагрузку строфы, и, безусловно, помогают понять характер главного героя.

Учащиеся отметят необычное сопряжение фразеологизмов, описывающих эмоциональное состояние Онегина (*Боже мой, черт возьмёт*). Это не только фразеологизмы, к которым трудно подобрать слова-синонимы: они осознаются в языке как междометия. Ученики увидят и антонимичность слов, входящих в устойчивые сочетания, которые в связном состоянии означают сходную эмоциональную оценку происходящего. И самое главное – эти необычные фразеологизмы ярко характеризуют Онегина буквально с первых строк произведения.

Работу по выяснению роли фразеологизмов в романе А.С. Пушкина ученики продолжают дома. Домашнее задание может включать анализ фразеологизмов в V, VI, VIII строфах I главы романа.

Если десятиклассников заинтересует работа над изучаемым лексическим явлением, можно предложить им работу над проектами: *Фразеологизмы – часть национальной культуры, Фразеологизмы в русском и румынском языках, Фразеологизмы на страницах «Евгения Онегина».*

Подобная работа на уроке – один из вариантов интегрированного подхода к преподаванию русского языка и литературы.

Литература

1. Cadrul de referință al curriculumului național / aut.: Vladimir Guțu, Nicolae Bucun, Adrian Ghicov [et al.]; coord.: Lilia Pogolșa, Valentin Crudu; expert intern.: Ciprian Fartușnic. – Chișinău: Lyceum, 2017.
2. Curriculumul național. Disciplina Русский язык и литература для гимназии с русским языком обучения (V-IX классы), издание 2019. Chișinău, 2019.
3. Curriculumul național. Disciplina Русский язык и литература для лицее с русским языком (X-XII классы), издание 2019. – Chișinău, 2019.
4. Горшкова Р.Ф., Демченко Л.И., Черных Т.Г. Русский язык и литература 10 класс. Кишинев: «Lumina», 2014.

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ТРЕБОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУРРИКУЛУМА 2019 ГОДА (НА МАТЕРИАЛЕ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В IX КЛАССЕ)

*Урсу Елена Александровна,
преподаватель, высшая дидактическая степень,
(г. Бельцы, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье рассматривается возможность осуществления интегративного подхода к обучению на базе Национального Куррикулума 2019 года; исследуются преимущества данного подхода, ориентированного на изучение двух самостоятельных дисциплин в неразрывной связи; отмечаются широкие возможности варьирования методов, технологий обучения, стратегий оценивания в процессе реализации учебной программы.

Ключевые слова: Национальный Куррикулум, интегративный подход, компетентность, образовательный продукт, дидактический проект, уровни обучения.

**INTEGRATION OF EDUCATIONAL APPROACHES AS AN
ESSENTIAL REQUIREMENT OF THE NATIONAL CURRICULUM 2019
(BASED ON THE MATERIAL OF THE LESSON OF THE RUSSIAN LANGUAGE
AND LITERATURE IN THE 9th GRADE)**

Abstract. The given article examines the possibility of implementing an integrative approach to teaching based on the 2019 National Curriculum; the advantages of this approach, focused on the study of two independent disciplines in the inseparable connection, are explored; wide opportunities for variation of methods, teaching technologies, assessment strategies during the realization process of the curriculum are demonstrated.

Keywords: *National Curriculum, integrative approach, competence, educational product, didactic project, levels of teaching.*

**INTEGRAREA ABORDĂRILOR EDUCAȚIONALE CA O CERINȚĂ
INTEGRANTĂ A CURRICULUMULUI NAȚIONAL 2019
(PE BAZA MATERIALELOR PENTRU LECȚIE DE LIMBA ȘI
LITERATURA RUSĂ ÎN CLASĂ A 9-A)**

Anotare. Articolul discută posibilitatea implementării unei abordări integratoare a învățării pe baza Curriculumului Național din 2019; explorează avantajele acestei abordări axate pe studierea a două discipline independente într-o legătură strânsă; propune numeroasele oportunități de diversificare a metodelor, a tehnologiilor de predare, a strategiilor de evaluare în procesul de implementare a Curriculumului.

Cuvinte cheie: *Curriculum Național, abordare integratoare, competență, produs educațional, proiect didactic, niveluri de învățământ.*

Данная статья является, с одной стороны, компиляцией некоторых положений Куррикулумов и Гидов по русскому языку и литературе, составленных в 2019 г. и утвержденных МОКИ Республики Молдова, с другой – иллюстрацией применения на практике образовательных подходов, представленных в новом куррикулуме, одним из соавторов данного нормативного документа.

Цель курикулума 2019 по русскому языку и литературе для учебных заведений с русским языком обучения состоит в конкретизации и применении современных образовательных политик на уровне предметной дисциплины в гимназическом и лицейском звене. Как и другие предметные программы, он отражает национальную и международные тенденции развития образовательных политик, рассматривается как система, включающая следующие понятия: концепция – область – структура – документ – содержание – процесс – результат (В. Гуцу) [1] [2].

Его главная задача – способствовать формированию гармоничной личности и развитию потенциала каждого ученика в процессе обучения русскому языку и литературе.

Ведущим подходом к реализации данной задачи оказывается интегративный подход к обучению школьников – наряду с личностно-ориентированным, компетентностным, деятельностным, текстоцентричным и ценностным подходами.

Интегративный подход направлен на обеспечение формирования целостных, системных знаний учащихся: лингвистических, речеведческих, литературоведческих, культурологических посредством объединения двух самостоятельных дисциплин – «Русского языка» и «Литературы», т.е. ориентирован на функциональный подход к изучению языка и литературных произведений прежде всего *как явления искусства слова*. Интеграционные взаимосвязи русского языка и литературы рассматриваются на трех основных уровнях: уровне межпредметных связей, уровне дидактического синтеза и уровне целостности (М. Н. Берулава).

Интеграция как цель обучения позволяет дать ученику те знания, которые отражают соотносимость

отдельных частей мира как системы; научить его представлять мир как единство, в котором все элементы взаимосвязаны, т. е. способствовать *формированию целостной картины мира*. Интегративный подход напрямую связан с трансдисциплинарным подходом, направленным на создание целостного видения мира, на постижение реальности в её сложности и многообразии, т.е. на формирование трансдисциплинарных компетенций.

Имея статус нормативного документа, *куррикулум 2019* даёт учителю широкие возможности варьирования методов, технологий обучения, стратегий оценивания, утверждает творческий подход и свободу выбора. В нем особое внимание уделяется образовательному продукту как запланированному школьному результату.

Для достижения качественного образовательного продукта учителю необходимо привносить в урок такие элементы новизны, которые соответствуют современной образовательной среде, мотивируют ученика на деятельность и ориентируют на успех. Особая роль в современной школе отводится проектной деятельности, которая рассматривается как продукт, как процесс и как иллюстрация достижения обучающегося и ориентирована на формирование и развитие трансверсальных и трансдисциплинарных компетенций учащихся.

Предложенный ниже дидактический проект урока является наглядным примером реализации некоторых образовательных подходов *куррикулума 2019*.

Урок был проведен в IX классе, несмотря на то, что обучение в VII-IX классах еще осуществляется по старой школьной программе.

Выбор класса неслучаен: в 2019-2020 учебном году автору не довелось работать в V и X классах, внедряющих новый *куррикулум* по предмету, однако на открытом уроке по творчеству Л. Н. Толстого (в рамках муниципального

семинара по русскому языку и литературе) ему представилась возможность показать, как можно осуществить интегративный, текстоцентричный подходы и формировать трансдисциплинарные компетенции учащихся, ориентируясь на основные положения нового нормативного документа – куррикулума 2019.

Дидактический проект по русскому языку и литературе
«История души человеческой...»
(по страницам повести Л. Н. Толстого «Юность»,
глава XXXI «Сотте Il faut»), IX класс

Тип урока: формирования способностей применения / анализа-синтеза знаний

Единицы компетенций урока: 1.2, 2.5, 3.5, 5.6, 6.3, 6.4.

Цели урока:

к концу урока ученик сможет показать, что он **способен:**

Ц₁: понимать художественное и идейное своеобразие изучаемого произведения, выявить заложенные в нем вневременные ценности;

Ц₂: анализировать художественный текст: характеризовать персонажи, конфликт, темы и проблемы произведения; исследовать текст, выявляя позицию автора, раскрывая его художественный замысел;

Ц₃: формулировать собственное отношение к героям текста и синтезировать изученный материал;

Ц₄: демонстрировать навыки ассоциативного и критического мышления и др.

Дидактические стратегии:

эвристический, проблемный методы; приемы технологии развития критического мышления; аналитические наблюдения; художественное чтение; анализ, комментарий, синтез.

Процедурные ресурсы: индивидуальная, парная, групповая деятельность.

Материальные ресурсы: текст повести Л. Н. Толстого «Юность»; презентация в PowerPoint, облако слов, линия времени, инфографика и др.

Стратегии оценивания:

Тип оценивания: формативное оценивание

Продукты: индивидуальные и парные проекты и др.

Временные ресурсы: 45 минут

Ход урока:

I. Вызов (5 минут)

Мотивация познавательной деятельности учащихся: работа с высказыванием Л.Н. Толстого с использованием приема «Отсроченная отгадка» – определение слова, пропущенного в высказывании. Интерпретация -объяснение его выбора писателем.

Дневник, 2 января 1852 г.

«У всех молодых людей есть время, в которое они не имеют никаких твердых понятий о вещах – правил <...> В это время они обыкновенно чуждаются интересов практических и живут в мире моральном. – Эту переходную эпоху я называю... (ЮНОСТЬ)» (Л.Н. Толстой).

Слово учителя о форме проведения урока («заочный диалог с писателем»); формулирование целей урока – микроисследования: работа над одной из глав повести «Юность», в которой тонко раскрывается процесс движения и развития души молодого Николая Иртеньева; защита проектов-микроисследований, связанных с «переходной эпохой» (Л.Н. Толстой); работа с листами по взаимооцениванию и др.

Комментирование слов Л.Н. Толстого, взятые в качестве эпиграфа: *«Назначение человека есть*

стремление к нравственному усовершенствованию» (Л.Н. Толстой. «Юность», глава I).

Подбор синонимов к слову «усовершенствование».

Формулирование темы урока: **«История души человеческой...»**

II. Осмысление (20 минут)

Образное воплощение концепта «юность». Защита индивидуальных и парных проектов.

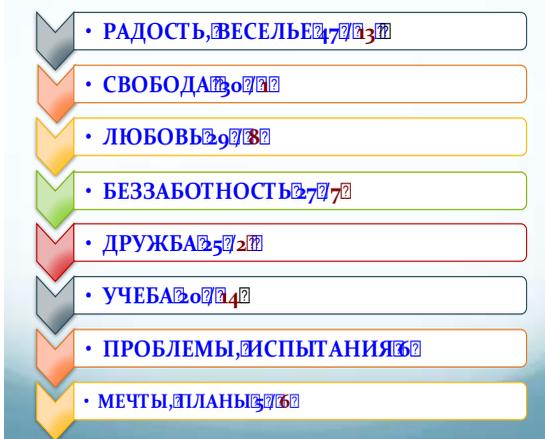
1. Подбор ассоциаций к слову-концепту **юность**:

«Юность – это...» (групповое задание).

2. **Анализ результатов социального проекта-опроса**

«С чем я ассоциирую юность».

Цель проекта – определить ассоциативное поле слова «юность», выявить общие ассоциативные доминанты у опрошенных учеников (162) и педагогов лица (42).

3. **Защита мини-проекта «Облако слов»** (работа в парах).

Цель проекта – визуальное представление / воплощение слов, связанных с концептом «юность». Расширенное ассоциативное поле концепта **«Юность как пора жизни»**:

4. Представление презентации – индивидуального микроисследования ученика: **концепт «Юность» в культурном контексте** (работа со словарями, подбор высказываний деятелей культуры о юности).

5. **Защита мини-проекта «Облако слов» «Концепт юность в одноименной повести Л.Н. Толстого»** (работа в парах).

6. **Защита проекта «Линия времени (по трилогии Л.Н. Толстого)»** (работа в парах).

Цель проекта – выстроить линию времени, которая отразила бы все 3 этапа развития личности и взросления Н. Иртеньева; найти общие точки и дать ответ на вопрос „Что составляет мир героя?“

III. Применение (15 минут)

Работа с текстом главы «Comme il faut»:

1. Интерпретация главы «Comme il faut»: «Живое слово» (театрализация) – художественное воплощение главы до слов «Главное зло состояло в том убеждении, что...»

Задача учеников – определить по тексту, в чем заключается главное зло следования правилам комильфо.

2. Работа с текстом главы (техника медленного чтения):

Заметки на полях страницы	Л.Н. Толстой. Повесть «Юность» глава XXXI. «Comme il faut»
<p>1. Найдите в 1 абзаце и подчеркните определения, указывающие на оценку / отношение героя к понятию комильфо.</p> <p>2. Подберите к ним синонимы.</p> <p>3. Определите художественный прием, положенный в основу подразделения</p>	<p>Уже несколько раз в продолжение этого рассказа я намекал на понятие, соответствующее этому французскому заглавию, и теперь чувствую необходимость посвятить целую главу этому понятию, которое в моей жизни было одним из самых пагубных, ложных понятий, привитых мне воспитанием и обществом.</p> <p>Род человеческий можно разделять на множество отделов — на богатых и бедных, на добрых и злых, на военных и статских, на умных и глупых и т. д., и</p>

Заметки на полях страницы	Л.Н. Толстой. Повесть «Юность» глава XXXI. «Comme il faut»
<p>людей «на множество отделов», согласно Николаю Иртеньеву.</p> <p>4. Объясните значение выражения: <i>«считал достойными иметь со мной равные отношения»;</i> <i>«питал к ним оскорбленное чувство личности»;</i> <i>«как сильно вросло в меня»</i> (понятие комильфо).</p> <p>5. Перечислите признаки человека комильфо и одно из главных его условий.</p> <p>6. Ответьте на вопрос: «В чем пагубность, ложность этого понятия», прокомментировав выделенную фразу в тексте.</p> <p>7. Объясните, чем было комильфо для героя, подчеркните в тексте ряд имен существительных, соотносимых с понятием комильфо.</p>	<p>т. д., но у каждого человека есть непременно свое любимое главное подразделение, под которое он бессознательно подводит каждое новое лицо. Мое любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей <i>comme il faut</i> и на <i>comme il ne faut pas</i>¹. Второй род подразделялся еще на людей собственно не <i>comme il faut</i> и простой народ. Людей <i>comme il faut</i> я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых — притворялся, что презираю, но, в сущности, ненавидел их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я их презирал совершенно. Мое <i>comme il faut</i> состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. «Для чего же ты хочешь говорить, как мы, когда не умеешь?» — с ядовитой насмешкой спрашивал я его мысленно. Второе условие <i>comme il faut</i> были ногти — длинные, отчищенные и чистые; третье было умение кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушие ко всему и постоянное выражение некоторой изящной, презрительной скуки. Кроме того, у меня были общие признаки, по которым я, не говоря с человеком, решал, к какому разряду он принадлежит. Главным из этих признаков, кроме убранства комнаты, печатки, почерка, экипажа, были ноги. Отношение сапог к</p>

Заметки на полях страницы	Л.Н. Толстой. Повесть «Юность» глава XXXI. «Comme il faut»
<p>8. Определите, в чем видит Николай Иртеньев главное зло понятия комильфо? Почему?</p> <p>8. Какая участь ожидала героя? Как вы думаете, удалось ему избежать ее или нет?</p>	<p>пantalонам тотчас решало в моих глазах положение человека. Сапоги без каблука с угловатым носком и концы pantалон узкие, без штрипок, — это был <i>простой</i>; сапог с узким круглым носком и каблуком и pantалоны узкие внизу, со штрипками, облегающие ногу, или широкие, со штрипками, как багдахин стоящие над носком, — это был человек <i>mauvais genre</i>², и т. п.</p> <p>Странно то, что ко мне, который имел положительную неспособность к <i>comme il faut</i>, до такой степени привилось это понятие. А может быть, именно оно так сильно вросло в меня оттого, что мне стоило огромного труда, чтобы приобрести это <i>comme il faut</i>. <u>Страшно вспомнить, сколько бесценного, лучшего в жизни шестнадцатилетнего времени я потратил на приобретение этого качества.</u> Всем, кому я подражал, — Володе, Дубкову и большей части моих знакомых, — все это, казалось, доставалось легко. Я с завистью смотрел на них и втихомолку работал над французским языком, над наукой кланяться, не глядя на того, кому кланяешься, над разговором, танцеваньем, над выработываньем в себе ко всему равнодушия и скуки, над ногтями, на которых я резал себе мясо ножницами, — и все-таки чувствовал, что мне еще много оставалось труда для достижения цели. А комнату, письменный стол, экипаж — все это я никак не умел устроить так, чтобы было <i>comme il faut</i>, хотя усиливался, несмотря на отвращение к практическим делам, заниматься этим. У других же без</p>

Заметки на полях страницы	Л.Н. Толстой. Повесть «Юность» глава XXXI. «Comme il faut»
	<p>всякого, казалось, труда все шло отлично, как будто не могло быть иначе. Помню раз, после усиленного и тщетного труда над ногтями, я спросил у Дубкова, у которого ногти были удивительно хороши, давно ли они у него такие и как он это сделал? Дубков мне отвечал: «С тех пор, как себя помню, никогда ничего не делал, чтобы они были такие, я не понимаю, как могут быть другие ногти у порядочного человека». Этот ответ сильно огорчил меня. Я тогда еще не знал, что одним из главных условий <i>comme il faut</i> была скрытность в отношении тех трудов, которыми достигается <i>comme il faut</i>. <i>Comme il faut</i> было для меня не только важной заслугой, прекрасным качеством, совершенством, которого я желал достигнуть, но это было необходимое условие жизни, без которого не могло быть ни счастья, ни славы, ничего хорошего на свете. Я не уважал бы ни знаменитого артиста, ни ученого, ни благодетеля рода человеческого, если бы он не был <i>comme il faut</i>. Человек <i>comme il faut</i> стоял выше и вне сравнения с ними; он предоставлял им писать картины, ноты, книги, делать добро, — он даже хвалил их за это, отчего же не похвалить хорошего, в ком бы оно ни было, — но он не мог становиться с ними под один уровень, он был <i>comme il faut</i>, а они нет, — и довольно. Мне кажется даже, что, ежели бы у нас был брат, мать или отец, которые бы не были <i>comme il faut</i>, я бы сказал, что это несчастье, но что уж между мной и ими не может быть ничего общего. Но ни потеря золотого времени,</p>

Заметки на полях страницы	Л.Н. Толстой. Повесть «Юность» глава XXXI. «Comme il faut»
	<p>употребленного на постоянную заботу о соблюдении всех трудных для меня условий <i>comme il faut</i>, исключаяющих всякое серьезное увлечение, ни ненависть и презрение к девяти десятым рода человеческого, ни отсутствие внимания ко всему прекрасному, совершающемуся вне кружка <i>comme il faut</i>, — все это еще было не главное зло, которое мне причинило это понятие. Главное зло состояло в том убеждении, что <i>comme il faut</i> есть самостоятельное положение в обществе, что человеку не нужно стараться быть ни чиновником, ни каретником, ни солдатом, ни ученым, когда он <i>comme il faut</i>; что, достигнув этого положения, он уж исполняет свое назначение и даже становится выше большей части людей.</p> <p>В известную пору молодости, после многих ошибок и увлечений, каждый человек обыкновенно становится в необходимость деятельного участия в общественной жизни, избирает какую-нибудь отрасль труда и посвящает себя ей; но с человеком <i>comme il faut</i> это редко случается. Я знал и знаю очень, очень много людей старых, гордых, самоуверенных, резких в суждениях, которые на вопрос, если такой задастся им на том свете: «Кто ты такой? и что там делал?» — не будут в состоянии ответить иначе как: «<i>Je fus un homme très comme il faut</i>»³. Эта участь ожидала меня.</p>

3. Послетекстовые задания:

3.1. Ответы на вопросы: «Различает ли герой подлинные и мнимые ценности? Как относится Л.Н. Толстой к увлечению Н. Иртеньева понятием *комильфо*? (подсказка –

повесть автобиографична) Осуждает ли автор своего героя?»

3.2. Организация учителем «заочного диалога с Толстым»: учащиеся восстанавливают пропущенные слова писателя (высказывания представлены на отдельных слайдах), комментируют свой выбор, сверяют с авторскими словами.

«Одно из величайших заблуждений при суждениях о человеке в том, что мы называет, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть... все: все возможности, есть текучее вещество» (Л.Н. Толстой)

«Чтобы жить честно, надо рваться, ругаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и бросать, и вечно... бороться» (Л.Н. Толстой)

3.3. Прослушивание индивидуального сообщения учащегося «Правила жизни Л.Н. Толстого» (наблюдения по дневникам писателя).

Комментирование учителем слов **М.М. Бахтина** о самоопределении человека, которое осуществляется по «простой формуле»: *«Я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого. Но за этой простотой необходимо вскрыть необычайную сложность взаимоотношений участников (их оказывается много) этого события».* Возврат к словам эпиграфа к уроку.

IV. Рефлексия (до 3 минут)

Этап индивидуального смыслотворчества: учащиеся дают ответы на 3 вопроса Л.Н. Толстого: **«Какое время важнее всего? Какой человек? Какое дело?»**

Сравнение собственных ответов с ответами писателя: *«Время сейчас, сию минуту. Человек тот, с кем имеешь дело сейчас. Дело то, чтобы спасти свою душу, то есть делать дело любви!»*

Синтез изученного.

V. Расширение (до 3 минут)

Защита проекта – представление плаката «**Верьте себе!**» (креолизованный текст), сопровождаемого чтением наизусть текста-призыва Л.Н. Толстого: *«Верьте себе, выходящие из детства юноши и девушки, когда впервые поднимаются в душе вашей вопросы: кто я такой, зачем живу я и зачем живут все окружающие меня люди? И главный, самый волнительный вопрос, так ли живу я и все окружающие меня люди? Верьте себе и тогда, когда те ответы, которые будут представляться вам на эти вопросы, будут несогласны с теми, которые были внушены вам в детстве, будут несогласны и с той жизнью, в которой вы найдете себя живущими вместе со всеми людьми, окружающими вас».*

Организация обратной связи

Оценивание учащихся по листам взаимооценивания в устной форме.

Объяснение условий выполнения домашнего задания (до 2 мин.): прочитать главу «Я проваливаюсь»; составить портрет Николая Иртеньева, используя 3 существительных, 3 прилагательных, 3 глагола; письменно ответить на 8 вопрос, предложенный к тексту главы «Comme il faut».

Литература

1. Curriculum național/ aria curriculară Limbă și comunicare Русский язык и литература pentru gimnaziu cu predare în limba rusă clasele V-IX, Chișinău, 2019/ aut.: Țvic I., Cernîh T., Filipova S., Meșcereacova N., Saico O., Ursu E. Доступен: https://mecc.gov.md/sites/default/files/limba_literatura_rusa_gimnaziu.pdf.

2. Curriculum național/ aria curriculară Limbă și comunicare Русский язык и литература pentru liceu cu predare în limba rusă clasele V-IX, Chișinău, 2019/ aut.: Țvic I., Cernîh T., Filipova S., Meșcereacova N., Saico O., Ursu E. Доступен: https://mecc.gov.md/sites/default/files/limba_literatura_rusa_liceu.pdf.

3. Curriculum național/ aria curriculară Limbă și comunicare
Русский язык и литература pentru gimnaziu cu predare în limba rusă
clasele V-IX, Ghid de implementare a curriculumului, Chișinău, 2019/
aut.: Țvic I., Cernîh T., Filipova S., Meșcereacova N., Saico O., Ursu E.
Доступен:

<https://mecc.gov.md/sites/default/files/ghidlimbarusagimnaziu.pdf>.

4. Curriculum național/ aria curriculară Limbă și comunicare
Русский язык и литература pentru gimnaziu cu predare în limba rusă
clasele V-IX, Ghid de implementare a curriculumului, Chișinău, 2019/
aut.: Țvic I., Cernîh T., Filipova S., Meșcereacova N., Saico O., Ursu E.
Доступен:

<https://mecc.gov.md/sites/default/files/ghidlimbarusaliceu.pdf>.

**ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА
УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
(РАЗРАБОТКА УРОКА-КВЕСТА
ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ М.А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»)**

Шевчук Тамара Ивановна,
учитель I дидактической степени,
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Аннотация. В статье предлагается проект урока, соответствующий требованиям нововведений Куррикулума-2019; подобный урок активизирует мышление, фантазию, воспитывает коллективный дух учеников-лицеистов, учит решать нестандартные задачи, связанные с русским языком и литературой. Необычная форма урока – квест – помогает усвоить нравственные уроки изученного произведения.

Ключевые слова: *квест, образовательный продукт, исследование, нравственный урок, современный урок, интеллектуальная игра.*

**APPLYING NEW TECHNOLOGIES IN THE LESSONS OF THE
RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE (LESSON-QUEST PROJECT
ON M.A. BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA"**

Annotation. The article proposes a lesson plan that meets the requirements of the Curriculum-2019; such a lesson activates thinking, imagination, fosters lyceum students' collective spirit, teaches them to solve

non-standard problems related to the Russian language and literature. The unusual form of the lesson - a quest - helps to learn the moral lessons of the studied work.

Key words: *quest, educational product, research, moral lesson, modern lesson, intellectual game.*

APLICAREA NOILOR TEHNOLOGII LA LECȚIILE DE LIMBA ȘI LITERATURA RUSĂ (PROIECTAREA LECȚIEI DE TIP QUEST LA OPERA LUI M. BULGAKOV "MASTER ȘI MARGARITA"

Adnotare. Articolul propune un proiect de lecție care corespunde cerințelor inovative ale Curriculumului 2019; o astfel de lecție contribuie la activarea gândirii, a imaginației, încurajează spiritul colectiv al liceenilor, îi învață să rezolve sarcinile nestructurate legate de limba și literatura rusă. O formă neobișnuită de lecție – un quest – ajută la învățarea lecțiilor morale ale operei studiate.

Cuvinte-cheie: *quest (căutare), produs educațional, cercetare, lecție morală, lecție modernă, joc intelectual.*

Современный урок – это, как правило, нестандартный урок. Особенно это касается старших классов, так как учащиеся мало читают, «плохо» говорят, слабо излагают свои мысли. Поэтому, чтобы вовлечь их в процесс чтения, каждый раз «изобретаешь» что-то новое. В связи с внедрением Национального Куррикулума 2019 года уроки русского языка и литературы должны соответствовать четким требованиям: носить интегрированный характер, быть текстоцентричными, побуждать учеников к творчеству, раскрывать межпредметные связи и т.д. **Актуальность** данной статьи заключается в необходимости выработки материалов для проведения нестандартных уроков, способных расширять кругозор учащихся и побуждать их к исследовательской деятельности.

В молодежной среде сегодня необычайно популярны различного рода квесты: компьютерная игра-повествование, задание в компьютерной ролевой игре, задание в настольной ролевой игре, интеллектуально-

экстремальный вид игр на улицах города и за его пределами и, конечно, образовательные квесты.

Чтобы приобщить ребят к процессу медленного чтения, погружения в текст великой книги М.А. Булгакова, мной и был спланирован и проведён урок-квест по роману «Мастер и Маргарита».

Тема урока: *«Каждому по его вере» (итоговый урок по роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)*

Количество часов: 2

Цели: дидактическая (учебная) – закрепить знание и понимание художественного своеобразия романа «Мастер и Маргарита», особенности его композиционной структуры; осознать замысел писателя, осмыслить переключки линий романа, уяснить нравственные уроки М. Булгакова; развивающая – продолжить развитие культуры устной и письменной речи, навыков характеристики литературного героя; формировать умение выделять главное, ассоциативно мыслить, аргументировать свою точку зрения при заполнении «Маршрутного листа», развивая информационную, коммуникативную, компетенцию решения проблем; способствовать развитию интереса к личности и творчеству писателя; воспитательная – продолжить формирование ценностных ориентаций, нравственных идеалов, понимания цели и смысла жизни человека.

Тип урока: квест.

Методы: комментированное чтение в сочетании с эвристическим методом, элементы лингвистического и литературоведческого анализа.

Оборудование: презентация, текст романа «Мастер и Маргарита».

Раздаточный материал: маршрутные листы.

Образовательный продукт – заполненный «Маршрутный лист».

I. Вступительное слово учителя. Сообщение темы, целей урока (слайды 1-3).

«Рукописи не горят...» — с этой верой в силу искусства умирал писатель М.А. Булгаков, все главные произведения которого лежали в ту пору в ящиках его письменного стола неопубликованными и лишь четверть века спустя одно за другим пришли к читателю. Роман «Мастер и Маргарита», вобравший в себя бесконечность времени и безмерность пространства, настолько многогранен, что в привычные рамки и схемы не укладывается. В нём совместились философия, фантастика, сатира, политика, любовь; переплелись дьявольское и божественное. Вряд ли найдется человек, для которого все тайны романа, все загадки решены.

Действие романа разворачивается сразу в нескольких мирах. Цель нашего урока – разобраться в предназначении каждого мира и найти «место» главных героев Мастера и Маргариты, а также попытаться объяснить, в чём ценность этого произведения сегодня и какие уроки вы, читатели, извлекли из него.

II. Класс заранее был поделён на группы, в каждой из которой есть координатор, который будет направлять её «шаги» в квесте и оценивать работу участников по алгоритму, также каждая группа получит маршрутные листы.

1 группа (синий) «Что есть истина?» (Понтий Пилат и Иешуа)

2 группа (жёлтый) «Мы вас испытывали» (Воланд и его свита)

3 группа (красный) «Любовь... поразила нас сразу обоих» (Мастер и Маргарита)

4 группа (зелёный) «Какой интересный город, не правда ли?» (Москва и москвичи)

III. Стадия вызова.

Перед вами 3 эпиграфа. Выберите тот, который, с вашей точки зрения, наиболее полно соответствует идее произведения (слайд 4-6):

- *«Заметим: нигде не прикоснулся Воланд, булгаковский князь тьмы, к тому, кто сознаёт честь, живёт ею и наступает. Но он немедленно просачивается туда, где ему оставлена щель, где отступили, распались и вообразили, что спрятались...»* (П.В. Палиевский)
- *«...Пора отметить то общее, что сближает многообразные и, на первый взгляд, автономные пласты повествования. И в истории московских походов Воланда, и в духовном поединке Иешуа с Понтием Пилатом, и в драматической судьбе Мастера и Маргариты неумолчно звучит один объединяющий их мотив: вера в закон справедливости, правого суда, неизбежного возмездия злу...»* (В.Я.Лакшин)
- *«”Но помимо тела у рукописи есть еще душа. И она – бессмертна”. Сказанное относится не только к рукописи, написанной Мастером. И вообще не только к рукописям. Не только к творчеству и чудотворчеству». Не исчезает, не может исчезнуть, бесследно раствориться в небытии все, что имеет душу. Не только сам человек, но и каждый поступок человека, каждый его жест, каждое движение его души...»* (Б.Сарнов)

IV. Выдача маршрутных листов (см. Приложение 1).

V. Вступительное слово учителя. Итак, дорогие участники квеста, мы отправляемся в реальный путь по страницам романа М.Булгакова «Мастер и

Маргарита». Этот роман можно назвать **самым прелестным сочинением** в русской литературе XX века. Правда, воспринимать слово «прелесть» необходимо не только в современном значении: как очарование, обаяние, красота, но и в его первоначальном, древнерусском смысле: прелесть – это обман, лукавство. А отправимся мы на булгаковском трамвае А (или Аннушке). Он, мистический, «...на Патриарших появился, как «Летучий голландец», появился бесшумно, неожиданно...». Каждая из групп отправится на «трамвае» определённого цвета (хотя известно, что цвет булгаковского трамвая был красный): синий, красный, зелёный, жёлтый. **(слайд 7-8):**

«Не из прекрасного далёка я изучал Москву. О нет, я жил в ней, я истоптал её вдоль и по-перёк... Москву двадцатых годов я знаю досконально... И намерен описать её». (М.Булгаков) **(слайд 9):**

- **Станция первая** «По улицам Третьего Рима» **(слайд 10):**
 - 1) Где состоялась встреча Берлиоза и Бездомного с Воландом? **1 балл**
 - 2) Назовите место, откуда выскочил злополучный трамвай. (перекрёсток Малой Бронной и Ермолаевского переулка) **2 балла**
 - 3) Укажите точный адрес «нехорошей квартиры». (Большая Садовая улица № 302 бис, подъезд 6, № 50) **4 балла.**
 - 4) С террасы какого дома обозревали город Воланд и Азazelло? (дом Пашкова) **2 балла**
 - 5) Кто проживал в «готическом особняке близ Арбата»? (Маргарита с мужем, дополнительные

баллы за адрес: Васильевский переулок, дом 12)
1 балл + 2 балла

- б) Назовите адрес, по которому Мастер на выигранные деньги «нанял у застройщика две комнаты в подвале». (Мансуровский переулок, дом 9) **2 балла**

• **Станция вторая** «За далью – даль» (слайд 11):

Географическое пространство романа значительно расширяют многочисленные упоминания о различных городах и весях, отечественных и зарубежных.

- 1) Куда собирался отправиться Берлиоз незадолго до смерти? **2 балла**

варианты ответов: а) в Кисловодск; б) в Гагры; в) в Сочи.

- 2) «Стёпа поднялся на трясущиеся ноги и пошёл по молу к берегу... Стал на колени перед неизвестным курильщиком и произнёс:

- Умоляю, скажите, какой это город?» **2 балла**

варианты ответов: а) Одесса; б) Ялта; в) Магадан.

- 3) «Если бы вы видели, какая у него вилла в ... !» – сообщает Коровьев Никанору Ивановичу. О чьей вилле идёт речь? (Воланд). **1 балл** Где она находится? **2 балла**

варианты ответов: а) Ницца; б) Баден-Баден; в) Сорренто.

- 4) Куда Иван Бездомный предлагал отправить Канта на три года? **2 балла**

варианты ответов: а) на Северный полюс; б) в Воркуту; в) на Соловки.

• **Станция третья** «Узнай меня» (слайд 12):

- 1) На столе карточки с цифрами, указывающими возраст героя. Узнай героя по возрасту: 40 с лишним (Воланд), 27 (Иешуа), 38 (Мастер), 30 (Маргарита), 23 (Иван Бездомный), 32 (поэт Рюхин), под 40 (Левий Матвей), 45 (профессор Стравинский). **По 1 баллу**

- 2) Выберите одежду своего героя: «старенький разорванный голубой хитон» (Иешуа), бурый халат (Мастер), чёрное пальто (Маргарита), кальсоны (Бездомный), фиолетовый плащ (Коровьев-Фагот), серый берет (Воланд), тяжёлые сапоги (Марк Крысобой), летняя серенькая пара (Берлиоз). **По 1 баллу (слайд 13-14):**
- 3) Назовите вещи, которые принадлежат вам: «громдных размеров, червонного золота» портсигар (Воланд), «половая щётка» (Маргарита), «золотые часы с цепочкой» (Римский), «отточенный, как бритва, длинный хлебный нож» (Левий Матвей), «дуб-ликаты ключей» (Босой), примус (Бегемот), бич (Марк Крысобой), 100 тысяч рублей (Мастер) **(слайд 15). По 1 баллу**
- 4) Глаза, как известно, зеркало души. Давайте вспомним, какого цвета были глаза или какое выражение глаз было у героев романа: у Маргариты (зазеленевшие), Мастера (карие), Геллы (зелёные), Бездомного (зеленоватые), у кого «глаза... казались слепыми» (у Понтия Пилата), у Низы (голубые), «зверские глаза» (у Семплеярова), чёрные, один глаз с бельмом (у Азazelло). **По 1 баллу**

• **Станция четвёртая** «Похимичим» **(слайд 16):**

Определите, с какими героями связаны следующие напитки или жидкости: абрикосовая вода (Берлиоз, Бездомный), вино (Воланд через Азazelло передал мастеру), коньяк (Маргарита налила Азazelло), розовое масло (Понтий Пилат), горячее молоко (Бездомный), белое вино (Мастер), вино «Цекуба» (Понтий Пилат, Афраний), бензин (Бегемот). **По 2 балла**

• **Станция пятая** «Книжная полка» (блиц-опрос для всех) **(слайд 17):**

- «Всё смешалось в глазах у Поплавского». Выражение из какого знаменитого произведения великого автора перефразировано здесь Булгаковым? («Анна Каренина» Л.Н. Толстого.) **2 балла**

- Поэт Рюхин по пути из клиники Стравинского останавливается на Тверском бульваре. Взглянув на памятник Пушкину, он думает: «Ну что он сделал? Я не постигаю...Что-нибудь особенное в этих словах... Не понимаю!.. Повезло, повезло!» Какие пушкинские строки вспомнились в этот момент Рюхину? («Буря мглою») **1 балл**

- Один булгаковский герой «совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз в день» произносил имя Пушкина. Кто же это? В какой связи он упоминал имя великого русского поэта?

Помните ли вы, когда этот герой впервые непосредственно соприкоснулся с пушкинским текстом? (Это Никанор Иванович Босой, *«председатель жилищного товарищества дома № 302-бис по Садовой улице в Москве, где проживал покойный Берлиоз»*. Никанор Иванович *«ежедневно по несколько раз произносил фразу вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?»*. Персонаж «Мастера и Маргариты» впервые «познакомился с одним из произведений» Пушкина... во сне, когда Савва Куролесов читал со сцены отрывок из «Скупого рыцаря».) **1+1+2=4 балла**

- Заведующий филиалом городской зрелищной комиссии страдал «манией организации всякого рода кружков». Им был организован в числе прочих и кружок по изучению творчества выдающегося поэта XIX века. Назовите данного поэта. (М.Ю. Лермонтов) **2 балла**

- «Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце <...> Дом назывался «Домом [?]» на том основании, что будто бы некогда им владела тётка писателя <...> Более того, один московский врун рассказывал, что <...> знаменитый писатель читал отрывки из [?] этой самой тётке...». Укажите фамилию известного писателя, именем которого назван упомянутый в романе дом, а также его знаменитое произведение. (А.С. Грибоедов. «Горе от ума».)

1+1=2 балла

- Кто и о ком говорит: «так вот, чтобы убедиться, в том, что _____ – писатель, неужели нужно спрашивать у него удостоверение? Да возьмите любых 5 страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения убедитесь, что имеете дело с писателем». (Коровьев о Достоевском) **2 балла**

• **Станция шестая** «Вам письмо» (слайд 18-22):

Каждая из команд получает в «разобранном» виде известные слова одного из героев. Надо собрать эту фразу.

- 1) «... всякая власть является насилием над людьми и ... настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдёт в царство истины и справедливости...» (Иешуа)
- 2) «Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны... Ну, легкомысленны... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...» (Воланд)
- 3) «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас

сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!» (Мастер)

- 4) *«Отдайте мою голову! Голову отдайте! Квартиру возьмите, картины возьмите, только голову отдайте!» (Жорж Бенгальский)*
- **Станция седьмая** «В ботаническом саду» (слайд 23-24):

В произведении много растений: цветов, деревьев, кустарников связанных с теми или иными героями. Перед вами картинки с их изображением. Выберите те, которые соотносятся с героями вашей группы: липовая аллея (Бездомный, Берлиоз, Воланд), мимозы (Маргарита), японские махровые камелии (Воланд), бор (Бездомный), кусты сирени (Мастер), фиговое дерево (Левий Матвей), миры и акации (Иуда), тюльпаны (Коровьев). **По 2 балла**

- **Станция восьмая** «Не хотите ли закусить...» (слайд 25-27):

*«...нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объёмистом ювелиришном графинчике» (Стёпа Лиходеев), печёный картофель (Мастер и Маргарита), «яства и вино в кувшинах» (Понтий Пилат), «стопка водки и маринованный гриб» (Бегемот). **По 2 балла***

- **Станция девятая** «Всё будет правильно» (слайд 28-39):

Никто не наказан Воландом и его свитой случайно, каждый получил по заслугам. Князь Тьмы высмеивает, порой и уничтожает при помощи подручных всё, что отступило от добра, изолгалось, развратилось, нравственно оскудело.

Вам предлагается заполнить таблицу:

Кого наказывает Воланд?	За что?	Как?
Берлиоза	За безверие и догматизм	Травмаем ему отрезает голову - он уходит в небытие.
Ивана Бездомного	За сочинение бездарных стихов	Отправлен в психиатрическую больницу
Директора варьете Стёпу Лиходеева	За пьянство, безделье и разврат	Ассистенты Воланда вышвыривают его из Москвы в Ялту
Администратора Варенуху	За ложь и хамство	Превращают на некоторое время в вампира
Никанора Ивановича Босого	За взяточничество	Арестовывают за хранение валюты, затем отправляют в психиатрическую больницу
Барона Майгеля	За доносы и шпионаж	Азazelло его убивает
Буфетчика варьете	За жульничество, воровство и скопидомство	Ему обещана в близком будущем смерть от рака печени
Доктора Кузьмина	Забыл клятву Гиппократата	Доводят до сумасшествия
Поплавского, дядю Берлиоза	Он хапуга	Вышвыривают из квартиры
Финдиректора варьете Римского	За бюрократизм	Устраивают сцену ужасов, в результате чего он превращается в седого старика с трясущейся головой
Театрального начальника Семплеярова	За многожёнство	Из высокого кресла он вылетает на должность заведующего грибозаготовительным пунктом

VI. Наше путешествие подошло к логическому завершению. Но мне не дают покоя последние слова М. Булгакова: «Чтобы знали...». Что? Что хотел сказать М. Булгаков?

Если есть стадо, есть пастух, (слайд 40)

Если есть тело, должен быть дух.

Если есть шаг, должен быть след,

Если есть тьма, должен быть свет.

Давайте будем готовить события, (слайд 41)

Где будут участники, а не зрители,

Где каждый откроет свой собственный смысл,

И выразит вслух свою главную мысль.

VII. Подведение итогов. (слайд 42)

VIII. Рефлексия.

Учащиеся высказываются об уроке, своей работе, что понравилось, а что было трудно.

IX. Домашнее задание: подготовиться к контрольной работе по роману М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита»

Приложение 1.

Список участников	Ст. 1 14 б.	Ст. 2 9 б.	Ст. 3 8 б.	Ст.4 4 б.	Ст.5 13 б.	Ст.6 5 б.	Ст.7 4 б.	Ст. 8 4 б.	Ст. 9 22 б.	В с е г о

Литература

1. Агапова И.А., Давыдова М.А. «Тематические игры и праздники по литературе». М., 2004.
2. Булгаков М.А. Романы. Кишинёв, 1987.
3. Тимохина Н.А. «Литературный квест “ Идём в ногу со временем”». Миасс, 2016.
4. Харитоновна О.Н. «Интеллектуальные литературные игры для учащихся 10-11 классов». Ростов-на-Дону, 2005.

МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СХЕМ И ТАБЛИЦ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ОМОНИМОВ

*Еркибаева Гульфайруз Гинаятовна,
доктор педагогических наук, профессор
(г. Туркестан, Казахстан)*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы повышения эффективности обучения на занятиях дисциплины «Лексика и фразеология». Автор, опираясь на собственный многолетний опыт (52 года), считает, что наглядность, а именно схемы и таблицы способствуют повышению знаний. Среди схем выбирает структурно–логические схемы, которые позволяют наглядно представить всю дисциплину в целом в начале ее изучения.

Ключевые слова: *структурно-логические схемы, эффективность, обновленная система*

METHODS OF USING TABLES AND SCHEMES IN STUDYING HOMONYMS

Abstract: The article deals with the problems of increasing the effectiveness of teaching in the classroom of the discipline "Vocabulary and phraseology". The author, relying on his own many years of experience (52 years), believes that visibility, namely diagrams and tables, contribute to increasing knowledge. Among the schemes, he chooses structural and logical schemes that allow to visualize the entire discipline as a whole at the beginning of its study.

Key words: *structural logic diagrams, efficiency, updated system*

Проблема. Идет активный поиск путей, стимулирующих самостоятельность студентов в рамках оптимизации всего учебного процесса. И творчески работающий преподаватель ищет пути познавательной деятельности к повышению мотивации, занимается поиском оптимального использования современных методов обучения, лучших наработок из сокровищницы педагогического мастерства, в частности, роли структурно-логических схем в учебном процессе.

Объект исследования – процесс обучения студентов при работе с омоинимами.

Постановка проблемы.

В обучении особую роль играет принцип наглядности. Принцип наглядности заключается в целесообразном и эффективном привлечении органов чувств к восприятию, осознанию и переработке учебного материала.

Использование наглядности на уроках способствует формированию четких пространственных и количественных представлений, содержательных понятий, развивает логическое мышление и речь, помогает на основе рассмотрения и анализа конкретных явлений прийти к обобщению, которые затем применяются на практике. Применение различных средств наглядности активизирует учащихся, привлекает их внимание и тем самым помогает их развитию, способствует прочному усвоению материала, дает возможность экономить время.

К наглядности относят иллюстрации, схемы, карты и т.д. Покажем в таблице №1 виды наглядностей

Таблица №1.

Виды наглядностей

№	Виды наглядностей	Функции
1.	Естественные: предметы объективной реальности - растения, животные, полезные ископаемые	знакомство учащихся с реальными объектами природы
2.	Экспериментальные: опыты и эксперименты - явления испарения, таяния льда, наблюдения за учениками, за повышением качества знаний	знакомство с явлениями и процессами в ходе опытов, наблюдений
3.	Объемные: макеты, муляжи, геометрические фигуры	знакомство с теми предметами, где объемное, а не плоскостное

№	Виды наглядностей	Функции
		изображение играет роль в восприятии
4.	Изобразительные (некоторые авторы называют их картинная и картинно-динамическая наглядность): иллюстрации, репродукции картин, фотографии, портреты	познакомить с какими-то фактами, предметами, явлениями через их отображение.
5.	звуко-изобразительные: кино, телевидение, грамзаписи, магнитофонные записи, радио	воспроизведение звуковых образов
6.	символическая и графическая: чертежи, графики, схемы, формулы, карты	развитие абстрактного мышления, знакомство с условно-обобщенным, символическим отображением реального мира.

Проблемы использования наглядности были рассмотрены в следующих работах: «Логический анализ содержания учебников как основа для выбора оптимальных форм и методов обучения» [13]. «Проблемно-поисковая деятельность на наглядно-образной основе как средство развития познавательной активности учащихся» [14], «Наглядность как принцип обучения» [15], «Проблема наглядного обучения в педагогическом опыте Н.Ф. Бунакова и П.Ф. Каптерова» [16], «Наглядные методы обучения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений» [17], «Развивающая наглядность» [18], «Современные наглядные средства в учебном процессе» [3].

Как отмечает А.С. Гиль, наглядные пособия позволяют лучше понять, осознать, пропустить материал через себя [3].

Объектом нашей статьи является условно-графическая наглядность, поэтому мы остановимся именно на этом виде наглядности.

Проблемы условно-графической наглядности нашли отражение в трудах: Л.И. Анцифорова [1], В.В. Давыдова [4], М.М. Беляковой [2], М.В. Коротковой [11], В.В. Лузанова [12].

Так, В.В.Лузанов отмечал: «Разработка структурно–логической схемы дисциплины позволяет наглядно представить всю дисциплину в целом в самом начале ее изучения, показать студентам всю логику дисциплины, ее место в специальности, взаимосвязи внутри дисциплины и междисциплинарные связи» [12, 19].

М.М.Белякова доказывает целесообразность структурно-логических схем: «Оптимальность и достоинства структурно-логических схем неоспоримы:

1. Зрительное восприятие структурно-логических схем намного эффективнее за счёт чёткой структуры смыслового содержания темы, которое преподносится с учетом законов логики: анализа, синтеза, сравнения, суждения.

2. Структурно-логическая схема в воображении учащегося создаёт целостную картину изучаемого материала при помощи наглядно-образной систематизации материала, основанной на ассоциативных и логических связях понятий, суждений, умозаключений.

3. Структурно-логические схемы обеспечивают концентрацию внимания за счет структурированности смысловых отрезков, на которых базируются понятия, суждения, умозаключения.

4. Структурно-логическая схема, активизируя различные виды мышления, обеспечивает осмысленное усвоение требуемого содержания материала.

5. Структурно-логические схемы демонстрируют содержание темы при оптимальной смысловой и информационной нагрузке: информация представлена в удобном для восприятия виде, логика подачи информации не даёт двусмысленной интерпретации.

6. Структурно-логические схемы помогают ученику восстанавливать целостную картину из смысловых фрагментов.

7. Структурно-логические схемы учитывают образ мышления современных учащихся, предпочитающих нетекстовую, наглядно-образную информацию, и способствуют формированию культуры научного познания, в основе которого лежит умение устанавливать причинно-следственные связи [2, 94-95].

Проанализировав, научную литературу по проблемам условно-графической наглядности, представили условно-графическую наглядность в виде схемы.

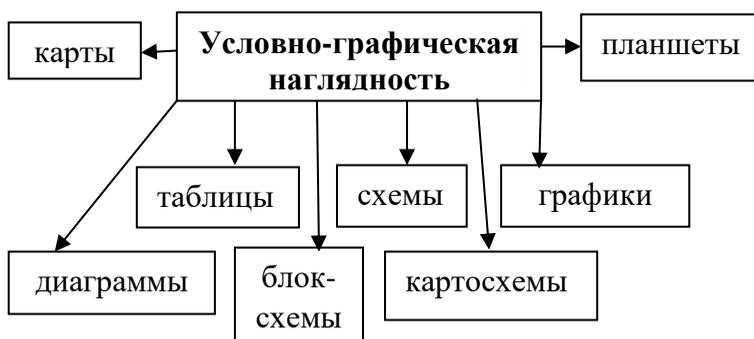

Схема №1. Условно-графическая наглядность

Схемы и таблицы являются средствами выделения главного, они «запирают» информацию в замкнутое пространство.

Работая со схемами и таблицами, студент совершает логические операции: анализ, синтез, сравнение, умение преобразовать и обобщить материал, привести его в систему и графически изобразить.

Выделяются такие виды схем: *логические, сущностные, последовательные, диаграммы, графики, технические, локальные*. Отразим те схемы, которые мы используем, в виде таблицы №2.

Таблица №2.

Виды схем

№	Виды схем	Выполняемые функции
1.	Логические схемы	применяются при изучении причин и последствий событий и явлений, помогают выявить причинно-следственные связи. Основаны на последовательном соединении квадратов, в которых фиксируются причина и следствие, вытекающие одно из другого.
2.	Структурные схемы	отражают структуру, основные части, черты и суть того или иного явления.
3.	Схемы - диаграммы	подчеркивают количественные и качественные стороны изучаемых событий и явлений.
4.	Структурно–логические схемы	позволяют наглядно представить всю дисциплину в целом в самом начале ее изучения, показать студентам всю логику дисциплины, ее место в специальности, взаимосвязи внутри дисциплины и междисциплинарные связи.

(В своей работе мы используем структурно-логические схемы).

Автора статьи давно (с момента работы в школе – 52 года) занимала проблема эффективности проведения уроков русского языка. В 80-е годы, когда появились труды В.Ф. Шаталова, который создал методику опорных сигналов, разработала опорные сигналы для уроков русского языка [19].

Метод В.Ф. Шаталова опирается на то, что необычное и оригинальное гораздо лучше запоминается, это свойство человеческой психики и мышления. В.Ф. Шаталов пишет: «Компактные, необычные опорные сигналы, вызывая живой интерес учащихся, побуждают их к активному труду, к поиску, обостряют внимание ко всем проблемам, которые оказываются в поле их активного восприятия» [20, 160].

Кроме метода В.Ф. Шаталова автора привлекла модульная технология П.А. Юцявичене [21], М.М. Жанпеисовой [10], где также применяются схемы.

Следующие работы автора: «Опорные сигналы при изучении прямой и косвенной речи», «Опорные схемы к словарным статьям словарей русского и казахского языков», «Технология модульного обучения на уроках русского языка», «Использование технологии модульного обучения на уроках русского языка», «Методика использования технологии В.Ф. Шаталова на уроке русского языка» были посвящены разработке схем по В.Ф. Шаталова и М.М. Жанпеисовой [5-9].

Вопрос об использовании схем и таблиц при изучении дисциплины «Лексика и фразеология» исследован пока недостаточно. И хотя проблеме использования схем и таблиц на уроках русского языка уделяется довольно много внимания в теоретических

трудах, она, в сущности, еще по-настоящему не разработана.

Недостаточно разработана методика использования схем и таблиц дисциплины «Лексика и фразеология». Отсутствует методика использования структурно–логических схем при изучении темы «Омонимическая парадигма как явление формально-семантического порядка».

По структурно–логической схеме можно легко увидеть, где находится данная тема, раздел в общей картине дисциплины, что мы уже успели изучить, а что будем изучать на следующем занятии. Цели каждого занятия студенты способны ставить самостоятельно, что будет мотивировать их к осознанному освоению на занятиях теоретического материала дисциплины и последующему выполнению практических заданий для закрепления изученного теоретического материала.

Структурно–логические схемы содержат ту часть информации, которая является звеном остального и способна это остальное вытянуть за собой. Эти схемы ориентированы на зрительную память: информация, заложенная в схемах, прочно закрепится студентом, и затем при воспоминании вызовет цепь информационных посылок, которая в нем спрятана, что, в конечном счете, буде способствовать повышению качества знаний.

Решение проблемы. Обзор и анализ научной литературы выявил, что авторы, указанные в исследовании, единодушны в полезности и необходимости использования схем и таблиц в учебном процессе вуза. Предложенные и разработанные специалистами типы и виды работ со схемами и таблицами в вузе научно обоснованны, убедительны. Однако ни одна методика не является универсальной. Каждый контингент, вуз, группа

требуют своей методики, интерпретации, так как образ мышления, восприятие мира специфичны. Поэтому использования схем и таблиц при изучении дисциплины «Лексика и фразеология» на 2-ом курсе специальности «Русский язык и литература» требует своего научного обоснования, разработки своей методики, а именно, использования схем и таблиц при изучении дисциплины «Лексика и фразеология».

Будущих преподавателей мы готовим к работе в школе, поэтому при обучении стараемся особое внимание уделять актуальным проблемам современного образования. То есть прививаем навыки использования инновационных технологий, прививаем навыки работы по обновленной системе образования.

Переход на обновление содержания образования предъявляет новые требования к работе в рамках компетентностного подхода к образованию, обеспечение педагогов здоровьесберегающими технологиями, формирование готовности работать в условиях возросшей индивидуализации образовательного процесса. Обновление содержания образования предполагает изменение планов занятий: *краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные*, которые даются в таблице.

Изменились формы оценивания: *критериальное, формативное и суммативное*. Поэтому на занятиях мы используем шаблоны планов, которые применяются в школах.

Предлагаем пример плана лекционного занятия на 2-ом курсе по дисциплине «Лексика и фразеология» на тему «Омонимическая парадигма как явление формально-семантического порядка».

План занятия

Дата: 11.10 2019	Имя преподавателя: Еркибаева Г.Г.	
Группы: ФРЛ-721, ФРЛ -721 (ф)	Количество присутствующих: 34	отсутствующих: нет
Тема занятия	«Омонимическая парадигма как явление формально-семантического порядка»	
Цели обучения, преследуемые на данном занятии	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дать объяснение понятию «Омонимическая парадигма (ОП)» 2. Познакомить с омонимами. 3. Показать различие между полными и неполными лексическими омонимами 4. Показать явления, смежные с омонимией. 5. Показать пути возникновения омонимов в языке. 6. Дать понятие о функционально-стилистической роли омонимов в русском языке. 	
Цели занятия	Научить студентов выступать перед аудиторией, привить умения создавать проблемные ситуации, готовить к профессии учителя.	
Предварительные знания	Студенты будут использовать навыки создания устного высказывания, оценивания высказывания, составление плана урока по обновленной программе	
План		
Этапы занятия	Запланированная деятельность	Ресурсы
Начало занятия 5 минут	<p>Преподаватель проверяет готовность студентов к занятию, повторяя пройденный материал и создавая проблемную ситуацию. Знакомит их с целями занятия, объясняет, как они связаны с темой.</p> <p>Выбирают экспертов.</p> <p>Экспертам выдается лист наблюдения за выступающими студентами, в котором они должны будут оценить действия наблюдаемого по параметрам:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Соблюдение орфоэпических норм. 2. Аргументированность (подкрепляет свои мысли аргументами). 	<p>Лист наблюдения</p> <p>Учебные пособия преподавателя, методич</p>

Дата: 11.10 2019	Имя преподавателя: Еркибаева Г.Г.	
5 минут 25 минут Середина занятия	3. Коммуникативные способности (создание проблемной ситуации). 4. Применение средств обучения Экспертам рекомендуется подкрепить свои оценки комментарием. Выступление преподавателя Выступление спикеров 1. Омонимическая парадигма (ОП) 2. Определение омонимов. 3. Различие полных и неполных лексических омонимов. 4. Явления, смежные с омонимией. 5. Пути возникновения омонимов в языке. 6. Функционально-стилистическая роль омонимов в русском языке.	еские рекомен дации к оценива нию по обновле нной програм ме слайды
6 минут	Выступление экспертов	Лист
3 минуты	Выводы по теме	наблуде ния
Конец занятия 1 минута	Рефлексия «Лист самооценки» (дается после таблицы)	Само- оценка

Предлагаем план-конспект лекции.
ЛЕКЦИОННОЕ ЗАНЯТИЕ №4

Тема. Омонимическая парадигма как явление формально-семантического порядка

Цель:

1. Дать объяснение понятию «Омонимическая парадигма (ОП)»
2. Познакомить с омонимами.

3. Показать различие между полными и неполными лексическими омонимами
4. Показать явления, смежные с омонимией.
5. Показать пути возникновения омонимов в языке.
6. Дать понятие о функционально-стилистической роли омонимов в русском языке.

Содержание занятия:

1. Омнимическая парадигма (ОП)
2. Определение омонимов.
3. Различие полных и неполных лексических омонимов.
4. Явления, смежные с омонимией.
5. Пути возникновения омонимов в языке.
6. Функционально-стилистическая роль омонимов в русском языке.

Методы и приемы обучения: беседа, лекция, презентация

Технологии, используемые на занятии:

1. Технология проблемного обучения по А.М.Матюшкину, М.И.Махмудову
2. Технология развивающего обучения по Л.В.Занкову и В.В.Давыдову
- 3.Технология опережающего задания по С.Н.Лысенковой

Техническое оснащение занятия: презентации, проектор.

Оснащенность занятия:

- 1.Методические рекомендации к оцениванию по обновленной программе
2. Книги Еркибаевой Г.Г.
- 3.Видеопроектор
- 4.Маркеры
- 5.Ватман

Работа в аудитории

1. Выводы по пройденной теме:

1. Что такое лексическое значение слова, чем оно отличается от грамматического значения?
2. Назовите типы лексических значений слов в русском языке.
3. Что такое прямое и переносное значение слова?
4. Приведите примеры разновидности переносных значений в русском языке.

2. Технология проблемного обучения.

1. Что такое омонимическая парадигма (ОП)?
2. Что называется омонимами?
3. В чем различие полных омонимов от неполных лексических омонимов?
4. Назовите явления, смежные с омонимией.
5. Как появляются омонимы в языке?
6. Определите функционально-стилистическую роль омонимов в русском языке.

3. Технология развивающего обучения по Л.В.Занкову и В.В.Давыдову.

Краткое содержание лекции

Выступление преподавателя. Значения слов вступают друг с другом в парадигматические отношения, образуя разного рода лексико-семантические объединения. Парадигматические отношения существуют как потенциальные и выявляются лишь путем взаимного противопоставления слова на основе сходства и различия в

значениях слов. Указанные отношения характеризуют нелинейную (нетекстовую) организацию однородных по смыслу лексических единиц. Парадигмы слов организуются на основе общих (интегральных) семантических признаков и различаются семантическими дифференциальными признаками, которые противопоставляют друг другу члены парадигмы.

Виды парадигм выражены Схемой №2.

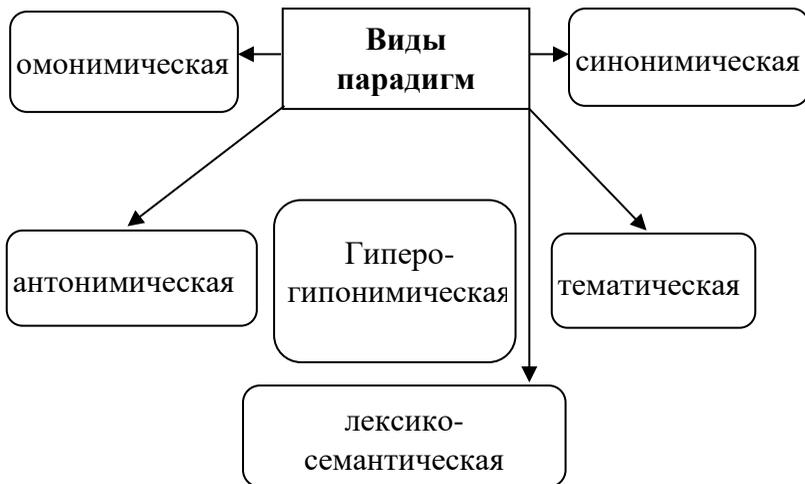

Схема №2. Виды парадигм

Понятие парадигматических отношений может быть применено к явлению омонимии, поскольку системность омонимического ряда проявляется в наличии признаков интегральных (план выражения) и дифференциальных (план содержания).

Поэтому омонимическая парадигма - явление формально-семантического порядка. ОП – Омнимическая парадигма представлена Схемой №3.

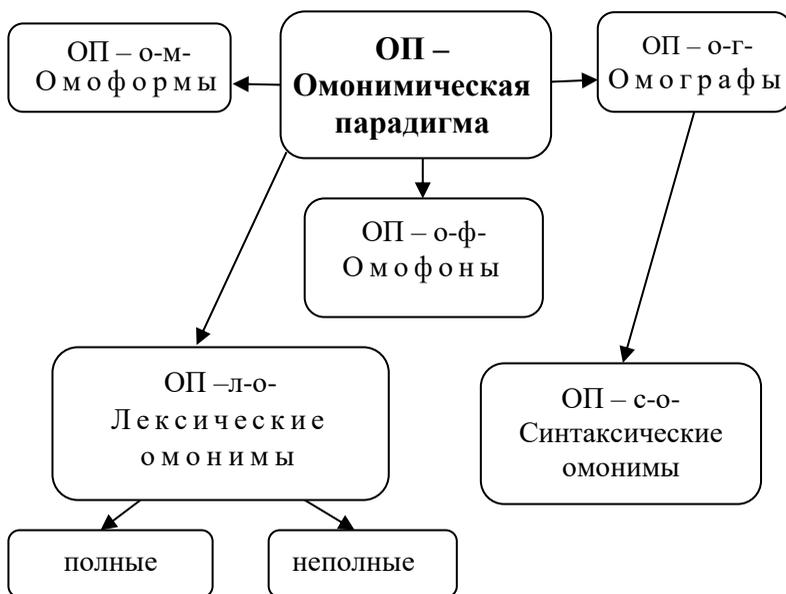

Схема №3. ОП – Омонимическая парадигма

Выступления спикеров. По технологии опережающего задания С.Н.Лысенковой студенты заранее получают задания. Так 6 студентов подготовили выступления на темы:

- 1.Омонимическая парадигма (ОП)
- 2.Определение омонимов.
- 3.Различие полных и неполных лексических омонимов.
- 4.Явления, смежные с омонимией.
- 5.Пути возникновения омонимов в языке.
- 6.Функционально-стилистическая роль омонимов в русском языке.

После выступления спикеров, слово предоставляется экспертам.

Они выставляют оценки по следующим критериям:

критерии	баллы
1.Соблюдение орфоэпических норм.	10
2.Аргументированность (подкрепляет свои мысли аргументами).	20
3.Коммуникативные способности (создание проблемной ситуации).	20
4.Применение средств обучения	50
Общий балл	100

Рефлексия «Лист самооценки»

Лист самооценки (Ватман прикрепляется к доске, студенты в конце занятия маркером отмечают свое мнение)

Получил удовольствие	Рефлексия	Узнал что-то новое
Ничего не понял		Ничего не узнал
Удивился		Не понравилось

Уровневые вопросы:

1 уровень. Какие слова называются омонимами?

Чем различаются полные и неполные лексические омонимы?

2 уровень. Какие вы знаете явления, смежные с омонимией?

3 уровень. Каковы пути возникновения омонимов в языке?

Задания СРСП: Омонимическая парадигма (ОП).
Различие омонимов от многозначных слов. Составление схем, таблиц.

Задания СРС: Пути возникновения омонимов в языке.
Презентация.

Выводы. Таким образом, схемы и таблицы позволяют акцентировать обучающихся на главном в изучаемом теоретическом материале, развивают абстрактное мышление, отражают составные части понятий, явлений, процессов, устанавливают логическую последовательность между частями, выявляют существенные признаки, связи и отношения объектов, явлений, процессов.

Использование различных наглядных пособий: схем, таблиц активизирует внимание студентов, повышает их интерес к учебе. Благодаря наглядным пособиям, а именно схемам, таблицам материал усваивается и запоминается лучше, тем самым возрастает степень успеваемости, результаты обучения улучшаются.

Заключение. Поиск путей, стимулирующих самостоятельность студентов в рамках оптимизации всего учебного процесса, привел нас к структурно-логическим схемам.

В дальнейшем исследовании следует более тщательно рассмотреть потенциальные последствия применения Структурно–логических схем при изучении дисциплины «Лексика и фразеология», например, повышения качества знаний. Это предположение может быть рассмотрено в будущих исследованиях: подготовке статей «Роль структурно-логических схем по учебной дисциплине как способ повышения мотивации студентов», «Структурно-логические схемы при изучении антонимов», «Использование блочно-схемных методов при изучении лексического значения слова» и т.д.

Дальнейшее исследование применения Структурно–логических схем может расширить объяснение эффективности и оптимизации учебного процесса. Это желательно для дальнейшей работы при подготовке учебного пособия «**Методика обучения лексики и фразеологии**» в блоках, схемах, таблицах, описаниях».

Будущие исследования необходимы для подтверждения того, какие выводы можно сделать из этого исследования.

Литература

1. Анцифиров Л.И. Структурно-логические схемы по теории и методике обучения физике [Текст]: методическая разработка / Л.И. Анцифиров., В.И. Земцова – Курск, Орск, 1995. – С. 3.
2. Белякова М.М. Структурно-логические схемы как технология формирования культуры научного мышления на уроках литературы / М.М. Белякова // Педагогическое мастерство: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 93-105.
3. Гиль А.С. Современные наглядные средства в учебном процессе. – Ульяновск, 2016. – 80 с.
4. Давыдов В.В. Виды обобщений в обучении: Логико-психологические проблемы построения учебных предметов [Текст]. — М.: Педагогика, 1972. — 424 с.
5. Еркибаева Г.Г. Опорные сигналы при изучении прямой и косвенной речи. // РЯКШ, №6, 1989.- С.11-17.
6. Еркибаева Г.Г. Опорные схемы к словарным статьям словарей русского и казахского языков: учебно-методическое пособие. - Шымкент, 2000. – 65 с.
7. Еркибаева Г.Г. Технология модульного обучения на уроках русского языка// МНПК «Инновац.тех. в повыш. Качес.образ. науки-2010». – С.25-29.
8. Еркибаева Г.Г., Абишева З.А. Использование технологии модульного обучения на уроках русского языка// Қазақстанның ғылыми әлемі, №5(45), 2012. –С.144-147.
9. Еркибаева Г.Г. Методика использования технологии В.Ф. Шаталова на уроке русского языка// Наука и жизнь Казахстана .7/1, 2019. – С.154-161.
10. Жанпейсова М.М. Модульдік оқыту технологиясы оқушыны дамыту құралы ретінде. – Алматы: 2002. – Б. 14-25.
11. Короткова М.В. Методика обучения истории в схемах, таблицах, описаниях : практ. пособие для учителей / М.В. Короткова, М.Т. Студеникин. – М.: Владос, 2007. – 91 с.
12. Лузанов В.В. Разработка структурно-логических схем и блок-схем по учебной дисциплине как способ повышения мотивации обучающихся.- Новосибирск, 2016, - 1939 3120
13. Лыжова Л. К. "Логический анализ содержания учебников как основа для выбора оптимальных форм и методов обучения. / Л.К. Лыжова – Русский язык в школе, 1987 – № 5. – с. 25 – 32.

14. Матвеева Т.С. Проблемно-поисковая деятельность на наглядно-образной основе как средство развития познавательной активности учащихся. Автореферат. Чебоксары 2000 г.

15. Молочков В. Наглядность как принцип обучения. // Учитель № 1 / 2006г.

16. Нестерова И.Н. Проблема наглядного обучения в педагогическом опыте Н.Ф. Бунакова и П.Ф. Каптерова // Историко-педагогическое наследие П.Ф. Каптерова и проблемы современного образования: материалы Российской научно-практической конференции. Воронеж, 2002 г.

17. Осмоловская И.М. Наглядные методы обучения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.М. Осмоловская. — М.: Издательский центр «Академия», 2009. — 192 с.

18. Селеменев С.В. Развивающая наглядность. // Образование в современной школе № 12 / 2003г.

19. Шаталов В.Ф. Куда и как исчезли тройки – практический педагогический опыт с учениками Донецка. – М., 1978.

20. Шаталов В.Ф. Эксперимент продолжается. —М.: Педагогика, 1989.-336 с

21. Юцявичене П.А. Модульдік оқудың теориясы мен практикасы. – М., 1990

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ- СПОРТСМЕНОВ

Николаева Анна Павловна

*психолог Регионального спортивного лицея
(Республика Молдова, г. Комрат)*

Аннотация: В статье исследуются особенности представлений о конфликте у подростков-спортсменов и избираемой ими стратегии поведения в конфликтной ситуации. Выявлено, что в представлениях о конфликтах и способах поведения существенных различий нет, между подростками-спортсменами, проживающими в общежитии лицея-интерната и постоянно проживающими в семье. Формулируется гипотеза о вхождении подростка-спортсмена в определенную спортивную группу и пребывания в коллективе и способности изменить степень и направленность специфики конфликтного взаимодействия.

Ключевые слова: *конфликт, представления о конфликте, стратегии поведения в конфликтной ситуации.*

CARACTERISTICILE INTERACȚIUNII CONFLICTUALE A SPORTIVILOR ADOLESCENȚI

Adnotare: În articol se discută despre particularitățile percepțiilor și ideilor de conflict la sportivii adolescenți și strategia lor aleasă de comportament într-o situație de conflict. S-a constatat că nu există diferență semnificativă în percepțiile conflictelor și modurilor de comportament între sportivii adolescenți care trăiesc în dormitorul internatului și care trăiesc permanent în familie. Intrarea unui atlet adolescent într-un anumit grup sportiv și șederea într-o echipă poate schimba gradul și direcția specificului interacțiunii conflictuale.

Cuvinte cheie: *Conflict, percepții de conflict, strategie comportamentului în situația de conflict.*

FEATURES OF CONFLICT INTERACTION BETWEEN ADOLESCENT ATHLETES

Annotation: Specificity of conflict perceptions of young athletes and chosen strategy in a conflict situation. It was revealed that there's no big difference in young athletes behavior in a conflict situations between those who live in campus and those who live at home. Becoming a member of athletic team and being around the group can change the degree of conflict interactions.

Key words: *conflict, perception of conflict, the strategy in a conflict situation*

Вступая в общественную жизнь, ребенок становится членом множества самых различных малых групп, формальных и неформальных, членом различных коллективов. Это означает, что он должен усвоить групповые нормы, получить качественное правовое воспитание, требования, правила, так как любая организованная группа характеризуется групповым поведением, групповыми интересами, групповыми целями и задачами.

Процесс взаимодействия не всегда происходит в желаемом направлении. Между членами группы, которые контактируют, могут возникнуть частичные противоречия, а может проявляться и антагонизм позиций, порождённый наличием в них ценностей, целей и мотивов, что

противоречат друг другу. Тогда отношения осложняются до такой степени, что говорят о возникновении конфликта.

Анализ литературы по проблеме конфликта, свидетельствует, что понятие «конфликт» несмотря на его широкое распространение и актуальность, не имеет четкого, общепринятого определения. Само слово «conflictus» в переводе с латинского означает столкновение. Вопрос, что именно сталкивается, решается по-разному у разных авторов и зависит, прежде всего, от общей методологической ориентации исследователя. На это указывает, в частности, Ф.Е. Василюк: «если задаться целью, найти дефиницию, которая не противоречила бы ни одному из имеющихся взглядов на конфликт, она звучала бы абсолютно бессодержательно: конфликт – это столкновение чего-то с чем-то» [1, с.42].

«Психологический словарь» определяет конфликт как «трудно разрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями» (Психологический словарь, 1983, с. 161). А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов предлагают следующее определение: «Под конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями» (Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 2004).

Б.И. Хасан, один из известных исследователей конфликта, предлагает следующее понимание конфликта: «Конфликт – это такая характеристика взаимодействия, в которой не могущие сосуществовать в неизменном виде действия взаимодействуют и взаимозаменяют друг друга, требуя для этого специальной организации» [6].

Как показывают многочисленные исследования (Н.В. Гришина, Т.В. Драгунова, Е.В Первышева, А.Г. Здравомыслов, А.И. Донцов, Т.А. Полозова и другие), возникновение конфликтной ситуации и осознание ее, ещё не предполагает, что взаимодействие людей в ней будет развиваться по какой-либо схеме. На этой стадии человек принимает решение относительно той или иной линии поведения в конфликте. И это поведение может быть различным.

По мнению Н.В. Гришиной, «принципиальным параметром «задающим» разный характер протекания конфликта, является тип взаимодействия, избираемый участниками ситуаций» Анализ многочисленных конфликтных ситуаций в трудовых коллективах позволил ей эмпирическим путем прийти к выделению *трех моделей развития конфликтной ситуации*. Она отмечает, что *сотрудничество* представляет собой такой тип взаимодействия в конфликтной ситуации, при котором его участники стремятся к разрешению возникших между ними противоречий, ориентируясь при этом на сохранения позитивных отношений и опираясь на них в процессе взаимодействия. *Кооперация* в данном контексте означает такой тип взаимоотношения в конфликтной ситуации, участники которого стремятся к разрешению возникших между ними противоречий, независимо от фактора взаимоотношений между ними, опираясь на формальные возможности решения проблемы (существующий порядок, предписания, нормы и т.д.) *Конкуренция* - это такой тип взаимодействия, в конфликтной ситуации при котором его участники не стремятся к разрешению существующих между ними противоречий и целью их взаимодействия становится «победа» над противостоящей стороной, для

чего применяется разнообразные средства, используемые при «борьбе с противником» [2, с.90].

Спорт является одной из сфер жизнедеятельности, в которой конфликты проявляются в большей степени. Это связано с рядом специфических черт, присущих данному виду деятельности: состояние постоянного противоборства, соперничества, острейшая конкуренция между спортсменами, значительный уровень физических и психологических нагрузок, повышенный эмоциональный фон - всё это способствует повышению личностной конфликтности. Особенно это относится к так называемым индивидуальным (парным) видам спорта, в которых спортсмен-одиночка состязается с соперником. Но, вместе с тем, условия многих видов спортивной деятельности требуют взаимопонимания, взаимовыручки, взаимопомощи, умения уступать, идти на компромисс, т.е. способствуют выработке стратегии сотрудничества. Это относится, прежде всего, к коллективным, командным видам спорта, где успех команды во многом зависит от совместных усилий. Общеизвестно, однако, что внутри команды часто существуют остро конкурентные отношения.

Одной из составляющих конфликтной ситуации является ее образ — то, как воспринимают друг друга и ситуацию участники конфликтного взаимодействия. Собственное представление о конфликте и способах его разрешения оказывает определяющее влияние на общение подростков, поскольку человек реагирует не на реальность, а на то, как он ее себе представляет (Абульханова-Славская, 2000; Г.М. Андреева, 2000 и др.).

Выше сказанное определило **цель данной работы** - *выявление взаимосвязи между особенностями*

представлений о конфликте у подростков-спортсменов и избираемой ими стратегии поведения в конфликтной ситуации.

Характеристика выборки

Эмпирическое исследование проводилось в Региональном спортивном лицее-интернате (Молдова, г. Комрат) в 7 – 9 классах. Основная цель спортивного лицея — подготовка профессиональных спортсменов. Воспитанники лицея являются олимпийским резервом страны. В исследовании приняли участие 53 человек в возрасте от 13 до 15 лет.

Методы

При решении поставленной задачи были использованы взаимодополняющие методы.

В качестве исследования особенностей представления о конфликте и способах поведения в конфликтных ситуациях у подростков-спортсменов, был использован разработанный нами вопросник, который включал как прямые, так и косвенные вопросы, помогающие выявить представление о конфликте и способах поведения в нем. Обработка результатов осуществлялась методом контент-анализа.

Для определения стиля поведения в конфликтной ситуации, характерного для подростков-спортсменов, была использована методика «Изучение стратегии поведения в конфликтной ситуации» (К. Томас). Для оценки статистической значимости различий между группами использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Для получения более объективной картины, участникам эксперимента предлагалась следующая

инструкция: *«Ответьте, пожалуйста, на предложенные вопросы. Старайтесь отвечать так, как Вы думаете. Отвечайте, пожалуйста, самостоятельно – нам важно знать Ваше собственное мнение по предложенным вопросам. Все, что Вы напишете, никто из Ваших друзей, знакомых, родителей или учителей не узнает»*. Кроме того, анонимность ответов была обеспечена отсутствием требования, указывать фамилию и имя респондентом.

Полученные в ходе исследования данные позволяют увидеть, что подростки-спортсмены дают достаточно полное понимание конфликта, называют большое количество признаков, соответствующих его описанию в общезыковых словарях, а также научных источниках.

Контент-анализ полученных данных позволил выделить следующие категории представлений о конфликте: «участники», «способы поведения», «цели», «виды», «мотивы», «социальные условия», «деятельность» и др. В настоящей работе мы представили данные об особенностях представлений подростков о конфликтах в условиях общеобразовательного пространства, поскольку в качестве участников конфликта наиболее часто назывались все участники системы «ученик-учитель-родитель». Ответы позволяют увидеть, что главными участниками «противоположной стороны» конфликта являются сверстники (49,0%), родители (18,0%). Следующие по частотности группы – «учитель», «тренер», «воспитатель» упоминались существенно реже (20,0%; 5,0% и 6,0%, соответственно).

Определяя задачу, мы предполагали, что эти представления будут различными в зависимости от того, проживают ли подростки-спортсмены дома, в семье с родителями или в общежитии спортивного лицей-интерната. Мы полагали, что жизнь в интернате в большей

степени провоцирует конфликты и что, следовательно, в этой группе будет более разнообразным, аффективно насыщенным, чем у подростков, проживающих в семье.

Заслуживает внимание единый подход к разрешению конфликтов с родителями, а именно: подростки указывают на то, что они чаще стремятся избежать конфликтного взаимодействия с родителями.

«В отношениях с родителями я стараюсь проявить терпение, пытаюсь поменять тему, но не всегда, получается» (проживает в интернате), «С родителями я не спорю, потому-то им кажется, что не слушаюсь» (проживает в семье). «Родители считают, что я еще маленький, чтобы заявлять о своих правах, поэтому я стараюсь с ними не спорить». При этом, как и следовало ожидать, выявлены существенные различия в частоте описания образа родителя как участника конфликта: подростки, проживающие в семье с родителями, включают образ родителя как участника конфликта в 81 % случаев, подростки, проживающие в общежитии лицея-интерната, в 52 % случаев (различия достоверны, $P=0,017$).

По мнению ряда учёных, подростковый период характеризуется такими психологическими особенностями, как *возникновение чувства взрослости и реакция эмансипации*.

По определению Д.Б. Эльконина, чувство взрослости есть новообразование сознания, через которое подросток сравнивает себя с другими (взрослыми или товарищами), находит образцы для усвоения, строит свои отношения с другими людьми, перестраивает свою деятельность. Переходность подросткового возраста, конечно, включает биологический аспект. Это период полового созревания, интенсивность которого подчеркивается понятием гормональная буря. Физические, физиологические, психологические изменения, появление сексуального

влечения делают этот период исключительно сложным, в том числе и для самого стремительно растущего во всех смыслах подростка [7].

В.В. Ковалев отмечал, что возникновение чувства взрослости и реакция эмансипации - это стремление к взрослости, самостоятельности, желание освободиться от опеки взрослых, отрицание своей принадлежности к детям, возможность расширить свои права и ограничить права взрослых в отношении его личности. Протест и неподчинение – средства, при помощи которых подросток добивается изменения прежнего типа отношений со взрослыми [4].

Обращает на себя внимание тот факт, что **образ сверстника** как участника конфликта, подростки, проживающие в семье, включают только в 66% случаях, а подростки, проживающие в общежитии лицея-интерната в 93% случаев (различия достоверны, $P=0,003$).

По мнению А.Е. Личко, вхождение в группу сверстников на правах равенства, сотрудничества – важнейшая проблема этого возраста: постоянное взаимодействие с товарищами порождает у подростка стремление занять среди них достойное место и является одним из доминирующих мотивов поведения и деятельности. Ребята общаются группами, дружба их очень эмоциональна, насыщена множеством переживаний [5].

Для определения стратегии поведения в конфликтной ситуации, характерной для подростково-юношей, была использована методика «Изучения стратегии поведения в конфликтной ситуации» (К. Томас).

Испытуемым предлагался бланк с 30 парами вопросов, из которых нужно было выбрать то суждение, которое является наиболее типичным для характеристики его поведения. Затем ответы заносились в таблицу по

шкале: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление (см. Таблица №1).

Таблица 1.

Испытуемые проживают?	Кол. чел.	Стратегии поведения, %				
		Соперничество	Сотрудничество	Компромиссная	Приспосаблива- емость	Избегание
в семье с родителями	17	20,0	14,0	22,0	22,6	21,4
в общежитии лица- интерната	36	15,0	18,0	21,0	19,0	27,0

Данные таблицы свидетельствуют о том, что у подростков, проживающих в семье с родителями, наблюдается приблизительно равные стратегии приспособления, компромисса, соперничества и избегания. Заметно реже других ими используется стратегия сотрудничества. Для подростков, проживающих в общежитии лица-интерната, характерна ярко выраженная стратегия избегания конфликта. Средние показатели по стратегиям приспособляемости, компромисса и сотрудничества. Относительно редкая стратегия поведения соперничества.

Выводы по тесту: несмотря на индивидуальные различия в поведении подростков, проживающих в общежитии лица-интерната и постоянно проживающих в семье, отмечается общий характер поведения в конфликтной ситуации.

Это указывает на активную позицию подростков-спортсменов со сверстниками, они стремятся отстаивать

свои интересы, но при этом стараются сотрудничать со своими сверстниками. Более того, в ситуациях, когда сотрудничество невозможно, они готовы пойти на уступки, ожидая того же самого от другой стороны. Иными словами, это частичное удовлетворение своего желания и желание другого человека.

ВЫВОДЫ.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в представлениях о конфликтах и способах поведения существенных различий нет между подростками-спортсменами, проживающих в общежитии лицея-интерната и постоянно проживающих в семье.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в подростковом возрасте еще не до конца сформирована способность находить самостоятельный выход из неблагоприятной ситуации. В этот период происходит качественный сдвиг в социальном развитии ребенка, связанный с переходом от углубленного самопознания и познания окружающих людей к личностному самоопределению.

Спортивная деятельность формирует человека как личность не меньшей степени, чем учебная и трудовая. Присущее ей ряд специфических черт: состояние постоянного противоборства, соперничества, острейшая конкуренция между спортсменами, значительный уровень физических и психологических нагрузок, повышенный эмоциональный фон накладывает определенный отпечаток на личность человека и особенность его поведение.

Деятельность спортсмена в социальной группе формирует его общественное сознание, жизненные принципы. Общение с другими людьми вызывают у занимающихся спортом не только эффект соперничества, но и воспитывает у них черты личности, связанные с совместной деятельностью. Вхождение *подростка-спортсмена* в

определенную спортивную группу и пребывания в коллективе способна изменить степень и направленность специфики конфликтного взаимодействия.

Как отмечается в работе Е.П. Ильина, «пребывание в коллективе изменяет степень и направленность агрессивности спортсмена, проявляемой в конфликтной ситуации. Лица с повышенной агрессивностью уменьшают ее за счет развития у них эмпатии (сопереживания за товарищессю по команде, идентификация своего состояния с эмоциональным состоянием других). Агрессивность трансформируется в так называемую «спортивную злость», направляемую на соперника» [3, 217с].

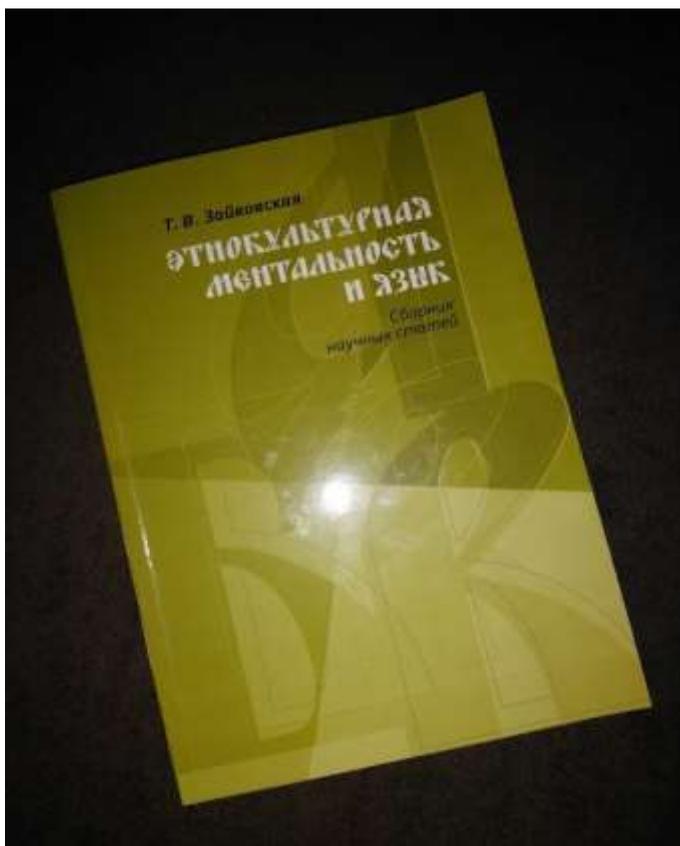
Литература

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984. С.102
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 544 с.
3. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. — СПб.: Питер, 2014. — 368 с
4. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста. — Рипол Классик, 1979. — 608 с.
5. Личко А.Е Психопатии и акцентуации характера у подростков. — Санкт-Петербург: Речь, 2010. — 256 с.
6. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта: учебное пособие – Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 250 с.
7. Эльконин Д.Б. Психология развития человека. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 460 с.

РЕЦЕНЗИИ

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ МИРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ ЗАЙКОВСКОЙ

Степанов В. П.,
доктор исторических наук, профессор
(г. Орел, Россия)

«Подобно тому как атлет гордится своей силой и ловкостью и находит удовольствие в упражнениях, заставляющих его мышцы работать, так и аналитик радуется любой возможности что-то пояснить или распутать».

Эдгар Алан По «Убийство на улице Морг» (1841 г.)

Признаюсь, впервые начинаю писать рецензию с критического замечания. Долгие годы знаю Татьяну Викторовну Зайковскую как серьезного специалиста-филолога, хорошо известного в кругах этнолингвистов и лингвокультурологов. Все знакомые с Татьяной Викторовной подтвердят ее удивительную скромность и порядочность. Однако эти редко встречающиеся сегодня человеческие качества, в ходе издания очередной ее книги сыграли злую шутку. Татьяна Викторовна поскромничала и назвала серьезно и тонко подобранный материал, отлично коррелирующий друг с другом, – сборником статей. Хотя при внимательном ознакомлении с вышедшей буквально под новый 2019 год книгой «Этнокультурная ментальность и язык. Сборник научных статей» (Кишинэу: S. n., 2018 – 272 с.) становится ясно, что воспринимать ее иначе как монографию невозможно.

Автор собрала под одной обложкой несколько глубоких разделов, в которых отражены исследования в области лингвокультурологии, этнопсихолингвистики, лингвофольклористики, теории межкультурной коммуникации и других актуальных филологических направлений, находящихся на стыке наук и культурных миров этноязыковой личности.

Последнее замечание очень важно для того, чтобы понять глубину научно-аналитической наполняемости

монографии. Научным интересом Татьяны Зайковской выступает пространство этнокультурного фронта – полиэтничное население Пруто-Днестровских земель. Данной темой невозможно заниматься, не будучи полиглотом, ведь большинство выводов в книге сделано благодаря сравнительному анализу языковой личности и ее картины мира на примере носителей молдавского, болгарского и русского языков. Обращу внимание, что в понятие «картина мира» исследовательница включает устойчивые образы, формируемые в процессе долгосрочной сохранности языковых социально-типичных значений.

Книга – результат многолетней целенаправленной собирательской и аналитической деятельности автора. Мне неоднократно приходилось бывать с Татьяной Викторовной в экспедициях, где она брала глубинные интервью у жителей центральной, северной и южной зон Республики Молдова. Десятилетия сбора полевого материала по многу часов (порой с маленькой дочерью, которая с ранних лет была спутницей мамы в экспедиционных поездках), тяжелая и кропотливая работа, которая вылилась в убойные строки монографии.

В первой главе книги содержатся результаты исследования конкретных элементов языковой картины мира и языкового сознания русских, болгар и молдаван. Она знакомит читателя с понятиями языковой личности и концепта в свете новейших научных разработок. В ней рассматриваются пространственные характеристики, концепт дома и его составляющих, концепты нравственно-онтологической сферы в языковом сознании русских, молдаван и болгар, сравнительные конструкции в соответствующих языках, представлен этнокультурный компонент фразеологических единиц и аксиологический аспект фразеологии указанных языков. Здесь же

представлен анализ наименований растений в языковой картине мира русских и молдаван.

Исследовательница подробно представляет своеобразие этнической картины мира и специфику культуры русских, молдаван и болгар Республики Молдова посредством изучения образных представлений о действительности, в отображении исторического, обиходно-эмпирического и духовного опыта языковой общности.

Автор книги также рассматривает цветовые обозначения трех названных выше языковых общностей. В связи с этим особенно любопытно выступают коррелирующие образы, связанные с цветообозначениями у русских, молдаван и болгар.

Так, Т.В. Зайковская подчеркивает: *«Обращаясь к перечням наиболее культурно значимых цветообозначений в русском и румынском языках, можно увидеть, что на первых двух местах в них находится черный (ntgru – рум.) и белый (alb – рум.), но уже на третьем мы уже сталкиваемся с различием: в русском – красный (который, кстати, в румынском задвинут в самый конец), в румынском – verde (зеленый)»* (С. 113).

Анализируя результаты работы с респондентами болгарского происхождения, исследовательница подчеркнула, что «наибольшее единодушие – вне зависимости от пола, возраста и рода занятий – информанты проявили в отношении следующих цветообозначений: бял – сняг/ден, черен – земля/нощ, червен – кръв/, желт – солнце, зелен – трава, что косвенно еще раз подтверждает закономерность их отнесения к цветовым этноэйдемам болгарского языка» (С. 121). Представляя культурно значимые цветообозначения болгар, она подчеркивает, что у них, *«как и у всех славян, основная цветовая триада образует систему,*

сопоставимую с архаической пространственной моделью мира» – это бял (белый) – черен (черный) – червен (красный) (С. 118).

Здесь важно подчеркнуть необходимость проведения определенной черты между общими языковыми моделями цветового спектра, наиболее часто упоминаемыми в определенном языке и важностью учета региональности проживания. На последнем сказывается не только география проживания, но и вытекающее из этого межкультурное взаимовлияние, межкультурная коммуникация, анализу которой столь серьезное внимание уделяет Т.В. Зайковская.

Автору рецензии также приходилось касаться темы цветовых предпочтений – при изучении этнической идентичности украинского населения Пруто-Днестровского региона.

Наиболее предпочтительный ассоциативный ряд представляет следующий выбор: красный – 18,60 %; оранжевый – 23,26 %; желтый – 32,56 %; зеленый – 57,56 % и др. (репрезентативная выборка 600 + 50 чел. украинской национальности) [2, с. 473 -474, 564].

Как видно из приведенных для сравнения данных, ряд ассоциаций, названных респондентами украинцами, болгарами и молдаванами, совпадает. Во многом эти данные обусловлены общими географическими условиями проживания, ценностями, свойственными земледельческим народам, взаимовлиянием культур.

Отдельно автор останавливается на теме языкового сознания молодежи. Следует отметить глубокую компетентность Т.В. Зайковской в данной теме. Ее перу принадлежит отдельное монографическое произведение по названной проблеме [1].

Исследователь-филолог поднимает проблему молодежного фольклора в качестве культурного явления

современной цивилизации, подчеркивая, в том числе, влияние на эволюцию данного феномена городской среды. Автор выходит на актуальную и многоаспектную проблему языка молодежной субкультуры, подчеркивая специфику смыслового наполнения в поликультурной среде за счет функционирующих в языковом пространстве языков.

Содержательным выглядит раздел книги, посвященный фольклорному сознанию и символике фольклора. Выше уже отмечалось, что исследовательница много и скрупулезно собирала фольклорный материал в старообрядческих селах Молдовы. Автор рассматривает целый блок вопросов, таких, как фольклорный концепт, концептосфера и язык фольклора, включая характер и формы взаимодействия, и т. п.

Исследовательница обращает внимание на принципиальную характеристику целостности фольклорного сознания, *«что обуславливает комплексную (не иерархическую) структуру значений фольклорного концепта <...> как дискурсивной реализации общекультурного концепта»* (С. 188 и др.).

О комплексности рассмотрения фольклорного наследия русского населения свидетельствует углубленное погружение автора книги в анализ проблемы символа в фольклорной традиции (цветовой, бинарной, растительной).

Заключительный раздел книги посвящен теме межкультурной коммуникации.

Представленный на суд читателя материал, как и другие разделы, демонстрируют серьезный междисциплинарный подход, практикуемый автором. Исследователь подчеркивает взаимообусловленность языка и культуры и сопряженные с этим сложности межкультурной коммуникации, особенно ощутимые в

политэтнической среде. Автор справедливо подчеркивает важность постоянного изучения коммуникативного пространства, неустанной работы, направленной на укрепление устойчивых коммуникативных связей, базирующихся не только на знании и использовании языков народов, живущих в политэтнической среде, но, что не менее важно, на знании культур этих народов, без чего язык не может выполнять всю возлагаемую на него многосмысловую коммуникативную задачу.

Книгу, написанную Т. В. Зайковской, интересно читать в силу авторской глубины мысли и широты взглядов. Ну а превращает чтение в удовольствие богатый авторский язык и тонкое перо.

Исследование обязательно встретит своего читателя как среди коллег, так и среди студенчества. Вот только печалит то, что, живя в век интернета и мобильной связи, мы одновременно погружены во время полуподпольных журналов и секретных монографий. Увы, опубликованные в далекой Молдове книги не всегда доступны российским коллегам, потому хотелось бы посоветовать автору разместить столь актуальную работу в сети.

В заключение хочется поздравить уважаемую Татьяну Викторовну Зайковскую с завершением интересного и нужного труда и пожелать ей новых интересных проектов и книг.

Литература

1. Зайковская Т. В. Проблемы культуры молодежной речи: пути пополнения словарного состава молодежного жаргона. Кишинев: Busines-Elita, 2005. – 211 с.
2. Степанов В.П. Грани идентичностей. Этногражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова на примере украинского населения (1989–2009 гг.). Тирасполь: «Elan Inc» SRL, 2010 (Tipogr. «Elan Poligraf» SRL). – 596 с. – С. 473-474, 564.

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ Н.Ф. ДОНЦУ

Н.Ф. ДОНЦУ

**ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ
ПО ИНТЕГРИРОВАННОМУ КУРСУ
СТИЛИСТИКИ И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ
Сборник упражнений**

**КИШИНЭУ-2020
СЕР USM**

***Цвик Ирина Иосифовна,
доктор педагогики, конференциар
(г. Кишинев, Республика Молдова)***

РЕЦЕНЗИЯ

Данное пособие представляет собой третью часть комплекса изданий, опубликованных тем же автором: курса лекций и сборника контрольных работ. Оно включает Введение о целях и результатах использования материала; главы, соответствующие темам куррикулума, вынесенным на практические(семинарские) занятия, образцы контрольных работ.

Каждое отдельное занятие включает контрольные вопросы по теоретическому материалу, предполагаемую тему для творческого реферата, выполняемого студентом, комплекс разнообразных упражнений, включающих эвристические и занимательные, а также библиографию, в том числе новейшие источники.

Данную дисциплину студенты изучают в первом семестре 3 курса, так что они уже достаточно подготовлены, и автор умело чередует легкие задания с более сложными, использует в нужном ракурсе знания учащихся по другим предметам, а также сопоставление отдельных грамматико- и фонетико-стилистических явлений с соответствующими феноменами румынского языка.

Пособие помогает усвоить непростые термины и понятия дисциплины, приобрести сложные практические навыки, но в то же время написано доступным языком и имеет стройную, логичную структуру. Не вызывает сомнения высокая степень систематизации материала.

Полагаем, что данный сборник является действенным инструментом усвоения курса стилистики и культуры речи, тем более что в школьную программу теория культуры речи и приобретение практических навыков включаются спорадически. Учитывая все сказанное выше, считаем, что пособие может быть рекомендовано широкому кругу преподавателей, студентов и магистров.

ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

ЗАСЕДАНИЕ РУСИСТОВ В ОНЕГИНСКОМ ЗАЛЕ ДОМА – МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА

*Млечко Татьяна Петровна,
доктор хабилитат филологии, доктор педагогики,
профессор, ректор СУРМ
(г. Кишинев, Республика Молдова)*

Ежегодно первое заседание Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ), по сложившейся традиции, приурочено ко Дню родного языка. В этом году оно прошло в Онегинском зале Дома-музея А.С. Пушкина. Место было выбрано сообразно главному вопросу повестки дня заседания: об участии МОПРЯЛ в мероприятиях, приуроченных к юбилейной дате - 200-летию со дня приезда А.С. Пушкина в Кишинев. Обсудили вопрос о партнерстве МОПРЯЛ с Домом-музея А.С. Пушкина. Это связано с тем, что особое внимание в деятельности МОПРЯЛ в наступившем году будет уделено особой дате – юбилею приезда великого русского поэта в молдавский край. Все участники получили в подарок книгу «Лоза Буджака», (автор, директор Дома-музея Пушкина, М.В. Лупашко).

На заседании были подведены итоги прошедшего – 2019 - года и обсуждены **основные результаты** деятельности организации, о которых рассказала председатель МОПРЯЛ Татьяна Петровна Млечко, ректор Славянского университета, доктор педагогики, доктор хабилитат филологии, иностранный член РАО, член Президиума МАПРЯЛ.

- Была проведена работа и специальное **заседание МОПРЯЛ** (февраль 2019) по подготовке делегации МОПРЯЛ для **участия в XIII Конгрессе МАПРЯЛ**, который прошел в Нур-Султане (Казахстан) 25-30 апреля 2019 г. В Конгрессе и Генеральной Ассамблее МАПРЯЛ приняли участие 5 русистов от Молдовы: с выступлениями и публикациями.

- По итогам поездки прошло специальное **заседание МОПРЯЛ** с отчетом и информацией о работе Конгресса, его научном и методическом содержании, о принятых на нем организационных решениях (РЦНК. июнь 2019).

- Авторским коллективом из числа членов МОПРЯЛ был реализован **проект** по написанию, **изданию** и безвозмездному распространению по учебным заведениям РМ книги для **преподающих и изучающих русскую литературу вне России**: «История государственности в русской литературе. Книга третья «Государство – это мы. 1917 – 1991 гг.» (Авторы В.Б. Репида, О.А. Сайко; рецензенты Цвик И.И. и А.Д. Дубровски.). Проект реализован **по гранту Фонда Русский мир**.

- Была организована и проведена широкая **презентация** книги «Государство – это мы. 1917 – 1991 гг.» для педагогов республики на базе образовательного комплекса им. Кирилла и Мефодия 18 сентября 2019 г.

- Рабочей группой из состава МОПРЯЛ Завершен многолетний **проект по адаптации линейки российских учебников** по русскому языку (5-9 кл.) для молдавских школ с русским языком преподавания. Проект был поддержан **грантом Фонда Русский мир**. Готовая версия передана в ноябре 2019 г. в Министерство образования, исследований и культуры РМ.

- Члены МОПРЯЛ вошли в качестве основного состава **рабочей группы**, образованной при Министерстве образования, исследований и культуры РМ по **созданию нового куррикулума** по интеграционному курсу русского языка и литературы. (Председатель – И.И.Цвик, О.А. Сайко, Т.Г. Черных).

- МОПРЯЛ организовал поездку двух школьных учителей на **VI Педагогический форум в Сочи**: выступления на секциях, участие в конкурсе финансируемых проектов. (В. Делемарская, М. Соболева).

- Освещение деятельности МОПРЯЛ в **СМИ**.

- Публикация научных, дидактических и методических материалов в аккредитованном **научном издании** журнале «Славянские чтения» (2 номера в год).

- Проведение совместно с партнерами из Московского педагогического государственного университета **семинара** по повышению квалификации учителей «**Преподавание на русском языке в евразийском пространстве**» (декабрь, 2019).

Участники заседания обсудили и определили план деятельности на нынешний год. Особое место в деятельности МОПРЯЛ займет подготовка к научно-практической конференции «Славянские чтения», которая рассмотрит в преломлении к творчеству и языку Пушкина целый ряд филологических, педагогических и культурологических вопросов.

Также запланирована акция, в рамках которой каждый из русистов Молдовы, кто был удостоен Международной медали А.С Пушкина, подготовят своё публичное Слово о Пушкине: выступление, мастер-классов, лекцию и др. Открытые выступления состоятся в

разных учебных заведениях для разных аудиторий слушателей.

В настоящее время в республике 10 лауреатов этой престижной награды. Кроме ушедшей из жизни профессора Ирины Александровны Ионовой, это Виктор Николаевич Костецкий, ныне руководитель просветительских и образовательных проектов РЦНК, который продолжает свою работу в организации в качестве Почетного председателя МОПРЯЛ. Это заместители председателя МОПРЯЛ Нина Анатольевна Горбачева, доктор педагогики, и конференциар Бельцкого государственного университета им. А. Руссо Елена Владимировна Сирота. Среди награжденных руководители Центров русского мира в БГУ и в МолдГУ доктора наук Т.Н. Сузанская и В.Н. Носов, заведующий кафедрой русской филологии. Помимо вузовских преподавателей по рекомендации МОПРЯЛ, Медалью А.С. Пушкина награждены известные своим подвижническим трудом школьные учителя-словесники: Ольга Анатольевна Сайко, Татьяна Геннадьевна Черных и Любовь Александровна Кара. Двумя медалями Пушкина – Международной от МАПРЯЛ и Государственной наградой Российской Федерации награждена руководитель МОПРЯЛ и член Президиума МАПРЯЛ с 1999 года Татьяна Петровна Млечко.

Медаль - еще одна форма особого признания заслуг членов нашей национальной организации русистов. Она присуждается по рекомендации национальной организации русистов(МОПРЯЛ) и по решению Президиума **МАПРЯЛ**. Медаль А.С. Пушкина является высшей наградой в сфере продвижения русского языка и культуры в мире через его преподавание, исследование, популяризацию русского культурного наследия. Она была

учреждена в 1977 году – в честь 10-летия МАПРЯЛ. Впервые награждение медалью А.С. Пушкина было проведено на IV конгрессе МАПРЯЛ в Берлине (август 1979 г.) Ежегодно присуждается не более 10 медалей лучшим русистам мира.

На прошедшем заседании МОПРЯЛ была дана еще одна официальная рекомендация от МОПРЯЛ на награждение достойного члена Общества, авторитетного педагога, на протяжении всей своей профессиональной деятельности преподававшего русский язык школьникам, обучающимся на государственном языке. Это Нина Серафимовна Лунгу, учитель Кишиневского лицея «Жинта Латинэ».

Обратившись к коллегам, она сказала: «Горжусь, что уже 10 лет являюсь единомышленником и членом МОПРЯЛ. В сотрудничестве с МОПРЯЛ участвовала в национальных и международных форумах Международной ассоциации МАПРЯЛ в разных странах мира. МОПРЯЛ – это островок русистов нашей Молдовы по изучению, преподаванию и распространению русского языка и русской культуры».

Заседание Президиума МАПРЯЛ в Стокгольме

Шведская организация преподавателей русского языка, отмечающая в этом году 10-летие, предложила в рамках своих праздничных мероприятий провести очередное плановое заседание Президиума МАПРЯЛ в Стокгольме, куда съехались русисты со всех уголков Швеции. Они преподают русский язык шведским детям и детям русскоязычных эмигрантов. Факультативы, курсы, воскресные школы, дополнительное образование – разнообразная и сложная, с учебно-методической и организационной точки зрения, работа. 12-14 марта конференционные заседания проходили в Посольстве Российской Федерации в Королевстве Швеция, где участников приветствовал Посол РФ, а также в знаменитом Стокгольмском университете, где изучаются славянские языки.

Несмотря на активно наступающую пандемию, заседание Президиума состоялось. Оно было необходимо для рассмотрения ряда важных вопросов организационного и финансового характера, но, самое главное, для определения стратегических планов на новый 4-летний период после прошлогоднего казахстанского Конгресса МАПРЯЛ и предстоящего Конгресса в Санкт-Петербурге.

В числе обязательных плановых вопросов заседания Президиума был приём новых членов и присуждение Медали А.С. Пушкина.

Рекомендация Молдавского общества русистов получила поддержку Президиума.

Мы все поздравляем нашу коллегу Нину Серафимовну Лунгу с этой высокой международной профессиональной наградой.

ПРОЩАНИЕ С В.Г. КОСТОМАРОВЫМ

*Млечко Татьяна Петровна,
доктор habilitat филологии, доктор педагогики,
профессор, ректор СУ
(г. Кишинев, Республика Молдова)*

Дорогие друзья и коллеги!

Наша печаль сегодня столь же велика, сколь велико было наше уважение и наша любовь к **Виталию Григорьевичу Костомарову**.

Ученый с мировым именем и настоящий русский интеллигент, он был для многих кумиром и Учителем, а для нас, членов Президиума МАПРЯЛ, на протяжении многих лет Виталий Григорьевич был авторитетным лидером и просто добрым старшим другом. Потрясающий рассказчик, интеллектуально наполненный и душевно

щедрый человек, Виталий Григорьевич был дорог всем нам.

Можно только вообразить, скольких людей в мире опечалит уход из жизни Виталия Григорьевича. Его имя стало символом целой эпохи в лингводидактике и образцом служения русскому Слову. Есть ли равная ему по масштабу величина в современной мировой русистике?!

Невероятно сложно совместить сегодняшний траур с картиной еще совсем недавних юбилейных торжеств, где Виталий Григорьевич энергично, радостно, живо и остроумно принимал поздравления и цветы от огромного количества людей, знавших и почитавших его. Как хорошо ему было в атмосфере, которую с искренней любовью и почтением создал во время 90-летия своего Президента коллектив ЕГО института.

Вот так, наверное, и довелось нам там попрощаться.

Как хорошо, что при жизни Виталий Григорьевич вовремя успел услышать и получить заслуженные почести и почувствовать себя востребованным и по достоинству оцененным педагогами, студентами, коллегами, учеными, своей родиной и большим русским миром.

Со всех уголков маленькой Молдавии, как слезы по щекам, скатываются в социальные сети многочисленные слова печали, соболезнований и благодарности Виталию Григорьевичу за всё, чем он профессионально одарил несколько поколений русистов нашей страны. Мы помним его визит к нам. Мы гордимся, что В.Г. Костомаров - Почетный профессор Славянского университета в Республике Молдова.

Светлая и добрая память светлomu гению русского слова Виталию Григорьевичу Костомарову!

РЕКОМЕНДАЦИЯ Н.С. ЛУНГУ НА ПРИСВОЕНИЕ МЕДАЛИ А.С. ПУШКИНА

Глубокоуважаемые члены Президиума МАПРЯЛ!

В качестве кандидатуры на награждение медалью А.С. Пушкина выдвигается **Лунгу Нина Серафимовна, учитель русского языка и литературы**. МОПРЯЛ ходатайствует перед МАПРЯЛ о присуждении нашей коллеге с 45-летним стажем педагогической работы этой высокой и заслуженной награды.

Лунгу Н.С. - учитель высшей дидактической категории. В течение многих лет своей преподавательской деятельности в теоретическом лицее «Ginta Latină» с молдавским языком обучения Лунгу Н.С. способствует формированию у учащихся глубокого уважения к России, русской культуре и русскому языку как национально-культурному феномену.

Профессиональную деятельность Лунгу Н.С. отличает глубокая любовь к своему предмету и ученикам, компетентность, высокое чувство ответственности, стремление к постоянному совершенствованию.

Уроки, проводимые Лунгу Н.С., - это уроки мастера, владеющего педагогическими инновационными технологиями. Они вызывают у учащихся желание учиться, заряжают их творческой энергией. В практике преподавания русского языка учитель использует работу учащихся над различными проектами (информационными, исследовательскими, творческими и т.д.). По мнению Лунгу Н.С., проект учащегося – это возможность делать что-то интересное самостоятельно, проявить себя, принести пользу и показать публично достигнутый результат.

Под руководством Лунгу Н. С. ученики лицея уже 15 лет принимают активное участие в муниципальной конференции школьников «Способность. Труд. Талант», выступая с исследовательскими работами, посвященными русскому языку, взаимосвязи русской и молдавской культур. Работы учащихся были неоднократно отмечены дипломами конференции.

Кроме того, Лунгу Н.С. ежегодно проводит в лицее научно-практическую конференцию школьников «Русский язык – это язык Пушкина», в которой активное участие принимают и учителя лицея.

Лунгу Н.С. проводит большую наставническую деятельность - как в лицее, так и в рамках страны. Она пользуется заслуженным авторитетом как наставник и консультант по методике преподавания русского языка в национальной школе. Н.С. Лунгу постоянно проводит мастер-классы для учителей-русистов Молдовы, проходящих курсы повышения квалификации в Институте педагогических наук.

Лунгу Н.С. – активный участник и неоднократный победитель международных интернет-конкурсов педагогического мастерства: диплом (III место) Международного конкурса методических разработок

преподавания русского языка в государствах-участниках СНГ 2017. в номинации *Лучшая педагогическая практика по использованию современных технологий обучения русскому языку как неродному в основном и среднем общем образовании*; диплом (I место) Всероссийского педагогического конкурса в номинации *Профессиональное кредо педагога*, 2019; диплом (I место) Всероссийского педагогического конкурса в номинации *Исследовательские работы обучающихся*, 2019; диплом (I место) Всероссийского педагогического конкурса в номинации *Портфолио как показатель профессионализма педагога*, 2020 и др. В 2017 году Лунгу Н.С. создала персональный сайт, на котором делится своими методическими находками с международным сообществом учителей.

Область профессиональных интересов Лунгу Н.С. не ограничивается только учебной деятельностью. Она проявляет большой интерес к научной педагогической работе, свидетельством чему является ее активное участие в национальных и международных научно-практических конференциях. Лунгу Н.С. выступала с докладами на конференциях В Российской Федерации, Польше (VII Международная научная конференция «Русский язык в языковом культурном пространстве Европы и мира: человек, сознание, коммуникация, интернет» 6-10 мая 2016 года Польша, Варшава; тема выступления *Формирование социокультурной компетенции при изучении русского языка в школах Республики Молдова с румынским языком обучения*; Международный научный симпозиум «Русская грамматика 4.0» 13-16 апреля, 2016 года Россия, Москва; тема выступления *Технологии коммуникативного обучения русскому языку в школах Республики Молдова*; Международная научная конференция «Горизонты современной русистики» 30-

31 января 2020 года, Россия, Москва и др.). Статьи Лунгу Н.С. по научно-методическим проблемам опубликованы в республиканских и международных научных сборниках и журналах.

Профессиональная и просветительская деятельность Лунгу Н.С. была неоднократно отмечена наградами и поощрениями (дипломы Департамента образования, представительства Россотрудничества в Республике Молдова, грамоты лица и т.д.)

С 2011 года Лунгу Н.С. является членом молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ), принимает самое активное участие в организации и проведении просветительских и научно-методических мероприятий, связанных с педагогикой,

русской культурой, языковым образованием, межкультурной коммуникацией и воспитанием толерантности. По линии данной организации Лунгу Н.С. активно участвует в национальных и международных форумах Международной ассоциации (МАПРЯЛ) в разных странах мира (XIII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры» 13-20 сентября, 2015 года, Гранада (Испания); тема выступления *Роль внеклассной работы по русскому языку и литературе в формировании и развитии коммуникативной компетенции учащихся*; XIV Конгресс МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире» 29 апреля-3 мая 2019 года, Республика Казахстан, Нур-Султан; тема выступления *Фоновые знания как основа развития социокультурной компетенции и формирования толерантности учащихся в полиэтнической Молдове*).

Млечко Татьяна Петровна,
доктор хабилитат филологии, доктор педагогики,
профессор, ректор СУ
(г. Кишинев, Республика Молдова)

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Приглашаем вас к сотрудничеству в журнале «Славянские чтения», который решением Национального Совета по аттестации и аккредитации Республики Молдова № 146 от 27 июня 2013 года зарегистрирован в качестве научно-теоретического издания по проблемам филологии, культурологии и педагогики (категория «С»).

Журнал издается Славянским университетом и освещает исследовательскую деятельность преподавателей вуза по аккредитованному научному направлению «Славянские культуры в Республике Молдова», консолидирует специалистов Молдовы и зарубежных стран, научные интересы которых связаны со славистикой.

Сложившиеся тематические традиции журнала отражены в названиях разделов:

- «Филология»;
- «Культурология»;
- «Педагогика».

Особый раздел посвящается истории русской филологической науки в Республике Молдова.

Редколлегия журнала будет благодарна также за полезные информационные материалы, рецензии на новые издания и т.п.

Периодичность журнала – два номера в год. Для того, чтобы ваш материал попал в очередной номер, следует прислать его по указанному электронному адресу.

К публикации принимаются материалы на русском и

других распространенных в Республике Молдова славянских языках, румынском языке.

Следите за информацией на сайте Славянского университета: <http://www.surm.md>

Наш адрес: Республика Молдова, MD 2068, Кишинев, ул. Флорилор, 28/1, Славянский университет

Факс: (+37322) 022-43-03-81

Телефоны: (+37322) 022-22-47-50

(+37322) 022-43-03-81

E-mail: sirotaelena@mail.ru Сирота Елена Владимировна

**К сведению авторов
научно-теоретического журнала
«Славянские чтения»**

- Материал, представляемый в печать, должен быть оригинальной и ранее не публиковавшейся работой автора.
- Работа должна быть структурирована согласно требованиям, предъявляемым к научным статьям: необходимо обозначить проблему, объект исследования, основания постановки и решения проблемы, выводы, заключение.
- К публикации принимаются статьи, рецензии на научные и методические издания, обзоры, информационные и другие материалы.
- Текст для публикации представляется в электронном варианте по указанным адресам.
- Стоимость публикации: объем статьи до 6 стр. – 200 леев (15 \$), более 6 стр. – 300 леев (20 \$).

Материалы докторов хабилитат (докторов наук) публикуются бесплатно.

Основные требования к техническому оформлению материалов

- Текстовый редактор Microsoft Word.
- Формат листа А4 (21 x 14,8 см).
- Поля страницы – по 2 см со всех сторон.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Красная строка (абзацный отступ) – 1 см.
- Шрифт – Times New Roman, кегль 12.
- Примеры из художественной литературы, цитаты из научных источников набираются курсивом, выделяемые в них фрагменты – жирным курсивом.
- Примеры и цитаты заключаются в «косые кавычки»; закавычивание внутри цитат производится «лапками»: «... “...”...».
- Упущенные фрагменты цитируемых текстов обозначаются <...>.
- Стихотворные тексты набираются курсивом с абзаца, стихотворные строки разделяются двумя косыми скобками.

Например:

«А теперь в бесприютном краю, // уж давно не снимая котомки, // качаю — ловлю я, качаю — ловлю // строки о русской речонке... <...>» (В. Набоков, «Река») [7, 33].

- Тире и дефис различаются.

- Таблицы, схемы, иллюстрации, фотографии с подписями – внедрены в текст, шириной не более 10 см.
- Название статьи набирается заглавными буквами (12 кегль), полужирным шрифтом, по центру. Справа под заголовком указываются Фамилия, Имя, Отчество, ученая степень, должность, в скобках – город, страна.
- Через отступ от информации об авторе помещаются аннотации на русском и английском языках, до 50 слов; шесть ключевых слов (10-й кегль). Авторы из Республики Молдова дают аннотацию также на государственном языке страны. Аннотации предваряются переводом названия статьи на язык аннотации (заглавными буквами, 9-й кегль).
- В конце статьи помещается в алфавитно-хронологическом порядке список использованной литературы (Литература) с указанием данных источника (10-й кегль).

Образец:

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Бацевич Ф.С. Функционально-семантические исследования глагольной лексики. // Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.

- В список литературы включаются только те работы, которые цитируются в статье или на которые ссылается автор.

- Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, с указанием номера источника в списке, далее через запятую номер страницы, например, [1, 13].
- Если источник многотомный, номер тома отделяется от номера источника двоеточием, например: [5: 2, 48]. Если источников несколько, между ними ставится точка с запятой. Например: [6, 213; 4:1, 60]. Название издательства не указывается.
- Там, где это необходимо, используются примечания внизу страницы с автоматической нумерацией. Постраничные примечания набираются курсивом (10 кегль).

**Материал, предлагаемый к публикации,
сопровождается справкой следующего содержания:**

- Фамилия, имя, отчество автора.
- Ученая степень, звание.
- Адреса для связи: страна, индекс, город, улица, телефоны, факс, e-mail.

*Редакционная коллегия
научно-теоретического журнала
«Славянские чтения»*

НАШИ АВТОРЫ

Акопян Ануш Вагановна, доктор филологических наук, доцент Ереванского республиканского университета, г. Ереван, Республика Армения.

Бабюк Александра Петровна, докторант кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А.Руссо, учитель русского языка и литературы II дидактической категории теоретического лицея имени В. Маяковского, г. Бельцы, Республика Молдова.

Глазунова Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Горбачева Нина Анатольевна, доктор педагогики, конференциар, заведующий кафедрой славянской, романогерманской филологии и журналистики Славянского университета РМ, г. Кишинев, Республика Молдова.

Грабовская Валентина Николаевна, музеограф Дома-музея А.С. Пушкина, г. Кишинев, Республика Молдова.

Дамьян Надежда Андреевна, старший преподаватель кафедры Язык и коммуникация Кишиневского государственного педагогического

университета им. И. Крянгэ; г. Кишинев, Республика Молдова.

Долгов Вячеслав Геннадьевич, доктор филологии, конференциар кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо; Бельцы, Республика Молдова.

Еркибаева Гульфайруз Гинаятовна, доктор педагогических наук, профессор, г. Туркестан, Республика Казахстан.

Заяц Михаил Сергеевич, аспирант Российского университета Дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация.

Игнатенко Диана Анатольевна, доктор филологии, преподаватель кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо; г. Бельцы, Республика Молдова.

Колесник Любовь Анатольевна, доктор педагогических наук, конференциар кафедры “Язык и общение” Кишинёвского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ, г. Кишинев, Республика Молдова.

Мельников Ростислав Иванович, историк, политолог, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Млечко Татьяна Петровна, доктор педагогики, доктор хабилитат филологии, профессор; ректор

Славянского университета, г. Кишинев, Республика Молдова.

Метлушко Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь

Николаева Анна Павловна, психолог Регионального спортивного лицея, г. Комрат, Республика Молдова.

Парахонько Людмила Вячеславовна, ассистент кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо, докторант, г. Бельцы, Республика Молдова.

Патроева Наталья Викторовна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск, Российская Федерация.

Пристайко Тамара Степановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и славянского языкознания Днепровского национального университета имени Олеса Гончара, г. Днепр, Украина.

Радь Эльза Анисовна, доктор филологических наук, профессор Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Российская Федерация.

Рыбак Сергей, доктор философии, доцент Прешовского университета, г. Прешов, Словакия.

Сайко Ольга Анатольевна, учитель высшей дидактической категории теоретического лицея Алеку Руссо, г. Кишинев, Республика Молдова.

Сирота Елена Владимировна, доктор филологии, конференциар кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо; г. Бельцы, Республика Молдова.

Ставская Анастасия Викторовна, студентка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Российская Федерация.

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных наук и этнонациональных процессов ОГУ имени И. С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация.

Урсу Елена Александровна, учитель русского языка и литературы высшей дидактической категории теоретического лицея имени А. С. Пушкина, г. Бельцы, Республика Молдова.

Тулбу Алиса Андреевна, магистрантка Сетевого университета стран СНГ, г. Оргеев, Республика Молдова.

Талмазан Олег Назарович, магистр, выпускник Сетевого университета стран СНГ, писатель, г. Кишинев, Республика Молдова.

Цвик Ирина Осиповна, доктор педагогики, конференциар кафедры Язык и коммуникация Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ; г. Кишинев, Республика Молдова.

Чолану Людмила Васильевна, преподаватель Бельцкого государственного университета им. А. Руссо; г. Бельцы, Республика Молдова.

Шевчук Тамара Ивановна, учитель русского языка и литературы I дидактической категории технологического лицея ОРТ им. Б.З. Герцля, г. Кишинев, Республика Молдова.

**СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 14-15 (20-21)

Кишинёв-2020

Аprobat spre tipar: 10.05.2020	Format A5
Hartie ofset. Tipar ofset	Tirajul: 200 ex.
Coli editoriale 20,93	Comanda nr.5 din 17.05.2020
Coli de tipar conv. 22,75	

Tipografia "Valinex", Republica Moldova - 2068, Chişinău

<http://www.valinex.md> info@valinex.md

Tel. /fax (+373 22) 43 03 81